

Эммануэль ВАГЕМАНС

ЦАРЬ В РЕСПУБЛИКЕ

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО
В НИДЕРЛАНДЫ 1716–1717

**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

**НИДЕРЛАНДСКО-РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
УНИВЕРСИТЕТА ГРОНИНГЕНА**

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е.В. Анисимов, научный руководитель Института Петра Великого, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

В.Е. Багно, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа

Д.А. Гранин, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева

Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»

А.В. Кобак, заместитель директора Института культурных программ

А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева

В.П. Леонов, директор Библиотеки Российской академии наук

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа

В.Н. Плешков, директор Санкт-Петербургского института истории РАН

А.Р. Соколов, директор Российского государственного исторического архива

Ю.К. Чистов, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

Эммануэль Вагеманс

ЦАРЬ В РЕСПУБЛИКЕ

Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717)

Перевод с нидерландского
В.К. Ронина

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2013

Программы Института Петра Великого поддерживают:

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Международный благотворительный фонд «Константиновский»
Фонд имени Д.С. Лихачева

На нидерландском языке книга опубликована в 2013 году
издательством Нидерландско-Российского центра (Гронинген, Нидерланды)
совместно с издательством «Бенерюс» (Антверпен, Бельгия)

Редактор
Б.В. Останин

Второе путешествие царя Петра в Нидерланды (1716–1717) — неизученный эпизод из истории отношений между Голландией и Россией. Во время Великого посольства Петр еще был малообразованным «московским великим князем». В 1717 году это уже могущественный победитель шведского короля Карла XII, с которым западным державам пришлось считаться. Книга фламандского слависта Эммануэля Вагеманса с живыми подробностями описывает пребывание Петра в Республике, привлекает много новых, порой пикантных, свидетельств очевидцев, изобильно черпает факты из неопубликованных материалов российских, нидерландских, бельгийских, французских и британских архивов. Книга описывает сеть контактов, которыми располагал Петр и откуда получал нужную информацию о политике и дипломатии в Гааге, его российских и голландских лоббистов и агентов, покупавших для него оружие и произведения искусства, вербовавших специалистов на российскую службу и знакомивших русского царя с передовыми учеными и художниками того времени. Книгу украшают многочисленные иллюстрации из редких изданий начала XVIII века.

Эммануэль Вагеманс. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717). Перевод с нидерландского В.К. Ронина — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2013 — 256 стр., илл.

На обложке: Усадьба агента Петра в Голландии «Petersburg» (De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

ISBN 978-5-8015-0311-0

© Эммануэль Вагеманс, 2013
© В.К. Ронин, русский перевод, 2013
© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2013
© Издательство «Европейский Дом», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Источники и историография	12
Источники	12
Историография	15
Второе путешествие Петра I на Запад (1716–1717) и его дипломатическая подоплека	21
Сеть контактов Петра I в Голландии	36
Русский посол Борис Куракин	36
Русский агент Йоханнес ван ден Бюрг	42
Русский агент Осип Соловьев	50
Голландский купец Кристоффель Брантс	52
Коллекционеры	66
Юрий Кологривов	72
Художники: учителя и ученики	76
Издатели и книготорговцы	81
Первый период пребывания в Голландии (декабрь 1716 – апрель 1717)	94
Торжественная встреча	94
Амстердам	102
Болезнь царя	109
Первый голландский русский	110
Гаага	115
Лейден	123
Роттердам	125
Зеландия	129
Поездка во Францию (апрель – июль 1717)	144
Австрийские Нидерланды	144
Франция	149
На обратном пути в Голландию	153

Второй период пребывания в Голландии

(июль—сентябрь 1717)	160
Маастрихт	160
Хорн	175
Амстердам	176
Ло и Апелдорн	184
Утрехт	186
Зандам	191
Отъезд из Амстердама	211
Берген-оп-Зом и Дордрехт	213
Неймеген	214
Заключение	226
Библиография	228
Указатель имен	245
Указатель географический	249
Издания Института Петра Великого	251

Царь Петр на курорте Пирмонт накануне визита в Голландию
в 1716 году (Museum im Schloss Bad Pyrmont)

Карикатура Владимира Ненашева
из сборника «Петр Великий идет на Запад» (Антверпен, 2003)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посещение молодым царем Петром I Голландии в 1697–1698 гг. — тема общеизвестная и хорошо изученная. Фигура высоченного экзотического царя, учившегося собственными руками строить корабли на амстердамских верфях («царь-плотник»), до сих пор поражает воображение. Трудно себе представить, чтобы современник и товарищ Петра по монаршему ремеслу Людовик XIV трудился на верфях, а вечером кутил с судовыми плотниками и матросами в портовых кабаках. Использование царем опыта, приобретенного в Нидерландах, для строительства его новой столицы Санкт-Петербурга и приглашение им в этих целях многих голландских мастеров и специалистов усиливают впечатление, что Петр был учеником голландцев, и Нидерланды гордились и гордятся своей ролью учителей великой Российской державы.

Двадцать лет спустя, в 1716–1717 гг., царь вернулся в Республику Соединенных Провинций — так тогда именовалась эта страна. Вернулся не неотесанным «великим князем Московским», как его называли в ходе первого заграничного путешествия, а просвещенным властителем уже добившейся могущества России, победителем «непобедимого» шведского короля Карла XII. Теперь Генеральные штаты, управлявшие Соединенными Провинциями, должны были волей-неволей принимать гостя всерьез. Как ни странно, это второе путешествие несколько подзабылось. Ему посвящена всего одна книга: патриотическое сочинение голландца Якобюса Схелтемы, который в 1814 г. написал историю пребывания Петра в Голландии. Все другие работы, вышедшие в XIX–XX вв. как в Нидерландах, так и в России, основываются на этой книге, интересной, но изобилующей предположениями и допущениями, причем автор часто из патриотизма принимает желаемое за действительное.

В канун Года России в Нидерландах (2013), по случаю 400-летия дипломатических отношений между двумя странами, я заново исследовал этот недостаточно освещенный эпизод в жизни Петра Великого, опираясь исключительно на архивный материал и на

свидетельства, подлинность которых неоспорима. В главе «Источники и историография вопроса» подробно освещается, почему такое исследование было необходимо. Первого же приезда Петра («Великое посольство» 1697—1698 гг.) я касаюсь лишь в той мере, в какой это необходимо при описании путешествия 1716—1717 гг.

Моей целью было рассмотреть все возможные аспекты визита необыкновенной, интригующей личности в одну из самых передовых стран того времени. Можно только сожалеть, что невозможно отыскать еще больше источников. Однако это не исторический роман: каждое утверждение в нем доказывается. Все даты приведены по существовавшему в Голландии григорианскому календарю, который в XVIII в. опережал принятый тогда в России юлианский («старый стиль») на 11 дней. К некоторым известным голландским фамилиям, написание которых уже утвердилось в русской исторической литературе, переводчик добавил, где нужно, более точную, фонетическую транскрипцию. В подстрочных примечаниях источники и литература указаны лишь в сокращенной форме — полное библиографическое описание читатель найдет в конце книги, в списке использованных материалов.

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто содействовал мне в моих поисках. Вот те, без помощи которых книга не состоялась бы: Рене Вос (Королевская библиотека, Гаага), Ингрид Майер (Упсальский университет, Швеция), Ханс ван Конингсбрюгге и Клас ван Беркел (Гронингенский государственный университет, Нидерланды), Борис Макаров (Санкт-Петербург), Серве Минис (Городской отдел культурного наследия, Маастрихт), Ари ван дер Схор (Городской архив, Роттердам), Бернар Ван Хюффель, Вим Куденис и Владимир Ронин (Антверпенское отделение Лёвенского католического университета, Бельгия), Лита Вигтерс и Кейс Схютгенс (Региональный исторический центр провинции Лимбург, Маастрихт), Элен де Мёй-Флёрке (Архив Королевского дома, Гаага), Геке ван де Камп (Городской архив, Зандам), Клеменс Хогенстейн (Городской архив, Девентер), Жозефин Монен (Городской и краевой архив, Нарден), Хан Манен и Роб Кампс (Региональный архив, Неймеген), Тилли дю Пюи (архив Эйmland, Амерсфорт), Хельма Якобс (Городской архив, Рурмонд), Сандер ван Бладел (Городской архив, Дордрехт), Эмиль Рамакерс (Центр Серамик, Маастрихт), Юрий Эскин (Российский государственный архив древних актов, Москва), Роже Тавернир (Лёвенский Католический университет), Майке Доренбос и Иво ван Ло (Зеландский архив, Мидделбург), Ад Трампер (Городской архив, Флиссинген), Хестер Вандел (Занский архив и Павильон Веркаде, Зандам), Рулоф ван Гелдер (Амстердам), Ян Мидавэн (Вере), Шарль Грот (фонд «Старый Монникендам», Ватерланд), Михаэль

Шиппан (Берлинский Свободный университет и Библиотека им. герцога Августа, Вольфенбюттель, Германия), Сергей Горбатенко (Санкт-Петербург) и Искра Шварц (Вена).

Отдельной благодарности заслуживают Дмитрий и Ирина Гузевичи (Высшая школа социальных наук, Париж), Игорь Владимирофф (Амстердам) и Ренольд Хювел (Научная библиотека им. Хендрика Консянса, Антверпен), не раз выводившие меня из тупика в моих архивных, библиографических и картографических поисках, а также моя жена Магда, проверившая весь текст рукописи.

Автор выражает особую признательность Владимиру Ронину, который взял на себя перевод этой книги, включая многочисленные цитаты из документов XVIII в. на нидерландском, французском, немецком, английском и итальянском языках, а также все приведенные в тексте стихи той эпохи.

Лёвен, январь 2013 г.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

В ходе второго путешествия Петра за границу (1716—1717) его секретари вели «походный журнал». В этом очень кратком, крайне сжатом дневнике мало что упомянуто помимо мест, которые царь посетил, церемоний при приеме (сколько пушечных залпов) и отъезде и иногда лиц, посетивших русского государя. Позднее на основе «походного журнала» был составлен «Обстоятельный журнал...». Принято считать, что сделал это кабинет-секретарь Алексей Макаров (ум. 1740), однако на самом деле составителями были сотрудники Посольского приказа Иван Юрьев Старший (ум. 1751) и Василий Степанов (ум. 1739). Они участвовали почти во всех боевых действиях, которые вел Петр, и сопровождали его в поездках за границу. Они же работали над «Гисторией свейской войны». Этот окончательный, официальный дневник поездки мы будем называть путевым дневником. Уже в XVIII в. он был переведен Хартвигом-Людвигом-Кристианом Бакмайстером на немецкий.

Частично опубликована также переписка Петра. Письма, которыми он обменивался со своим послом в Гааге князем Борисом Куракиным, увидели свет в 1890 г. в томе I «Архива князя Ф.А. Куракина». Письма царя к его ближайшим сотрудникам, в том числе к Александру Меншикову и Петру Шафирову, — в «Собрании писем императора Петра I^{го}...» (1830). Еще в 1862 г. издана переписка Петра с его женой Екатериной. А совсем недавно, в 2011-м, вышли в свет три тома переписки походной канцелярии вице-канцлера П.П. Шафирова. Описание расходов царских агентов Соловьева и Кологривова, занимавшихся в Голландии, в частности, покупкой произведений искусства, помещено в томе II «Сборника выписок из архивных бумаг о Петре Первом» (1872). Письма же, которые царский агент в Голландии Йоханнес ван ден Бюрг направлял Шафирову и самому Петру или получал от них, еще остаются в архивах — в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве.

JOURNAL
DE
PIERRE LE GRAND

DEPUIS L'ANNÉE 1698.

JUSQU'A

LA CONCLUSION DE LA PAIX DE NEUSTADT.

TRADUIT DE L'ORIGINAL RUSSE

IMPRIMÉ D'APRÈS LES MSS. CORRIGES DE LA PROPRE MAIN

DE SA MAJESTE IMPERIALE

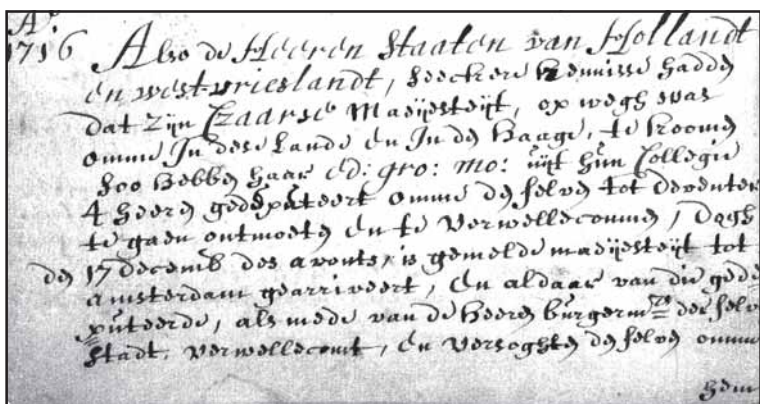
QUI SONT AUX ARCHIVES.

A B E R L I N.

CHEZ **GEORGE JAKUES DECKER**, IMPRIMEUR DU ROI.
MDCCLXXIII.

Французский перевод «Поденной записки...
Петра Великого» (Берлин, 1773)

Фрагмент из записок очевидца Я.К. Номена
(Библиотека университета Утрехта)

Важнейший свидетель пребывания Петра I в Республике Соединенных Провинций — Ян Корнелизон Номен (1646—1724), торговец сукнами в Зандаме, а затем бургомистр этого городка. Как очевидец он описал только то, что Петр делал в самом Зандаме, остальное же — по слухам и по современным ему газетным сообщениям. Записки его предназначались лишь для него самого и его семьи и не имеют особых литературных достоинств. Но именно на свидетельстве Номена основывался в своем исследовании о визите царя в Зандам Якобус Схелтема. Рукопись записок находилась в университетской библиотеке в Утрехте, которая сегодня разместила ее текст в интернете. В начале XX в. рукопись обнаружил русский историк В.А. Кордт. Он перевел ее на русский и снабдил комментарием. В 1947 г. записки Номена были целиком напечатаны в зандамском краеведческом журнале «Zande (De Zaende)».

Много сведений на интересующую меня тему можно найти в дипломатической переписке великого пенсионария Голландии Антони Хейнсиуса (1641—1720), фактически управлявшего в начале XVIII в. этой страной. Переписка хранится в Национальном архиве в Гааге и тоже опубликована (см. библиографию), а впоследствии размещена в интернете. Переписку между Брюсселем, т.е. властями тогдашних Южных (Австрийских) Нидерландов, включавших в себя почти всю территорию нынешней Бельгии, и Парижем мы находим в архиве французского Министерства иностранных и европейских дел в Париже, в фонде «Correspondence politique. Pays-Bas Espagnols et Autrichiens» (тома 74—77). Там же, в фонде «Correspondence politique. Hollande» (тома 311—316), — переписка между Гаагой, т.е. француз-

ским послом в Голландии маркизом де Шатонёфом, и Парижем. Донесения секретаря шведского посольства в Гааге Й.Ф. Прейса содержатся в фонде «Hollandica» Государственного архива Швеции в Стокгольме. Чтобы ознакомиться с дипломатической перепиской между Гаагой и Лондоном, следует обратиться в Национальный архив Великобритании (Лондон), в фонды «State Papers Foreign Holland 1560—1780» (SP 84) и «State Papers Foreign Flanders 1585—1780» (SP 77).

Немало информации можно почерпнуть из газет того времени, в основном, конечно же, голландских: «*Амстердамсе Курант (Amsterdamse Courant)*», «*Опребхе Харлемсе Курант (Oprechte Haerlemsche Courant)*», «*Газетт д'Амстердам (Gazette d'Amsterdam)*», «*Эйрописе Меркюриус (Europische Mercurius)*», но также, например, из «*Антверпсе Пост-Тейдингхе (Antwerpsche Post-Tijdinghe)*», выходившей на нидерландском языке в Антверпене, в Австрийских Нидерландах, или из брюссельской франкоязычной «*Релясьон Веритабль (Relations Véritables)*».

Наконец, хорошую службу при создании этой книги сослужили городские, краевые и иные местные архивы Нидерландов в городах Амстердам, Амерсфорт, Апелдорн, Вере, Гаага, Девентер, Делфт, Дордрехт, Зандам, Лейден, Маастрихт, Мидделбург, Монникендам (Ватерланд), Нарден, Неймеген, Роттердам, Рурмонд, Утрехт, Флиссинген и Хорн.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Еще при жизни великого реформатора началось его возвеличение. Окончание войны со Швецией (Ништадтский мир 1721 г.) было отмечено пышными празднествами. Сенат провозгласил Петра «отцом отечества» и присвоил ему титул императора всероссийского (императорский титул русского царя вызвал за границей недовольство и противодействие, в частности в Голландии). То, что Петр Алексеевич сделал из старой Московской Руси великую европейскую державу, подчеркнул в своей официальной речи 22 октября 1721 г. канцлер граф Г.И. Головкин: «Вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, а тако реши, из небытия в бытие произведены и во общество политических народов присокуплены»¹.

В том же духе отзывался позднее о незабвенном государе знавший его И.И. Неплюев: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими [державами]; научил узнавать, что и мы люди, — одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет,

и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут»². Простой механик А.К. Нартов, которому в год смерти Петра было 20 лет, со временем напишет: «Хотя нет уже Петра Великого здесь, однако в душах наших он живет и мы, имевшие счастье находиться при нем, умрем верными ему и горячую нашу любовь к нему погребем вместе с собою. Дай Бог, чтоб Россия подобного ему Государя когда-либо имела, но до него такого в царствовании великого и премудрого не бывало»³. А два поколения спустя после ухода основателя Российской империи поэт Г.Р. Державин воскликнет: «Не Бог ли в нем сходил с небес?»⁴

Так что изучение жизни и деятельности царя-преобразователя началось уже в XVIII в. В 1772 г. дворянский историк М.М. Щербатов опубликовал путевые дневники, которые вели секретари Петра с 1698 по 1721 г., включая и «Обстоятельный журнал...», составленный после второго путешествия на Запад⁵. Современное научное издание этого труда состоялось лишь в 2004-м, в серии «Памятники исторической мысли»⁶. Издание Щербатова вышло также на французском и немецком языках, но не полностью, с дневниками только до 1714 г.⁷ Полный же немецкий перевод «Обстоятельного журнала...», как уже сказано, был напечатан в Германии знатоком России Х.-Л.-К.Бакмайстером в его собрании документов о Петре I (1776)⁸.

Первый подробный очерк его царствования увидел свет в 1788-м и принадлежал перу И.И. Голикова (1735-1801), купца, объявившего себя несостоятельным, но получившего прощение от Екатерины II по случаю открытия в Петербурге конного памятника Петру работы французского скульптора Фальконе. По преданию, Голиков был так растроган милостью императрицы, что, встав на колени перед этим памятником, дал обет посвятить остаток своей жизни изучению трудов и дней великого царя, которого считал своим благодетелем. Выполняя обет, Голиков создал 12 томов «Деяний Петра Великого», за которыми последовали 18 томов «Дополнений»⁹. Повествование Голикова увлекательно и хорошо написано, но зачастую основано на домыслах¹⁰.

Примерно тогда же вышло составленное русско-немецким историком Якобом фон Штелином собрание «анекдотов» о царе-реформаторе, сначала на немецком языке (1785), а сразу после этого в русском переводе¹¹. В этих подлинных историях из жизни Петра¹² содержатся очень интересные данные как о первом, так и о втором пребывании русского монарха в Республике Соединенных Провинций. Одна из тех книг, которые в наибольшей степени способствовали формированию образа Петра за границей, «Подлинные анекдоты Петра Великого...» Штелина, еще в XVIII в. были переведены на французский, английский, польский и немецкий, а в XIX в. добавился перевод на нидерландский¹³. В глазах Штелина заслуги

его героя были огромны: он совершенно изменил международное положение России, поднял ее на европейский уровень, создал регулярную армию, флот и порты, завоевал восточное побережье Балтики, устроил взаимовыгодную торговлю между Востоком и Западом, соединил реки каналами, основал Санкт-Петербург не только с дворцами и садами, но и с заводами и фабриками, верфями, больницами, школами, библиотеками, Кунсткамерой, сенатом и коллегиями. И при этом оставил финансы страны после всех реформ в здоровом состоянии. Так среди великих мифов эпохи Просвещения появился миф о Петре I, воплощении заботы о всеобщем благополучии своих подданных.

В XIX в. собрание «анекдотов» пополнилось «Рассказами о Петре Великом» А.А. Нартова (1737–1813). Под названием «Достоверные повествования и речи Петра Великого» они впервые были напечатаны в журнале «Сын отечества» в 1819-м, а вторым изданием вышли в «Москвитянине». Долгое время их автором считали его отца, А.К. Нартова, работавшего в токарне Петра, но в 1891 г. Л.Н. Майков сумел доказать, что 162 рассказа записаны сыном токаря, и дал им название «Рассказы Нартова о Петре Великом». Их новое научное издание под редакцией П.А. Кротова последовало в 2001 г. В этом сборнике тоже можно найти ценные сведения о пребывании царя за рубежом.

Император Николай I чтит своего предка и поощрял исторические исследования его эпохи. В 1830 г. увидела свет переписка Петра, включая ту, которая относится к периоду его второй поездки в Голландию¹⁴, в 1855-м читатели смогли ознакомиться с его «походными журналами»¹⁵, а позднее с перепиской Петра и Екатерины¹⁶. Вскоре после смерти Николая I Н.Г. Устрялов выпустил пятитомную «Историю царствования Петра Великого», самую фундаментальную в XIX в., но и донныне не потерявшую своего значения¹⁷. В 1872 г. источниковая база еще расширилась: «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом» содержит важные документы, касающиеся, в частности, путешествия царя в 1716–1717 гг. и показывающие деятельность таких его агентов в Голландии, как Юрий Кологринов¹⁸.

В Нидерландах тоже не бездействовали. Якобус Схелтема еще в 1814 г. издал два тома о двукратном пребывании русского монарха в Республике Соединенных Провинций¹⁹. Схелтема долго служил мировым судьей в Зандаме, отсюда, вероятно, его растущий интерес к приездам Петра в Голландию. К сожалению, он не указывает источников, пишет не критически и с некоторой патриотической предвзятостью. О первом из приездов мы у Схелтемы читаем следующее: «Причины и цели этого путешествия настолько окутаны покровом государственных тайн, что за полное их распутывание мы

не беремся»²⁰. Основывался историк главным образом на газетах того времени и на знакомой ему рукописи записок очевидца событий — замдамского купца Яна Корнелисзона Номена²¹ (в 1904 г. его записки вышли и в русском переводе²²). Исследование Схелтемы о Петре в Голландии тоже перевели и на французский, и на русский. В 1865 г. появилась франкоязычная книга на ту же тему²³, однако при ближайшем рассмотрении ясно, что это всего лишь буквальный перевод текста Схелтемы. На материале уже известном основана также книга русского генерал-лейтенанта А. Языкова, опубликованная в 1872 г. в Берлине сразу на русском, немецком и нидерландском языках²⁴.

В советский период, после десятилетия нападков на ненавистных царей (20-е годы), во все более шовинистической по духу стране фигуру Петра вновь стали возвеличивать. К фундаментальным трудам можно отнести пятитомник М.М. Богословского²⁵, но второе путешествие Петра на Запад в нем, к сожалению, не рассматривается. Изучению событий 1716—1717 гг. помогает обширный дипломатический материал, который приводит С.А. Фейгина в своей монографии о подготовке Ништадтского мира 1721 г.²⁶ Совершенно уникальным для автора из СССР является то, что Фейгина использовала не только русские, французские, английские и немецкие источники, но и нидерландские, шведские и даже турецкие. В 2008 г. работающие в Париже российские историки Д.Ю. и И.Д.Гузевичи выпустили впечатляющую своей полнотой аналитическую библиографию «Великого посольства» 1697—1698 гг.²⁷ О втором путешествии Петра в ней, естественно, не говорится.

Но и в Нидерландах оно никогда исчерпывающе не исследовалось. Это, конечно, связано с утвердившимся там восторженным образом того Петра, каким он предстал перед голландцами именно в первый свой приезд: экзотический царь Московии, усердный ученик, царь-плотник... Есть публикации об отдельных фигурах, с которыми Петр в Голландии общался и в 1716—1717 гг. (например, о Фредерике Рюйше, точнее Рёйсе, и Николасе Витсене), об отдельных эпизодах его второй поездки — о пребывании в Утрехте, Маастрихте, а также об отдельных аспектах (Кунсткамера, коллекция Альберта Зебы), но нет книги, где все это было бы сведено воедино. В диссертации Джейке Кноппера о приездах Петра в Нидерланды²⁸ мало использованы материалы архивов и тогдашней прессы. Пожалуй, единственное исследование, которое можно считать попыткой рассмотреть второе пребывание царя в этой стране во всей полноте источников, — дипломная работа Герро Дейка, написанная в Государственном университете в Гронингене под руководством профессора Ханса ван Конингсбрюге²⁹. Молодой ученый работал в архивах Гааги, Амстердама и Роттердама, проштудировал газеты той эпохи,

однако не уделил должного внимания всей сети контактов властелина России в Нидерландах. Работы других студентов Ханса ван Кониингсбрюгге (Йос Бонстра и Арнольд Клутстра) проливают свет на деятельность (иногда нелегальную) агентов Петра в Республике. Весь собранный в этих исследованиях архивный материал я с благодарностью использовал в предлагаемой читателю книге.

Примечания

1. Цит. по: *Павленко Н.И.* Петр Великий. С. 425–426.
2. Цит. по: Петр Великий: Pro et contra. С. 573.
3. *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом. С. 88.
4. Цит. по: Петр Великий: Pro et contra. С. 575.
5. Журнал или Поденная записка... Т. II. С. 397–425.
6. Гистория свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Т. I. С. 610–625.
7. Tagebuch Peters des Großen vom Jahre 1698 bis zum Schlusse des Neustädter Friedens. Aus dem Russischen Originale. Berlin; Leipzig, 1773; Journal de Pierre le Grand depuis l'année 1698, jusqu'à l'année 1714 inclusivement. Berlin, 1773.
8. Umständliches Journal über die Reise des Tzaren von Kopenhagen nach Holland und Frankreich bis nach St. Petersburg zurück // *Bacmeister H.-L.-Ch.* Beyträge zur Geschichte Peters des Großen. Bd. III. Riga, 1784. S. 114–151.
9. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Т. I–XII. М., 1788–1789; *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. I–XVIII. М. 1790–1797.
10. *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков.
11. *Stählin von J.* Originalanekdoten von Peter dem Großen. Leipzig, 1785; *Шмелин фон Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого... М., 1786.
12. Об «анекдотах» в тогдашнем понимании этого слова см.: *Мезин С.А.* Анекдоты о Петре Великом... Большое значение таких «анекдотов» для формирования образа Петра Великого на Западе отметил британский историк Энтони Кросс (*Cross A.* Peter the Great through British Eyes. P. 96–99).
13. [*Stählin J.*] Echte en ware Anecdoten van Czaar Peter de Groten / Keizer aller Russen. Delen 1-2. Amsterdam, 1816.
14. Собрание писем императора Петра I^{го} к разным лицам с ответами на оныя. Т. III–IV. СПб., 1830.
15. Походный журнал 1716 года. СПб., 1855; Походный журнал 1717 года. СПб., 1855.
16. Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка Имп. Петра I с Государыней Екатериной Алексеевной. Т. I. М., 1862.
17. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1–5. СПб., 1858–1863. Перу Устрялова принадлежат также работы «Петр Великий в Голландии» (Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных за-

- ведений, 1858. Кн. 133. № 532. С. 292–335) и «Петр Великий в Голландии и Англии» (СПб., 1855), но это лишь перепечатки из его монументального пятитомника.
18. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. М. 1872.
 19. *Scheltema J.* Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717. Vol. I–II. Amsterdam, 1814; второе издание: Utrecht, 1842. О визитах Петра в Голландию речь идет также в обширном труде Схелтемы: *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Vol. I–IV. Amsterdam, 1818.
 20. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II. P. 1–2.
 21. *Nomen J.C.* Het journaal van Jan Cornelisz Nomen over het bezoek van czaar Peter aan Holland en Zaandam in 1697 en 1717 // *De Zaende. Maandblad gewijd aan de historie, folklore en genealogie van de Zaanstreek*, 1947. P. 225–267. Рукопись находится в университетской библиотеке в Утрехте (Bibliotheek universiteit Utrecht, Hs. 12.08).
 22. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и в 1716/17 гг. Киев, 1904.
 23. *Verenet G.* Pierre le Grand en Hollande et a Zaandam dans les années 1697 et 1717. Utrecht, 1865.
 24. *Языков А.* Пребывание Петра Великого в Сардаме и Амстердаме в 1697 и 1717 годах. Берлин, 1872; *Jasykoff A.* Het verblijf van Peter den Groote in Zaandam en Amsterdam in de jaren 1697 en 1717. Historische schets. Berlijn, 1872.
 25. *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1–5. М., 1940–1948.
 26. *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.
 27. *Гузевиц Д., Гузевиц И.* Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006. СПб., 2008.
 28. *Knoppers J.V.TH.* The Visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697–98 and 1716–17 as Seen in Light of the Dutch Sources. Montreal, 1969.
 29. *Dijk G.* Den Czaer van Moscovien in Holland. Het tweede bezoek van Peter de Grote aan de Republiek der Verenigde Nederlanden in 1716–1717. Groningen, 2007.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА НА ЗАПАД (1716–1717) И ЕГО ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА

Царь выехал из Петербурга 7 февраля 1716 г. Заглянул по семейным делам в Данциг (Гданьск), провел три недели на водах в Бад-Пирмонте, побывал в Мекленбурге и Ростоке, после чего направился в Копенгаген. 17 июля он прибыл со своим флотом в датскую столицу. Идея была — разбить Карла XII на его собственной территории, напав на Швецию соединенными силами России, Дании и Англии. В сентябре этот план был отменен, но Петр остался в Дании. Там он решил не возвращаться пока домой, а повидать во второй раз Голландию.

Покинув Копенгаген 27 октября, он двинулся в Голландию с остановками в Любеке, Травемюнде, Шверине, Гамбурге и Бремене. В конце ноября в Хафельберге состоялась его встреча с королем прусским, с которым царь заключил союз. 11 декабря русский государь пересек голландскую границу, а затем проследовал через Девентер, Амерсфорт, Апелдорн и Нарден. 17-го он въехал в Амстердам. В конце декабря Петр заболел и вынужден был неделями оставаться в постели. Тем временем шел интенсивный дипломатический диалог, вельмож и дипломатов принимали прямо в спальне. Три месяца, до середины марта 1717 г., царь находился в Амстердаме.

Между тем 13 января в немецком городке Везель у голландской границы царица Екатерина, вторая жена Петра, родила ему сына, но, не прожив и двух дней, ребенок умер. Оправившись от родов, Екатерина 13 февраля присоединилась к мужу в Амстердаме. 5 и 9 марта они вместе посетили Зандам. 10-го были в Утрехте, 18–19 марта в Гааге, 21-го в Схевенингене, на следующий день в Делфте, 28-го в Лейдене и 30-го в Роттердаме. 4 апреля царь с царицей продолжили поездку в Дордрехт, 8–9 апреля побывали во Флиссингене и Мидделбурге, а оттуда путь Петра лежал во Францию — через тогдашние Южные (Австрийские) Нидерланды, т.е. через территорию нынешней Бельгии.

После остановок в городах Антверпен, Брюссель, Гент, Брюгге, Остенде, Ниупорт и Вёрне он ступил наконец на землю Франции. В Дюнкерке его ждал французский эскорт. До 4 мая властитель

Маршрут поездки Петра в 1717 году.
Составил *Сергей Горбатенко* (Санкт-Петербург)

России оставался в Кале, а 7-го добрался до Парижа, где задержался до 20 июня. На обратном пути миновал Реймс, затем спустился по реке Маас в Динан, Намюр и Льеж. Здесь путешествие по воде закончилось, и Петр в карете поехал к минеральному источнику в Спа. Там дошло до него ужасное известие о том, что его сын Алексей скрывается в Австрии. К императорскому двору в Вену были направлены двое послов с требованием выдать царевича.

24 июля русский государь покинул курорт и двинулся в Ахен, где провел два дня. 27-го он прибыл в Маастрихт, а оттуда отплыл на яхте через Неймеген и Дордрехт в Амстердам. Туда он явился 2 августа, и там его ждала Екатерина, которая с ним во Францию не ездила. В августе царь посетил Хорн, Тексел, Апелдорн и Хардервейк и в последний раз побывал в Зандаме. 2 сентября он отбыл из Амстердама, проследовал через Харлем, Берген-оп-Зом и Неймеген и 11-го пересек границу с Пруссией. Оставив позади себя Эрфурт, Бранденбург и Шпандау, Петр достиг Берлина. После пребывания там (19–25 сентября), он с 29 сентября по 2 октября находился в Данциге. Через Мемель (ныне Клайпеда), Митаву (Елгава), Ригу и Нарву вернулся 20 октября 1717 г. в Петербург.

Отсутствовал царь в общей сложности полтора года. Это было второе большое его путешествие, оно же и последнее: больше он уже свою страну не покидал.

Напрашиваются сравнения со знаменитой первой поездкой, с тем эпизодом «Великого посольства» 1697–1698 гг., когда Петр впервые повидал Голландию. Целью той первой поездки был поиск союзников против турок, но ничего не получилось. Другой целью было ознакомиться с Западом и побудить своих соотечественников сделать то же самое. В конце XVII в. у России еще нигде не было постоянных дипломатических представителей, иностранные газеты давали лишь отрывочную картину происходившего в Западной Европе, а бывая в московской Немецкой слободе, Петр составить себе четкое и конкретное представление о Западе не мог. Первое путешествие стало для 25-летнего любознательного монарха интересной школой как в области техники (он научился строить корабли), так и в сфере политики. В Гааге, в то время центре международных отношений, он изучал сложное фехтовальное искусство дипломатии. Примечательно, что Петр посетил тогда не абсолютистскую Францию, а такие передовые «буржуазные» страны, как Голландия и Англия, богатые и мореходные. Быть может, и само «Великое посольство» было всего лишь предлогом для того, чтобы собственными глазами увидеть Запад и, как считают некоторые, собрать там разные тайные сведения.

В ходе первой поездки царь мог убедиться в превосходстве Запада и окончательно решил модернизовать свою страну. Когда

Петр Первый.
Гравюра *Степана Коровина* (XVIII век)

в 1697-м он явился в Голландию, он был там еще неизвестен: почти все над ним иронизировали или смотрели на него свысока. Двадцать лет спустя, в 1717 г., все было иначе: Петр приехал не плотником, не учеником, а героем Полтавы. Государство, над которым властвовал победитель могущественного шведского короля, простирало свое влияние на всю Балтику, на Польшу, на северогерманские земли, было коренным образом преобразовано, обзавелось новой столицей. Запад больше не мог и не хотел относиться

В. Чеснок. Как голландцы царю Петру флот помогли построить.
(Таганрог, 2001, рисунки М. Макаровой)

к Петру как к наивному, неопытному, малосведущему «князю Московии». Хотя он уже сделал свою Россию сильной морской державой, он по-прежнему интересовался кораблями, мореходным делом, наукой и техникой; он был все так же любознателен и предприимчив, как и раньше. И, как и в 1697-м, пренебрегал протоколом, что доставляло принимавшей его чопорной западной элите немало головной боли.

Второе путешествие было затеяно для того, чтобы найти союзника, с помощью которого царь смог бы закончить Северную войну, разорившую его страну. Теперь он уже не ограничился посещением протестантских государств, а хотел ознакомиться с Францией, классической абсолютной монархией и в течение долгих десятилетий державой могущественной. Петр надеялся убедить французов прекратить финансовую поддержку Швеции и стать союзниками России. Этот план возник, вероятно, во время крупных морских маневров в Дании осенью 1716 г. или в ходе визита к прусскому

королю в ноябре. Поездка в Австрийские Нидерланды была, таким образом, связана просто с необходимостью попасть из Голландии во Францию. Чтобы не осложнять свои дружественные отношения с Австрией, Петр держал план франко-русского союза в секрете. Все должно было выглядеть так, словно он только в последний момент решил побывать во Франции. Власти Австрийских Нидерландов полагали, что на французской земле гость хочет разве что осмотреть близ Дюнкерка, на Мардикском канале, новые шлюзы (построенные Лю-

Петр I — победитель шведов.
Первая четверть XVIII века
(Российский этнографический музей)

довиком XIV после Утрехтского мира 1713 г., когда ему пришлось отказаться от порта в Дюнкерке), и не были уверены, продолжит ли он затем свой путь дальше в Париж. Но и в самой Франции цель путешествия оставалась тайной.

Переговоры в Париже (7 мая—20 июня 1717 г.) вели самые опытные царские дипломаты барон Петр Шафиров (1673—1739) и князь Борис Куракин (1676—1727). В августе того же года в Амстердаме

между Россией, Францией и Пруссией был заключен договор о сотрудничестве. Все стороны были удовлетворены, однако на практике результат оказался незначительным. Война со Швецией завершилась лишь в 1721 г. Важнее, впрочем, было то, что благодаря второму путешествию Петра Россия в еще большей степени, чем прежде, сделалась частью европейской системы международных связей.

Как и в первую свою поездку, царь набирал к себе на службу всякого рода специалистов, и не только судостроителей или инженеров, а и архитекторов, живописцев, скульпторов, ковроткачей, мебельщиков, ювелиров, ученых... Если первая волна иммигрантов из Западной Европы превратила Россию в морскую державу, то вторая способствовала проникновению в страну западного искусства. В 1717 г. поступили на русскую службу Растрелли и Леблон; за границу для изучения европейской живописи послали Никитина; в Россию привезли Янтарную комнату, были куплены рисунки Марии Сибиллы Мериан, а петербургские дворцы украсились многочисленными произведениями голландских и фламандских художников. Петр и Екатерина заказали свои портреты. К возвращению Его Величества из второй поездки его собрание живописи насчитывало около 300 работ. Немецкая газета «*Oйропейше Фама*» в 1718 г. описала цель этой поездки так: «Научиться у всех народов искусствам, открыть выгоды от них, перенять их в собственных землях и тем поставить себя в такое положение, дабы без всякой помощи и привоза из иностранных государств можно было обходиться». А также: «Возвысить свою державу, обеспечить границы, постоянно держать вооруженное войско, улучшить коммерцию и тем самым все то совершить, что монарха великим, страну же его счастливой может сделать»¹.

Возвращаясь во второй раз из-за рубежа, Петр был озабочен: война со Швецией затягивалась, сам он, несмотря на договор с Францией, оставался на международной арене в одиночестве, отношениям с Великобританией был нанесен ущерб, дружба с Голландией отошла в прошлое, а другой его друг, император Священной Римской империи, укрывал беглого царевича Алексея. Как и первое путешествие, второе кончилось катастрофой. Первое пришлось прервать из-за бунта в Москве, второе же было омрачено разрывом между отцом и сыном, и завершиться этому конфликту предстояло трагически. Царь признавал, что на западноевропейскую дипломатию с ее переплетением эгоистических интересов он рассчитывать не может, а должен добиться перемирия со своим шведским противником путем прямых двусторонних переговоров. Больше Петр на Запад уже не поедет.

А как относилась к России во время визита царя Республика Соединенных Провинций? Генеральные штаты опасались слишком большого русского влияния на Балтике (*dominium maris Baltici*),

особенно после того, как «Московия» стала морской державой и сама строила корабли. Поэтому такого приверженца России и ее «лоббиста»², как бургомистр Амстердама Витсен, в его собственной стране воспринимали, по словам тогдашнего царского посла Матвеева, с подозрением. Купец Кристоффель Брантс, поставлявший русским оружие, посещал Матвеева тайком и чуть не погиб от руки шведов. Когда Петр задумал предложить Генеральным штатам принять на обучение 4000 матросов из Архангельска, Матвеев заметил, что «им [голландцам] то дело не надобно, чтобы наш народ морской науке обучен был». По словам посла, ни Голландия, ни Англия не были заинтересованы в том, чтобы помочь России заключить выгодный мир со Швецией, «чего неусыпно остерегаются, трепещут великой силы вашей не меньше как и Француза»³.

В июне 1713 г. у Гельсингфорса (Хельсинки) пять голландских торговых судов были уничтожены русским флотом. Царь в конце концов свою вину признал, однако возмещение убытков затянулось на долгие годы. Кроме того, с того же года по указу Петра ввоз иностранных товаров должен был производиться главным образом через Петербург: в новом порту ввозные пошлины были снижены наполовину, а в старом, Архангельске, увеличены вдвое. Голландские купцы пришли в ярость, видя, что они теряют то господствующее положение, какое они занимали в Архангельске. К тому же торговля через петербургский порт была опаснее — из-за шведских пиратов на Балтике. Заключению торгового договора препятствовало также желание царя взимать на ввоз и на вывоз высокие пошлины: то было самым легким средством пополнить российскую казну и защитить собственный рынок. Летом 1716 г. голландское судно с железом и лесом было задержано русским военно-морским конвоем, а в августе пришло сообщение, что губернатор новой российской столицы светлейший князь А.Д. Меншиков нагло потребовал от купцов из Голландии платить еще сверх установленных пошлин.

Республика начала бояться растущей мощи Петра. В купеческих кругах самодержец, мешавший свободе торговли на Балтийском море, вызывал мало симпатий⁴. Русская армия завладела почти всеми шведскими портами на восточном побережье Балтики: Ригой, Ревелем (ныне Таллин), Нарвой. В Петербурге взяточник Меншиков обложил голландских купцов произвольными поборами и обращался с ними неслыханно грубо. И когда царь во второй раз прибыл в Голландию, он стал добиваться от Генеральных штатов большего, чем они готовы были ему дать. Речь шла о признании его власти над всеми захваченными им шведскими владениями еще до заключения мира со Швецией. Так далеко заходить в Гааге, разумеется, не желали. Русский посол в Голландии Борис Куракин предложил сделку: в обмен на признание Генеральными штатами завое-

ваний Петра на Балтике все вопросы, связанные с торговлей (читай: произвол и помехи), будут немедленно устранены⁵.

Шведский дипломат Йоаким Фредерик Прейс (1667–1759) доносил из Гааги в Стокгольм: «Ежедневно ожидают сюда Царя. Посольство известило о том Генеральные Штаты. Прибытию Царя, как говорят, не совсем то рады, потому что его чествование потребует больших издержек. Недовольны здесь также и тем, что он, по словам Посланника, сам намерен приглашать к себе на службу Офицеров и хлопотать в Амстердаме о заключении займа в 2 миллиона, под залог товаров, находящихся в Русских портах в Ливонии⁶. О займе шли переговоры, под рукою, уже с прошлого Апреля, но не имели успеха, по недоверию к верности ипотеки. В 3-х, намерен Царь просить Амстердамский Магистрат разрешить свободное отправление Русского богослужения, обещая сделать то же самое для последователей Реформатской Церкви в Петербурге. Поручил довести до сведения Генер. Штатов о своем желании сохранить инкогнито, в следствии чего они справлялись, как следует им держать себе относительно его особы. Утверждают, что его последнее инкогнито было довольно убыточно для Республики»⁷.

Пребывание Петра в Голландии в 1716–1717 гг. проходило при не самых веселых обстоятельствах. Государь заболел и вынужден был много времени провести в постели. Его новорожденный сын умер, а законный наследник царевич Алексей от отца сбежал⁸. Политические же дела царя за границей шли не так гладко, как ожидалось. Отношения с союзниками, прежде всего с Данией, были напряженными: Петр не скрывал своего раздражения датчанами, отказавшимися участвовать во вторжении в Швецию. Он торопился принудить шведского короля к миру: война мешала внутренним реформам в России (на очереди было создание коллегий), для которых

Кафе «Царь Петр» в Амстердаме.
Открытка начала XX века

нужны были опытные иностранные специалисты. Здоровье Петра Алексеевича ухудшалось. Экономика страны тоже была далеко не в цветущем состоянии из-за разорительной войны и мобилизации населения на строительство новой столицы, флота, каналов, фабрик...

Единственным утешением оставались дружественные связи с Пруссией. Перед приездом в Голландию Петр заключил в Хафельберге с королем Фридрихом-Вильгельмом I союз, вызвавший у всех западных государств настороженность⁹. Находившемуся в тот момент в Пруссии британскому дипломату барону Чарльзу Витворту (1675—1725) пришлось доложить своему монарху, Георгу I, что удержать Пруссию от договора с Россией британцам не удастся, ведь в Пруссии царя считают «душой Северной войны»¹⁰.

Дипломат шведского короля в Голландии барон Георг Хайнрих Гёртц (1668—1719) летом 1716-го обратился к французскому послу в Гааге маркизу Пьеру-Антуану де Шатонёфу (1644—1728) с просьбой, чтобы Франция выступила посредницей в мирных переговорах России со Швецией¹¹. Хорошо информированная британская дипломатия об этих планах знала и пыталась удержать французского короля от всякого содействия русским. Понятно, что такая антироссийская позиция Великобритании побуждала Петра установить более тесные отношения с Францией.

Британский посол доносил из Гааги в Лондон о взглядах Антони Хейнсиюса, фактически управлявшего тогда Голландией: «Он очень озабочен известием о желании царя посетить Берлин, ибо полагает, что такое сближение этого монарха с королем Пруссии не принесет в политике ничего доброго и необходимо всеми средствами удержать короля от принятия на себя этих обязательств и от того, чтобы он бросился целиком в объятия Франции»¹². Хейнсиюса, который и по политическим, и по религиозно-культурным мотивам всегда был противником Франции, планы царя не могли не беспокоить.

Отношения России с Великобританией были омрачены также открытием возможного заговора якобитов, сторонников претендента на английский престол Якова III Стюарта, против нового короля Георга I из Ганноверской династии. Главным заговорщиком считался Джон Эрскин, старший брат личного врача Петра, шотландца. Отсюда следовало предположение, что и царь через своего лейб-медика знал об этих планах. Связь доктора Роберта Эрскина (1677—1718) с заговорщиками оспаривать трудно¹³, доказательств же вовлеченности самого Петра не было и нет. Тем не менее, Георг I, находясь в январе 1717 г. в Голландии, встретиться с русским государем отказался. В прессе историю с заговором расписывали на все лады, и Петру ничего не оставалось, как через своего представителя в Лондоне Федора Веселовского заверять английс-

кого монарха в своей непричастности. «Его Царское Величество, — написал королю Веселовский, — никогда и в мыслях не имел как-либо благоприятствовать претенденту и ему открыто или тайно помогать в его замыслах к невыгоде Вашего Королевского Величества»¹⁴. Георг I эти заверения принял.

Еще в первую свою поездку за границу в 1697–1698 гг. Петр выразил желание посетить Францию, но Людовик XIV об этом и слышать не хотел. Враги России турки были одновременно друзьями Франции; и взятие Азова (1696), и растущее русское влияние в Польше французам было не по душе, а сам «король-солнце» смотрел на «князя Московии» с пренебрежением¹⁵. Только после смерти Людовика XIV в 1715 г. русско-французские отношения потеплели. Теперь Париж готов был принять властителя России, и тот надеялся, что Франция прекратит поддерживать Швецию и признает русские завоевания на Балтике. Помимо этого, Петр задумал выдать свою дочь Елизавету за юного Людовика XV.

Есть мнение, что в путешествии царя в 1717 г. во Францию культурные аспекты играли куда большую роль, чем дипломатические. Тайный агент Испании маркиз де Гримальдо, которому было поручено следить за каждым шагом Петра в Париже, писал: «Судя по интересу, с каким он изучает все относящееся к математической науке, механике и технике, и даже к изящным искусствам, думаю, что ближайшее знакомство с ними, дабы пересадить это все в свое собственное отечество, есть важнейшая, если не единственная цель его поездки». Маркиз был уверен: наиболее очевидная причина визита — «чистое любопытство»¹⁶. В том же убежден и издатель переписки братьев Олсуфьевых, сопровождавших Петра во Францию: «Слава гениального преобразователя России слишком велика, его значение во всемирной истории всеми, даже врагами, так безусловно признано, что они никак не потеряют своего обаяния, ежели даже допустить предположение, что в глазах Петра Великого, как бы предугадавшего воззрение почти всех последовавших за ним в Париже Россиян, город этот был прежде всего столицею утех и забав»¹⁷.

Напротив, по мнению советского историка С.А. Фейгиной, главной целью поездки были именно дипломатические переговоры¹⁸. Вывод: «Итог этой кропотливой работы заставляет нас отвергнуть версию, прочно укрепившуюся в ученой литературе, согласно которой Петра I интересовала в Париже возможность привлечь оттуда ученых, художников и мастеров, приобрести там картины, статуи и всевозможные технические приборы. Это было не целью его поездки, а только привходящим, хотя и очень заметным моментом в ней. Цель же Петра I, когда он ехал в Париж, заключалась в сближении с версальским двором для ослабления антирусской направленнос-

ти нового франко-англо-голландского союза и для лишения Швеции той политической и финансовой поддержки, которую она систематически получала от Франции»¹⁹.

Не забудем, что цель визита держали в строжайшей тайне. Даже представитель французского двора, которому предстояло встретить русского государя в Дюнкерке, был совершенно не в курсе его намерений²⁰. Русский агент в Голландии Йоханнес ван ден Бюрг сообщил ведавшему внешней политикой России и сопровождавшему Петра в поездке канцлеру графу Гавриилу Головкину (1660—1734), что посол Франции в Гааге обо всех переговорах молчит и только хлопочет перед Генеральными штатами в пользу Швеции²¹. Основательно изучив все обстоятельства дела и всю дошедшую до наших дней дипломатическую корреспонденцию, историк Фейгина пришла к заключению, что план посетить Париж созрел у Петра еще до прибытия в Голландию, скорее всего — после встречи с королем Пруссии, хотя окончательного решения царь тогда еще не принял²².

Договор с Фридрихом-Вильгельмом I означал, что над Пруссией нависла тень России, и французов это отнюдь не радовало. Так что Франции самой было выгодно сблизиться с возмужавшей далекой державой, чтобы сохранить хоть какое-нибудь влияние на «Севере». На исходе 1716 г. Париж предложил тройственный союз Франции, России и Пруссии. Переговоры велись совершенно секретно, причем инициатива исходила от французов²³. Их дипломаты готовы были выступить посредниками между Швецией и ее противниками. Французский посол в Гааге маркиз де Шатонёф получил инструкции, как вести себя по отношению к приехавшим русским: «ни в какое соглашение, со своей стороны, не вступать» и «переговоры затягивать»²⁴. Подчеркивалось, что он должен действовать крайне осторожно, дабы о переговорах с царем не проводали британцы²⁵ и незадолго до этого установленная дружба Парижа с Лондоном не пострадала. И все же британская корона внимательно следила за тайными беседами²⁶, которые вели с французами Шафилов и Куракин, пока их государь осматривал парижские достопримечательности и посещал местных знаменитостей.

Беспокойство по поводу слишком хороших отношений России с Пруссией испытывали и в Вене. Голландский посланник при императорском дворе Хамел Брёйнинкс доносил 26 мая 1717 г.: «Путешествие царя во Францию <...>, новые связи между Его Царским Величеством и королем Пруссии <...>, слух о том, что царь мог бы совершить поездку туда [во Францию], и уменьшение доверия и согласия между этими двумя монархами и королем Великобритании, как здесь заметили, возбуждают при этом [т.е. австрийском] дворе изрядное удивление и немало недовольства и недоверия в отношении царя и короля прусского»²⁷.

В Брюсселе полагали, как уже говорилось, что мысль о визите во Францию пришла Петру в голову только при посещении Южных (Австрийских) Нидерландов. А во Франции его будет интересовать разве что осмотр Мардикских шлюзов. С императором Священной империи Карлом VI, которому принадлежали с 1713 г. Южные Нидерланды, царя связывали узы династические и дружеские, поэтому в ходе его путешествия по этим землям от местных властей и от венского двора дальнейший маршрут Петра тщательно скрывали. Вот почему брюссельская газета «*Меркюр историк э политик*», поведав читателям о том, как высокий гость отбыл 18 апреля из Брюсселя, добавила: «...направляясь в Гент, Брюгге, Дюнкерк и проч., откуда Его Царское Величество, как утверждают одни, поедет во Францию, а по мнению других, на воды в Ахен»²⁸.

Мы уже знаем, что в Париже Петр пробыл с 7 мая по 20 июня 1717 г. В конце XVIII в. русский историк Голиков написал об этом так: «Монарх пробыл в Париже 43 дни, в которые больше осмотрел и заметил, нежели другие могли б сделать в год»²⁹. В Париже великолепие классицизма вдохновило прославленного реформатора на создание новых дворцов и парков Петербурга. В отношениях России и Франции этот визит стал поворотной точкой. Пока царь осматривал столицу королевства, его дипломаты в глубокой тайне обсуждали будущий договор между двумя странами. После этого, укрепив здоровье на водах в Спа, Петр Алексеевич вернулся в Голландию, где 15 августа был заключен, как мы помним, договор между Россией, Францией и Пруссией. Большинство историков сходятся на том, что на практике это соглашение мало что изменило, но все же явилось определенной исторической вехой: Франция обещала прекратить финансовую поддержку Швеции (что и произошло в 1718-м), а Россия сделалась полноценным участником европейской дипломатической игры.

Через год после сложных интриг с участием Гааги, Парижа и Лондона Швеция начала с Россией прямые двусторонние переговоры о мире. 31 декабря 1717 г. выходявшая в Австрийских Нидерландах газета «Антверпсе Пост-Тейдинг» сообщила: «Берлин, 27 декабря. Здесь получены достоверные сведения, что между королем шведским и царем Великой России — доброе согласие, и это вызывает при различных дворах большую озабоченность и подозрительность»³⁰. Некоторые государства явно опасались изменения политического равновесия — в пользу России. В 1721 г. Ништадтский мир положит конец Северной войне, и оба противника смогут наконец вздохнуть свободнее.

Примечания

1. Europäische Fama, 1718. S. 261.
2. Это выражение использовал Игорь Владимирофф (*Wladimiroff I. De kaart van een verzwegen vriendschap*. P. 143).
3. Цит. по: *Брикнер А.* Путешествия Петра Великого за границу. С. 620—621.
4. 23 марта 1717 г. голландские купцы обсуждали все свои жалобы, связанные с торговлей на Балтике и в «Московии», с российскими дипломатами (Stadsarchief Amsterdam. Nr 5029. Deel 149. Archief van de burgemeesters: missiven en notulen van gedeputeerden ter dagvaart. 23 maart 1717). Дипломаты согласились донести обо всем своему государю. О том, что переговоры эти были плодотворными, свидетельствует принятое купцами два дня спустя решение «поднести презент царице» и основать в интересах торговли с Россией особый фонд, для которого было предложено взимать «маленький сбор с товаров, идущих в Московию или приходящих из нее» (Ibid., 25 марта 1717).
5. *Koningsbrugge van J.S.A.M.* Tussen Rijswijk en Utrecht.
6. После того как Республика Соединенных Провинций отказала Петру в кредите, он занимал деньги у частных лиц под залог товаров. Голландский посол в Дании Роберт Гус (1652/1653—1724) сообщил об этом из Копенгагена фактическому правителю Голландии, великому пенсионарию Антони Хейнсиусу: «Здесь говорят, что царь у частных лиц нашел 4 миллиона под залог товаров, которые он согласился упомянутым частным лицам поставить по Балтийскому морю» (De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 167).
7. *Прейс [Й.Ф.]* Извлечение из донесений. С. 1.
8. Голландский посол в Копенгагене Роберт Гус написал 16 февраля 1717 г. Хейнсиусу даже о «восстании царевича против царя» (De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 165), а голландский резидент в Петербурге Якоб де Би (1681—1719), никогда не упускавший случая критически отозваться о Петре, 22 марта доносил: «В этом народе [в России] можно обычно заметить некоторое удовлетворение от поступивших новостей о благополучии Его Высочества царевича» (Ibid. P. 197).
9. Роберт Гус 2 января 1717 г. из Копенгагена: «Похоже, что прусский король пребывает в полном согласии с царем» и «какую ревность может возбудить этот монарх у Ганноверского дома» (Ibid. P. 128), т.е. у английского короля. Именно во время визита Петра к прусскому королю тот подарил своему гостю знаменитую Янтарную комнату, которую называли восьмым чудом света и которая ныне воссоздана в Царскосельском дворце. См.: Das neue Bernsteinzimmer.
10. *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. С. 109.
11. Там же. С. 118.
12. National Archives (Kew Gardens). State Papers. Foreign. Holland 1560—1780. SP 84. Fol. 92.
13. См. об этом: *Wills R.* The Jacobites and Russia; *Collist R.* The Petrine instauration. P. 124—134.

14. *Europische Mercurius. Behelzende De Voornaamste zaken van Staat en Oorlog, voorgevallen in alle de Koningryken en Heerschappyen van Europa; benevens eenige meldenswaardige tydingen uit verscheide Deelen der Waereld, 1717. P. 187.*
15. *Мезин С.А. Взгляд из России. С. 21–22.*
16. Цит. по: *Ковалевский М. Новые данные. С. 111–112.*
17. *Братья Олсуфьевы. С. 32.*
18. *Фейгина С.А. Аландский конгресс. Гл. III.*
19. Там же. С. 199.
20. Там же. С. 129.
21. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1716 г. Д. 7. Л. 116.
22. *Фейгина С.А. Аландский конгресс. С. 121.*
23. Там же. С. 123.
24. *Ministère des Affaires étrangères et européennes. Archives (Paris). Correspondance politique. Hollande 1716–1717. Vol. 313. Fol. 100.*
25. 27 апреля 1717 г. Хейнсийс попросил голландского посла в Лондоне сообщить ему, что он думает о «делах на Севере, ведь мы получаем об этом мало сведений». Далее Хейнсийс спрашивал посла, «нет ли каких-нибудь подозрений в отношении поездки царя во Францию, будь то насчет заключения союза или чего-либо иного» (*De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 226–227*).
26. *Guichen de E. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. P. 148, 158.*
27. *Antal von G., De Pater J.C.H. Weensche gezantschapsberichten. Deel II. P. 667–668.*
28. *Mercure historique et politique. Avril 1717. P. 478–479.*
29. *Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. V. С. 318.*
30. *Antwerpse Post-Tijdinghe, 31 декабря 1717.*

СЕТЬ КОНТАКТОВ ПЕТРА В ГОЛЛАНДИИ

РУССКИЙ ПОСОЛ БОРИС КУРАКИН

Второе путешествие царя в эту страну было целиком организовано его официальным представителем в Гааге князем Б.И. Куракиным (1676—1727). Петр не мог бы выбрать себе лучшего, более достойного спутника. В свое время он послал Куракина в Венецию изучать мореходное дело. Один из первых «петровских студентов», Борис Иванович был в отъезде с 1696 по 1698 г. В 1707-м его направили к папе римскому для переговоров о престолонаследии в Польше. На обратном пути он побывал в Венеции, Вене, Гамбурге и Голландии, исполняя дипломатические поручения. Сражался под Полтавой, однако награды не получил. В 1709—1710 гг. он побывал в Брауншвейге и Люнебурге, затем в Лондоне, а с 1711-го был полномочным министром при английском дворе и при голландских Генеральных штатах.

О пребывании Куракина в Гааге историк Якобиус Схелтема пишет: «Как ни мало, по стечению обстоятельств, удавалось с ним договориться, все же им чрезвычайно были довольны, поскольку поведением он от своего предшественника [Матвеева] весьма отличался. Меморандумы его были выдержаны в тоне учтивом и составлены не на плохой латыни, а на хорошем французском. За то время, что он провел в Гааге, вплоть до кончины Петра, мы смогли отыскать очень мало записок о свободе ввоза и вывоза товаров и не нашли никаких жалоб на самого посла или на кого-либо из его свиты. Он жил в нашей стране со всей пышностью и во всем вел себя в соответствии с достоинством своей должности»¹.

Дневник заграничных поездок Куракина, написанный по-русски, открывается следующими словами (на более чем сомнительном итальянском): «Путевой журнал, который я в первый раз начинаю писать обо всех явлениях моей жизни, кои случатся, и обо всех моих путешествиях по миру»². Первое из описанных путешествий он совершил через немецкие земли в Голландию (Амстердам, Роттердам, Лейден, Делфт, Арнем). Второе — через Краков и Вену в Италию (Флоренция, Рим) и обратно, с остановками в Гамбурге,

Лейдене, Амстердаме, Роттердаме, Антверпене и Брюсселе. Куракин проявлял большой интерес к религии, подмечая различия, но также и к политическим и экономическим реалиям тех или иных стран. Вот что говорит он об Англии и Голландии: «В нынешний век из европейских которой народ или область видим в славе, и в силе, и в почитании, — то есть Англия и Голландия, одна — корона, а другая — республика, от всех не токмо европейских, и других частей света потентатов и республик в почтении и славе. Но сия слава, честь и сила оным народам пришла от богатства, а богатство от ремесленных и купечества»³.

25 октября 1705 г. он впервые увидел Амстердам и описал его в дневнике так: город находится у моря, «во всех улицах пропущены каналы, так велики, что можно корабли вводить». «И по сторонам тех каналов так улицы широки, что в две кареты, в иных местах, можно ехать». Но на этом описание и кончается, ведь Амстердам русским уже достаточно известен: «И по улицам посажены деревья, однако ж много писать не буду, что многих бытность здесь была и ныне есть и сами видели, а и напрет сами будут видеть, а не видимые, от тех слышать: для того нынешних времен обычай имеют, каждый желает свету видеть, то пишу не всем посполито персонам, — тем, которым принадлежит, как принцам, графам и каждому шляхетству...»⁴.

Человек уже немало поездивший, Куракин часто сравнивал западные города между собой. Так, о ярмарке в Лейпциге он сообщает, что она крупнейшая в Европе, но сам город — «на кавалеров скушной гораздо». Что это означает, становится ясно из восторженного описания всевозможных развлечений для благородных особ, например, в Гааге: «Плезир гажской: Первое: как переменяются пополудне 3 часа квардия <так!> конная и пехота караулов. Другое: в каретах ездят... На вечер на осомлеи кумпаниями, так что с кем согласен, те с теми и осамлеи делают во всю неделю. <...> Схотбище поутру и ввечеру в кафеинные домы, в которых и карты играют. Другим своим визиту отдавать. Публичная забава: камеди и опера»⁵.

Он побывал на верфях голландских Ост-Индской и Вест-Индской компаний, посетил амстердамскую биржу («нигде так жидов множество и богатых не видал» и «не сподеваюсь, нигде такого сходбища торговаго как тут») и академию в Утрехте, перечислив, чему там обучают: «Академия Утрехтская славная во всей Голландии, где учат медицине, математике, теологии, философии, юриспруденции, гистории, на лошадях, на шпагах, на бандире, танцовать, екзерции солдатской и кавалерии; языков латинскому, греческому, италянскому, французскому, еврейскому, гишпанскому, аглинскому, немецкому, португальскому, арапскому и других языков. Тут-же анатомия дохтурская, только анатомии не так чинно

отправляется, как в Италии. Также и шталмейстер в ученье лошадей — все порядочно, только неапольская ученья всех тех наук военных лутче и порядошнее; а при школе лошадиной только видел студентов человек с пятнацеть, а лошадей всех с 20...»⁶.

В его дневнике сухие, деловые заметки (о расстояниях, местах ночевок, ценах) перемежаются целыми рассказами о достопримечательностях, нередко с его же комментариями. Не укрылась от него расчетливость голландцев: скажем, в Арнеме он заметил, что народ там не особенно гостеприимен, жаден до денег и норовит обманывать иностранцев («народ не приемлив, гораздо только ласковы к деньгам, так к форестерам грабительны»). Но и предприимчивость голландцев Куракин сумел оценить: в Амстердаме «купечество великое, которое в Европе больше всех считается и народ все живет торговый и вельми богатый — так, сподеваюсь, что нигде»⁷.

Дневник Куракина, одно из первых русских свидетельств о Западе в эпоху петровских реформ, полон языковых варваризмов, в особенности итальянских слов, то и дело коверкающих его русскую письменную речь. Некоторые западные реалии в его тексте искажены до неузнаваемости. Голландский стюйфер, мелкая монета, превращается в «штываль» или «штивель». Реформатов, приверженцев кальвинизма, Куракин называет «реформирами». Видные и знатные лица — «посполито персоны», религия — «релия», ассамблея — «осамлея». В одну итальянскую «читадинку», горожанку, он «инаморат», влюблен. Даже там, где можно было обойтись чисто русскими словами, использованы варваризмы: «променада», «а видел в том городе принципиальных вещей...», «магнифико живет», «приемной человек к форестиром [иностранцам] гораздо», «куриёзита», «весьма не контент [не доволен]» и, наконец, «рад возвратиться в патрию». В написании географических названий нет никакой последовательности, а иные беспощадно изуродованы: местечко Ло (Het Loo) — «Лов», Нарден — «Наргон»...

Этот поездивший по Европе, владевший многими языками дипломат представлял с 1711 г. свою страну в Гааге и оттуда координировал деятельность других русских дипломатов за рубежом⁸. Тогдашнюю Гаагу недаром прозвали «ярмаркой новостей, постоянным двором Европы политической и политиканствующей»⁹. О роли этого города в европейской политике Куракин пишет: «Здесь стечение отовсюду дел к интересам всех потенций [держав], бывают непрестанные предложения и проходят многие интриги»¹⁰.

В задачу Куракина входило склонить Генеральные штаты к позиции пророссийской, суля в награду торговое соглашение с Россией. Когда посол прибыл в Гаагу, там еще находился его предшественник, Андрей Артамонович Матвеев. Оба — гордые, честолубивые, не желавшие друг другу уступать. Но царь больше доверял Куракину, поэтому весной 1712-го Матвеева отозвали в Россию.

Питер Стевенс ван Гюнст.
Портрет кн. Бориса Куракина

С фактическим руководителем Голландии, великим пенсионарием Антони Хейнсийсом, который «любит другого видеть в делах и слове постоянна, негоряча, с флегмою, также и человека правдива»¹¹, новый российский посол поддерживал отношения самые тесные. Из Гааги он управлял на практике также консульством России в Амстердаме, основанным в 1707 г. Это означало, что агент Ван ден Бюрг, резидент Брантс и ответственный за продажу российских государственных товаров Осип Соловьев состояли под его, Куракина, началом¹². Иногда царь напрямую обращался к своему представителю в Гааге с важным поручением. К примеру, 8 июля 1720 г. Петр написал князю: «Присланной от вас архитектур фон-Вейн-Гарден, по нашему несчастью, умер, в чем нужду имеем великую. Для Бога, потрудись сыскать друга: необходимая нужда требует, и ежели доброва сыщешь, хотя до трех тысяч на год не пожалей обещать, только чтоб был добр»¹³.

Главные достижения Куракина на его посту — сближение России с Великобританией при короле Георге I, торговое соглашение между Россией и Голландией, тройственный договор Франции, Пруссии и России в августе 1717 г., мирные переговоры России со Швецией, которые привели к окончанию Северной войны (1721), и наконец, признание Генеральными штатами нового, императорского титула русского монарха. Когда во Франции в 1724 г. Людовик XV, став совершеннолетним, начал править сам, опытного дипломата Куракина послали в Париж. Но его попытки выдать царевну Елизавету Петровну за молодого французского короля провалились. Борис Иванович скончался в Париже 28 октября 1727 г. В должности посла его сменил его сын Александр.

Борис Куракин был женат на Ксении Лопухиной, младшей сестре первой жены царя. Здоровьем был слаб, то и дело страдал всяческими недугами, сам себя называл ипохондриком¹⁴. Петра сердило, что его свояк не стремился отличиться на воинском поприще. Князь сочувствовал скорее старым русским традициям и не особенно доверял реформам, предоставлявшим слишком много возможностей служилому дворянству за счет древних знатных родов. Он приспособлялся к новым временам, однако об исчезновении прежнего уклада жизни жалел. 14 сентября 1718 г. Куракин из Гааги писал царю: «Верность от многих лет прародителей моих дала мне пример служить верно и безпорочно вашему величеству»¹⁵. К распутству Петра, к его богохульству, пародиям на церковный обиход посол испытывал отвращение. В своей «Гистории о царе Петре Алексеевиче» он косвенно осуждает государя, высказываясь с одобрением о его сестре и противнице Софье: «Правление царевны Софии Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосу-

дием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудраго правления в Российском государстве не было»¹⁶.

Во время визита Петра в Париж Куракин жил там отдельно, а не в том особняке, где разместили всю свиту. Когда летом 1718 г. Борис Иванович поехал на воды в Спа, пошли слухи, будто он бежал, попав к царю в немилость из-за своей предполагаемой причастности к делу царевича Алексея¹⁷. Для того, чтобы завлечь беглого царевича в Россию, Петр, по некоторым сведениям, соби-рался использовать Куракина, но в конце концов отказался от этой идеи, поручив деликатное дело Петру Толстому (1653/1654—1729): возможно, он опасался, что князь не проявит по отношению к Алексею, своему племяннику по жене, достаточной жест-кости¹⁸. Вместе с тем царь ценил дипломата и предоставил ему как послу полную свободу действий. Куракина произвели в тайные советники, наградили за Амстердамский договор между Россией, Францией и Пруссией (1717) орденом св. Андрея Первозванного. Несмотря на аристократическое происхождение, посол подписывал некоторые свои донесения (после 1721 г.) смиренной форму-лой «Вашего Императорскаго Величества всеподданнейший раб князь Борис Куракин».

Хорошо образованный, европейски мыслящий человек, он знал латинский, французский и итальянский языки, отдал своего сына Александра учиться в Лейденский университет. Он тщательно сле-дил за своими расходами, сохранял финансовые расчеты как по выполнявшимся им официальным поручениям, так и по принад-лежавшим ему имениям в России. При этом он в Лондоне задавал банкеты, славившиеся во всем городе. Его целью было поддержи-вать честь и престиж родной державы, нередко на собственные средства! Повсюду в Европе его любили и уважали («особливую приемность и любовь в чужих от всех имел, нежели в своих кра-ях»)¹⁹. Герцог Луи де Сен-Симон (1675—1755), познакомившись с Куракиным в Париже в 1717-м, оставил в своих мемуарах его портрет: «Это был человек выдающийся, прекрасного сложения, хорошо сознававший величие своего происхождения, весьма остроумный, ловкий и образованный. Он достаточно бегло говорил по-французски и на иных языках; много путешествовал, был на войне, потом состоял при различных дворах. В нем еще чувство-вался русский, а его крайняя скупость немало портила его талан-ты»²⁰. Бесспорно, Куракин самый видным дипломат петровской эпохи²¹.

РУССКИЙ АГЕНТ ЙОХАННЕС ВАН ДЕН БЮРГ

Одним из помощников посла был голландец Йоханнес ван ден Бюрг (1663—1731). Поступив на российскую службу в 1704 г., он три года спустя был официально назначен царским агентом при Генеральных штатах и оставался им до самой смерти. Под его донесениями — подпись: «Вашего Всесветлейшего и Всевластительнейшего Царского Величества всепокорнейший и всеподданнейший слуга ван ден Бюрг». Задачи агента были весьма обширны.

Во-первых, он отвечал за прием на службу к царю голландских офицеров, матросов и всякого рода мастеров. Только с окончанием Северной войны эта практика заметно сократилась. Работников нанимали по контракту, составленному в 1708 г.: голландцы обязывались отработать в России три года, с возможностью продления срока еще на год. Часть жалованья выплачивалась на месте, в России, часть — в Голландии, оставшейся дома жене. При отъезде на работу контрактник получал подъемные в размере заработка за четыре месяца. Выплат порой приходилось ждать подолгу, так что дом агента время от времени осаждали сердитые жены уехавших. В нидерландском языке есть выражение «*de kluts kwijtraken*» (потерять голову, растеряться), происхождение которого народная этимология объясняет так: голландцы, мол, приходили к русским требовать заработанных денег, а те отвечали, что не могут найти ключа от денежного ящика; это магическое слово «ключ» повторялось столько раз, что голландцы его запомнили и превратили в «*kluts*».

Возвращаясь из далекой северной страны, служившие по контракту нередко жаловались, что платили им слишком мало, и начинали процесс против царского агента, который в таких случаях должен был держать ответ перед голландскими властями. 29 сентября 1716 г. ван ден Бюрг написал канцлеру графу Головкину: «От жен морских от меня принятых офицеров за неприсылкою денег досады от часу больше чинятца. И те люди в отчаянии; господин посол поопасаетца також в Амстердам приезжать, понеже они говорят, что его в том вина, что они денег не получают»²². Более того, в 1715—1716 гг. агент вынужден был даже скрываться в течение шести месяцев в Гааге от преследовавших его жен матросов: они требовали выплаты положенной им части жалованья мужей. А поскольку гостиницы в Гааге были слишком дороги, ван ден Бюргу пришлось снять там жилье («По приказу господ послов его царского величества как везде обыкновенно за мои поездки в Гагу и в другие места, и что я часто дела в отсутствии их управлять принужден был, такожде что я в 1715, 1716

6 месяцев в Гаге ради гонения матросских жен жил, и понеже в обер-жах тамо стоять зело дорого, того ради я тамо нанял двор») ²³.

В Амстердаме с купцом Исааком Абарбанелом был заключен контракт на вербовку двух-трех тысяч голландских офицеров и матросов. В апреле 1717 г. купец дал знать ван ден Бюргу и вице-канцлеру Шафирову, что нанять такое количество матросов ему не удалось, ибо в тот год 200 судов отправилось в Гренландию на китобойный промысел ²⁴. В ответ на это Петр распорядился взять на службу тысячу моряков в Гамбурге. Между тем условия найма стали строже: матросов брали только опытных; задаток им платили лишь после посадки на корабль; они обязаны были расписаться в получении денег (чтобы легче было привлечь их к ответственности, если сбегут); они должны были «иметь прилежание» и не подавать жалоб российским представителям в Голландии, ведь контракт заключали с фирмой голландской ²⁵.

Но и сам царь, находясь в Голландии, усердно заботился о том, чтобы обеспечить Россию искусными мастерами ²⁶. 26 декабря 1716 г. он приказал из Амстердама губернатору Петербурга Меншикову прислать «человек 40 ребят, кои б грамоте умели, для отдачи в ученье разным мастерствам. И чтоб были из простых, дабы работу лучше снести могли». «Также чтоб человека три, или четыре из них были умнее и которые б часть Математики знали, дабы их отдать в Англию учиться Математических Инструментов делать» ²⁷. 12 февраля 1717-го государь потребовал прислать сюда четверых молодых людей, умеющих читать, для изучения ремесла плотницкого и кузнечного ²⁸. 16 февраля он дал знать из Амстердама, что необходимо прислать в Голландию «ученика Юру с фабрики князя Юрия Щербатова», которая делала печные изразцы. Ученику предстояло совершенствовать свое мастерство в Делфте. Сопровождать же его должен был другой молодой человек, грамотный и способный помочь будущему мастеру в обучении ²⁹.

В ходе своей поездки в Республику Соединенных Провинций Петр мог рассчитывать, кроме того, на голландца Дирка ван Амерса-младшего. Тот уже несколько лет проработал в России, а затем занялся вербовкой мастеров в Голландии ³⁰. Это было необходимо, поскольку из тех его соотечественников, которые были наняты в эпоху «Великого Посольства» (1697–1698), очень многих пришлось отослать назад из-за их недостаточной квалификации.

Из Брюсселя царь сообщил генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину: «Шаутбенахт Паддон сюды прибыл, которого я немедленно отправил к вам. И понеже только два дни со мною был, невозможно было в такое короткое время рассмотреть, однакож, сколько мог видеть, человек добр, кажется, и не рассказчик, и служил много, также умеет и по голански...» ³¹, а это в глазах Петра было важным досто-

инством. Он повелел нанять также умелого кузнеца и положить ему высокое жалованье, «но чтоб не стар был, дабы хотя мало мог навыкнуть языка нашего»³². Наконец, 27 июня 1717 г. из Парижа Петр дал знать своему послу в Копенгагене князю В.Л. Долгорукому о предстоявшем отходе из французского порта Гавр-де-Грасс в Петербург судна с сотней мастеров³³.

Лихорадочная деятельность русского государя и его агентов по привлечению специалистов в Россию не могла пройти незамеченной для прессы. Уже 31 июля в газете «*Амстердамсе Курант*» можно было прочесть сообщение из Парижа: «На прошлой неделе около 150 всякого рода художников и ремесленников, которые на определенных условиях обязались пять лет заниматься своими искусствами и ремеслами в России, отправились отсюда в Гавр-де-Грасс, чтобы их доставили в Петербург. Там им, по слухам, дадут место для застройки, и по прошествии пяти лет они смогут по собственному усмотрению либо остаться, либо возвратиться, а тем временем будут пользоваться свободой вероисповедания. Говорят, что в следующем месяце под началом некоего Ле Фора уедут еще 400 или 500, не считая нескольких редких швей — с целью принести туда [в Россию] новейшие моды».

В газете «*Антверпсе Пост-Тейдинге*» от 30 июля тоже появилось известие из Парижа: «Здесь господин Ле Фор, агент царя, нанимает многих мастеров во всякого рода искусствах и ремеслах на службу к этому монарху, на весьма выгодных условиях и на определенный срок. Утверждают, что число их превышает 6000, и в следующем месяце они отправятся отсюда в Руан, дабы оттуда их морем перевезли через Гамбург в Петербург». Из Амстердама та же газета 10 сентября сообщила: «Многие судовые плотники следуют, с разрешения нашего [голландского] правительства, в порты царя, чтобы строить военные суда».

На страницах «*Амстердамсе Курант*» от 24 декабря — информация из Брюсселя:

«Много ремесленников прибыло из Парижа, где они были наняты с тем, чтобы поселиться в Петербурге. Отсюда они направились в Голландию, дабы продолжить свое путешествие. Говорят, что среди них — несколько печатников и двое граверов и что всего нанято более 2000 ремесленников».

А 12 февраля 1718-го «*Антверпсе Пост-Тейдинге*» поместила сообщение из Гааги о том, что «царь Московии» «взял к себе на службу множество судовых плотников, которых переправит в свою страну для строительства кораблей».

Но и противники Петра не дремали. Еще в марте 1716 г. секретарь шведского посольства в Гааге выступил с протестом против ширококомасштабной вербовки мастеров для России: «...Некий капитан Схелтинга, ради царя Московии, нанял здесь [в Голландии]

целых восемьсот матросов и унтер-офицеров и, дабы отвезти их вместе с военной амуницией в Петербург, зафрахтовал судно под названием «Святой Иоанн». Секретарь просил Генеральные штаты «этой затее <...> содействовать воспрепятствовать»³⁴.

Другой задачей царского агента ван ден Бюрга было присматривать в Голландии за русскими студентами. Было их примерно 150. Большинство изучало судостроение, военное дело, архитектуру, живопись, медицину... Заниматься студентами было нелегко, и в этом агенту помогал Осип Соловьев, о котором речь еще пойдет ниже. Голландские специалисты не всегда охотно принимали к себе на обучение молодых людей из России, которые недостаточно владели нидерландским языком. Порой ван ден Бюргу приходилось раскошелиться, чтобы переубедить мастеров. Многие русские студенты опаздывали на работу, часто напивались, ходили к публичным девкам. В 1719 г. царь разрешил своему агенту действовать более жестко. «И если они [студенты] будут вести себя неподобающе, — грозил ван ден Бюрг, — они кое-что схлопочут; однако худшее уже позади»³⁵.

Но немало студентов оказались за границей фактически брошенными на произвол судьбы, и даже любимец Петра, чернокожий Абрам Ганнибал, учась во Франции на военного инженера, регулярно посылал слезные жалобы на нехватку денег³⁶. Впрочем, мало платили и тем, кто трудился на дипломатическом поприще: так, служивший в российском посольстве в Гааге Петр Микифоров подал в 1717 г. прошение о возвращении его в Петербург, ибо «от дороговизны здешних краев» и из-за задержки жалованья «для пропитания моего вошел в великие долги терплю крайнюю нищету и бедность, что, почитай, лишен всedневной пищи»³⁷.

Присматривая за студентами, агент должен был заботиться также о том, чтобы они благополучно возвращались на родину, а не оставались в Голландии, нанимаясь, к примеру, на суда Ост-Индской или Вест-Индской компаний, что рассматривалось русскими властями как измена³⁸. 2 июля 1717 г. канцлеру графу Головкину донесли об арестованном в Ростке некоем Андрее Никитине, который, по его собственным словам, «в меленхолии <так> своей» бежал из Амстердама. Расследование показало, что он лгал и у него был поддельный паспорт, выданный в Гамбурге на имя Ивана Максимова. Арестованного обыскали, чтобы проверить, нет ли у него при себе украденных вещей или секретных документов. Было решено отослать его в Петербург, сказав ему, чтобы «ничего не опасался <...> и непотребные свои мысли отверг»³⁹.

4 июля 1717 г. агент ван ден Бюрг сообщил царю из Голландии:

«Я доносил Вашему Царскому Величеству о прибытии сюда восьми молодых людей из России для изучения ремесел; я даю им

пока возможность ознакомиться с голландским <так!> языком и ожидаю приказаний Вашего Величества на их счет. С тех пор явился сюда еще 69 человек из того же народа к г-ну Соловьеву, который тоже сделает о том донесение. При сем посылаю пакет с присланными мне г-ном Брюсом книгами для изучения русского и голландского языков. С принятием на службу матросов я продвигаюсь и нанял уже свыше ста человек...»⁴⁰.

То, что автор письма обращался напрямую к Петру, свидетельствует о том, какое доверие тот оказывал своему агенту в Голландии.

8 ноября ван ден Бюрг известил Петра о том, что «наконец всех молодых людей пристроил на работу».

«Но это стоило мне большого труда, ибо некоторым не очень хотелось работать, и они желали приходить на работу, когда им удобно, или другому ремеслу обучаться, и еще многое иное; и у мастеров тоже не было охоты. Однако я “по-русски” и “по-голландски”⁴¹ всё уладил, и все помещены к лучшим мастерам и должны только по воскресеньям приходить ко мне, чтобы получить свою долю денег и сказать, что у них еще не в порядке. Сейчас эти люди довольны, и мастера, у которых они живут, тоже довольны; и большинство уже может по-голландски читать, писать и говорить, и по вечерам они приходят к мастеру учиться. Но прошу Ваше Величество соблаговолить прислать несколько русских и голландских книг. Полагаю, что исход этого дела будет весьма благоприятный и Его Величество достигнет тем самым своей цели. Я и не думал, что с этими молодыми людьми так хорошо и быстро удастся все уладить»⁴².

Еще одной, третьей по счету, задачей ван ден Бюрга было информировать царя и его окружение о том, как обстояло дело с интересами России в Республике Соединенных Провинций и вообще о международной политике и дипломатии. Агент лично знал многих правящих лиц в Амстердаме и Гааге, включая самого пенсинария Хейнсиуса. Часть информации, которую агент передавал в Петербург, он черпал из газет, а часть — из секретных донесений, предназначенных для Генеральных штатов и попадавших к ван ден Бюргу через знакомых ему секретарей или служащих канцелярии, что было, разумеется, делом небезопасным⁴³.

Вместе с послом Куракиным агент должен был опровергать невыгодные для России сведения или предотвращать их распространение; если надо — путем подкупа. Так, в 1720 г. Куракин подал Генеральным штатам жалобу на негативные сообщения о его стране в газете «*Potterdamse Курант*». Согласно этой жалобе, в номере от 12 августа издатель поместил в нескольких местах «неосмотрительные высказывания», «касающиеся главным образом Его Величества царя Московии». На «шокирующие пассажи» посол наткнулся также в газетах,

выходивших в Лейдене, Харлеме, Амстердаме⁴⁴. Речь в них шла, по словам Куракина, об «опасных болезнях Его Царского Величества; о завещательном распоряжении, которое им, как ложно предполагают, сделано <...>; о приписываемом Его Величеству намерении иметь в своей державе монахов римской веры, дабы ввести там религию латинян». В результате этого демарша газета перестала выходить!⁴⁵

Как утверждает голландский историк печати Мартен Шнейдер, газету «*Роттердамсе Курант*» власти вскоре на время закрыли «из-за оскорбления очень популярного тогда в Голландии Петра Великого»⁴⁶. Подобные меры против прессы были большой редкостью. «Это объясняется тем, что Генеральные штаты в Гааге не имели права вмешиваться во внутренние дела Республики. Можно было лишь передать полученную жалобу провинциальным штатам с просьбой направить ее дальше властям того или иного города. А те, со своей стороны, обладали значительной самостоятельностью и находились зачастую в позиции столь сильной, что могли просьбой провинциальных штатов пренебречь. Ни малейших санкций предусмотрено не было. Дипломатические жалобы и протесты против голландской прессы поступали почти каждый месяц. В некоторых случаях городские власти, которые и выдавали лицензию на издание местной газеты, требовали от издателя объяснений; если он обещал, что происшедшее не повторится, дело тем и кончалось. Да и трудно было таких ситуаций избежать: издатель или редактор целиком зависел от сообщений, поставляемых корреспондентами, а для проверки информации понадобился бы не один месяц. Так что ее просто печатали в той форме, в какой эту информацию прислал корреспондент. К тому же вплоть до XIX в. новости всюю заимствовали из других местных или зарубежных газет, лишь изредка упоминая источник известия»⁴⁷.

В годы Северной войны царь пытался помешать распространению негативной информации о России не только в Голландии, но и в Германии⁴⁸. Хороший пример вмешательства русских в действия голландской прессы — история публициста Херманюса ван ден Бюрга (1682–1752). В своем сатирическом журнале «*Амстердамсе Арбус*»⁴⁹, в номере от 31 августа 1718 г., он пишет о Петре — в связи с судом над царевичем Алексеем и его кончиной — еще с восторженной похвалой:

«В могиле сей, читатель, — старший сын
Славнейшего царя, что ведала Россия,
Который и в веках останется живым,
Затем что к мудрости любовь — его стихия.
Столь жалкий сын у столь великого отца,
Его не стоил он, как и его венца»⁵⁰

Однако через несколько лет преклонение сменилось крайней непочтительностью, вызвавшей гнев русского посла. После сообщения в западной печати о том, что Петр вынужден был прервать свое пребывание в Астрахани из-за сильного запора, «*Амстердамсе Аргус*» опубликовал 10 июня 1722 г. сонет о том, как царя мучают газы:

«Что там стряслось? С чего так мрачен москвит?
Что нынче смех татар натужен и невесел?
Что Петербург, унылый, голову повесил?
С чего кривит в ухмылке рот надменный бритт?»
Испугом поражен, торговли бог дрожит,
Меркурий духом пал, и сердцу не до песен.
Нет, случай сей не странен, не чудесен:
То бог ветров Эол в кишках царя сидит.
На помощь, *Эскулап!* — зывают человеки. —
Искусство приложи, обшарь ты все *аптеки*,
Дай *пропотеть* ему, поставь *клизтир*, промой.
Чтоб вышел бог ветров, ты прояви старанье:
Эола изгони ты мощным промываньем
Из живота царя российского долой!»

Представители России в Голландии потребовали запретить журнал. И хотя 22 июля в нем еще поместили длинный поэтический панегирик Петру, это уже не помогло — в августе «*Амстердамсе Аргус*» подвергли публичному сожжению. Один из конкурентов издателя, голландец Вейерман откликнулся на это так: «Никогда я в своих сочинениях не затрагивал ни одной державы, не то что автор еженедельного издания, называемого «*Аргус*», коего эпиграмма против царя Великой России была публично предана огню по просьбе господина Брантса, резидента сего монарха»⁵¹.

Время лечит. В 1743 г. в Харлеме вышло в свет прекрасное многоязычное «*Собрание избранных геральдических девизов, украшенное гравированными символами, нарисованными и вырезанными в свое время по приказу всесветлейшего императора всероссийского Петра Алексеевича, или Петра Великого, и ныне заново дополненное 840 пояснениями в стихах Херманюса ван ден Бюрга*»⁵². Об инциденте, произошедшем в 1722-м, здесь не напоминает ничто, и от какой-либо обиды наказанного когда-то публициста не осталось и следа.

Для агента Петра в Голландии Йоханнеса ван ден Бюрга это все были, по-видимому, заботы побочные. Его больше волновала торговля с Россией, и в этой торговле у него, как можно предположить, были собственные интересы. В его переписке регулярно упоминаются «наши кораблики» («Солнце», «Луна» и «Тунец») ⁵³. Из русских он чаще всего имел дело с кабинет-секретарем царя А.В. Макаровым, канцлером Головкиным, вице-канцлером Шафировым и, естественно, послом князем Куракиным. Ван ден Бюрг каждую

VERZAMELING
Van
UITGEKORENE
ZIN-SPREUKEN,
En
ZINNEBEELDIGE
PRINT-VERCIERINGEN,

Eertyds, op bevel van den aller doorlugtigſten Keizer der
Ruſſen, PETER ALEXIS, of de Gróte,
getékent en gefnéden;

En nu op niens verrykt

Met agthondert en veertig Byſchriften in Verzen,
Door

HERMANUS VAN DEN BURG.

Te HAARLEM,
By JOHANNES MARSHOORN, Boekverkooper, 1743.

неделю отправлял длинные письма о своей деятельности Макарову, часто с копиями самому Петру. Головкин и Шафиров обращались к голландцу также с личными просьбами: прислать шампанского или шелковых нарядов или же поучаствовать в их пользу в голландской государственной лотерее. Приходилось ему и одалживать русским деньги, в том числе высоким сановникам, которые не считали нужным их возвращать⁵⁴.

Предшественник Куракина, посол Андрей Матвеев, отзывался о царском агенте в Голландии одобрительно: «человек доброй и трезвой и zelo к секретам надежной и крепкой»⁵⁵. По мнению историка В.А. Уляницкого, среди консульских агентов России за границей ван ден Бюрг был исключением⁵⁶.

РУССКИЙ АГЕНТ ОСИП СОЛОВЬЕВ

Йоханнесу ван ден Бюргу помогал Осип Соловьев (1678?–1746). Он вел в Голландии дела не только в интересах Российского государства, но и в своих собственных: покупал дома, корабли, спекулировал на Лондонской бирже. Он сколотил баснословное по тому времени состояние. Но царь уже в 1713 г. узнал о злоупотреблениях своего человека в Амстердаме и почти четыре года спустя, прибыв в Голландию, сам его арестовал.

Это скандальное происшествие не укрылось от зоркого глаза британского посла, который в конце августа 1717 г. донес своему правительству, что в Генеральных штатах «некоторые думают, что слишком много уже было сделано уступок его [Петра] нраву и претензиям и было бы разумнее обращаться с ним с большей твердостью и решительностью. Покидая Амстердам, царь совершенно неожиданно увез с собой на яхте некоего Соловьева, русского агента князя Меншикова, в доме которого [Соловьева] он [Петр] гостил. Так как не обошлось без применения силы, и этот человек уже сделался гражданином города, это возбудило в обществе большой ропот из-за того, что его просто тайно выкрали, но потом он вернулся, и предполагают, будто царь хотел только заставить его дать достоверный отчет о делах князя Меншикова и обо всем, чем тот владеет»⁵⁷.

Очевидно, “похищение” Соловьева вызвало в голландском обществе протест: «Я еще не слышал, — написал вскоре британский посол, — о прибытии царя в Везель, и русский агент г-н Соловьев не вернулся, как мне сообщили раньше. Царь увез его с собой, чтобы получше выведать у него мысли князя Меншикова, что вызывает здесь недовольство; и некоторые жители считают, что Генеральным штатам следовало бы потребовать его возвращения, по-

сколько он гражданин города Амстердам и был увезен силой в нарушение их территориальной неприкосновенности»⁵⁸.

В последний раз о деле Соловьева британский дипломат упомянул после отъезда Петра из Голландии: «Князь Куракин прибыл в Амстердам 15-го и ожидается здесь [в Гааге] сегодня вечером. Он попытался оправдать увоз г-на Соловьева перед местными городскими властями, заявив, что губернатор Архангельска, растратив около трех миллионов казенных денег, утверждает, будто передал их Соловьеву, а [так как] тот отрицает, что получил их, царь счел необходимым захватить его с собой, дабы свести их на очной ставке»⁵⁹. Не совсем понятно, всерьез или с иронией надо воспринимать короткое известие в голландской газете «*Эйрописе Меркюриус*» о том, что «царь *Великой России*» «господина Соловьева, весьма известного в *Амстердаме* своим благородным поведением и щедростью, увез, дабы использовать его острый ум в интересах *петербургской* торговли»⁶⁰.

В расходной книге Петра мы читаем: «Дано господину генералу адъютанту Нарышкину на наем почты и на протчие дорожные расходы, тогда как он вез Осипа Соловьева из Голландии до Питербурха за караулом, 120 червонных»⁶¹. Соловьеву хватило ловкости обещать себе статус гражданина Амстердама, и его бумаги, захваченные послом Куракиным, оказались в основном на нидерландском и немецком языках, так что в России их прочесть было трудно. Дело затянулось, хотя сам Петр находил, что Соловьев заслуживает смертной казни. Однако царь и в этом был непоследователен: то, за что одного приговаривали к смерти, другому прощалось. В конце концов никакого наказания Соловьев не понес, а после смерти императора, при Екатерине I, даже получил дворянство!⁶²

«Походный журнал», который вели в течение всей поездки Петра его секретари, кратко сообщает: «Его Величество был на загородном дворе у Франта и кушал там; и приехал в Амстердам к Соловьеву»⁶³. Подробнее его приезд к Соловьеву описан в газете «*Эйрописе Меркюриус*»:

«После того как Его Царское Величество 7 декабря покинул *Альтону*, он прибыл 17-го вечером на простой барже, которую специально для него наняли, очень тихо и незаметно из *Утрехта* в *Амстердам*, где высадился на канале *Кейзерсграхт*, наискосок от театра, перед домом господина Брантса, крупного *московского* купца, и там же и заночевал. На следующий же день он избрал себе для проживания дом господина Соловьева из *Москвы*, стоящий на канале *Херенграхт*, около улицы Вейзелстрат. Этот господин должен был освободить свое жилье и предоставить его в полное распоряжение Его Царского Величества, тогда как большая часть свиты разместилась на *Дворе гильдии аркебузирова*»⁶⁴.

ГОЛЛАНДСКИЙ КУПЕЦ КРИСТОФФЕЛЬ БРАНТС

Кристоффель Брантс (1664—1732) был видным торговцем, жил в Москве. В его большой дом в Немецкой слободе много раз приезжал пировать сам царь. Вероятно, Брантс сопровождал Петра во время его визита в Голландию в 1698 г., но оставался в тени. В начале следующего столетия он возвратился в Россию, затем вел с ней дела в качестве финансиста и важного поставщика оружия и одновременно состоял резидентом царя в Амстердаме. По слова Куракина, государь оказывал Брантсу «крайнюю милость и конфиденцию»⁶⁵.

Голландский путешественник Корнелис де Бруин, точнее де Брёйн, повстречал Брантса в 1701 г. в Архангельске: «Остававшееся у меня время я проводил в собраниях, устраиваемых господами *Кристоффелем Брантсом* и *Яном Люпсом*, которые изо всех сил старались меня развлекать. Там играли в карты, танцевали, ели и пили до поздней ночи, дабы возбуждать веселье, чему во многом способствовал господин Брантс, так как хорошо знал музыку и сам ею занимался, искусно играя на клавесине. В таких удовольствиях закончилось мое пребывание в этом городе»⁶⁶.

Поэт Клас Брёйн (1671—1732) воспел могущественного амстердамского коммерсанта Брантса в стихах. Купца, который «благословением небес» и благодаря собственному усердию живет по-королевски, на зависть другим, Брёйн противопоставляет тщеславной аристократии. Не забывает он восхвалить и Амстердам, где «в домах торговых короли растут»⁶⁷. Брантс был известен также как оптовый торговец речной рыбой⁶⁸. Говоря в другом месте о принадлежащем купцу в Голландии великолепном загородном доме, одним из богатейших на реке Вехт, тот же поэт восхищается умением Брантса «из рыбы золото извлекать»⁶⁹.

Этот загородный дом был построен архитектором Симоном Схейнвумом, но между 1816 и 1819 гг., к сожалению, снесен⁷⁰. Хозяин дал этому дому с садом название Петербург в знак благодарности своему августейшему другу и покровителю. Своды были украшены причудливым орнаментом в виде «геральдического замка, из которого выступала некая фигурка, по-видимому, царь Петр, в честь которого дом и был назван»⁷¹.

Когда в декабре 1716 г. Петр Алексеевич прибыл в Республику Соединенных Провинций, Брантс вместе с послом Куракиным отправился ему навстречу и приветствовал его раньше, чем представители Генеральных штатов. Из Амерсфорта купец сопровождал высокого гостя в Амстердам, где тот на несколько дней поселился в

Усадьба агента Петра в Голландии «Petersburg»
(De Zegepalende Vecht... Амстердам, 1719)

доме Брантса на канале Кейзерсграхт. Петр и Екатерина несколько раз посещали также загородную усадьбу Брантса. Перед отъездом царя из Амстердама, в конце августа 1717-го, в ее саду состоялся большой праздник, который, по словам историка Хайо Брюгманса, превзошел «великолепием и пышностью все, что когда-либо представлял напоказ простой купец в нашей стране»⁷².

После этого праздника от сада мало что осталось, да и дом, возможно, пострадал⁷³. Царской свите особенно нравилось возить друг друга по саду на тачках и опрокидывать в кусты, служившие оградой⁷⁴. Издержки, связанные с пребыванием русских в Амстердаме, оказались невероятно высоки: 65 тысяч гульденов, и оплачивать их вынужден был главным образом сам Брантс⁷⁵.

Тут нельзя не вспомнить неприятного эпизода в истории первого заграничного путешествия Петра (1697–1698), когда он в Лондоне поселился в доме Джона Эвелина в Дептфорде, возле верфей. Царь и его свита устроили в доме и в саду настоящий разгром. Стулья и кровати они поломали, гардины сорвали, ковры запачкали, картины повредили, а сады Джона Эвелина — гордость и утешение владельца — выглядели после отъезда Петра, как поле битвы. Английскому королю пришлось возмещать несчастному хозяину ущерб, нанесенный высоким гостем. Как пишет британский историк-славист Энтони Кросс, «...Обновленный сад, который Джон Эвелин обустроил с такой заботой и гордостью и разрушение которого стало самым известным эпизодом в истории визита Петра в Англию»⁷⁶. Этот эпизод сыграл большую роль в формировании образа «великого царя» за границей.

Немало пострадал также дом, который предоставил царю в Амстердаме Соловьев. Домовладелец писал позднее, что «этот дом был сдан в наем Осипу Соловьеву, купцу и представителю Его Величества русского царя в Амстердаме, и случаю было угодно, чтобы вышеупомянутый русский царь во время своего пребывания в городе Амстердам <...> соизволил в нем [в этом доме] с частью своей свиты разместиться, вследствие чего вышеуказанные дом и усадьба оказались настолько повреждены, что [домовладелец] должен был потратить из своего кармана несколько тысяч гульденов на их ремонт и восстановление...»⁷⁷

Брантс был не единственным богатым купцом, которого Петр посетил, отдыхая на берегах реки Вехт. Побывал он, кроме того, в усадьбе Вейверхоф купца Самюэля Тейшейры (1656–?), португальского еврея, брата дона Бенъямина Тейшейры, барона де Борнивала⁷⁸. Там мастерство садовника произвело на царя такое впечатление, что он его с разрешения хозяина дома взял с собой в Россию⁷⁹. Понравились Петру и прекрасные сады загородного дома Кристиана ван Хука⁸⁰, и оттуда он, по преданию, тоже увез с собой садовника,

Усадьба агента Петра в Голландии «Petersburg»
 (De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

который от имени хозяина преподнес гостю выращенный им, садовником, ананас⁸¹. К тому же хозяин дома экспериментировал с устройством фейерверка⁸², а русский государь это обожал.

Свое состояние Брантс сколотил, как уже сказано, на продаже оружия России. Вместе с другим торговцем, который вел дела в России, Яном Люпсом (1667–1738?), а также с купцом Арнольдусом Диксом он приобретал в Голландии в больших количествах оружие и переправлял в Россию, что властями Республики запрещалось, а потому было делом столь же рискованным, сколь и выгодным⁸³. Особенно много вооружений было продано русским в годы, предшествующие решающей битве со шведами под Полтавой⁸⁴. В своем исследовании о контрабандной деятельности Брантса А.А. Клуцстра приходит к выводу, что «без помощи Кристоффеля [Брантса] и его компаньонов царю не удалось бы так быстро организовать свою военную машину и с успехом противостоять Карлу XII»⁸⁵. Вполне естественно, что Петр не оставил такие важные услуги без награды. 17 августа 1717 г., находясь в Голландии, он пожаловал Брантсу дворянство, а 21 августа произвел его в надворные советники и назначил своим резидентом в Амстердаме.

Для этого русский монарх обратился с просьбой к Генеральным штатам. Текст в переводе с нидерландского языка гласит:

«Мы, Петр Первый, Божией милостью царь и вся Руси самодержец, и проч., и проч., объявляем всем и каждому, кого это касается, что для обеспечения и облегчения коммерции и во избежание всех оставшихся в памяти затруднений, признали полезным и желательным, чтобы для благополучия наших подданных, пребывающих в Голландии и особенно в городе Амстердаме, мы имеем проживающего там постоянно человека, опытного в этих вещах, верного и повинующегося нашим приказам, который во всех случаях и затруднениях нашим подданным и купцам надлежащим образом будет содействовать и оказывать помощь при Высокомочных [Генеральных штатах] и в особенности при президентах и бургомистрах города Амстердама, во всех делах, каковы бы они ни были, за них выступать ходатаем и заступаться, а равно и все наши дела и доверенные ему поручения выполнять.

И так как дошли до нашего слуха неуклонная верность и особая опытность в коммерции нашего возлюбленного Российской державы дворянина и надворного советника Кристоффеля Брантса, признали мы за благо назначить его нашим резидентом в упомянутом городе Амстердаме, как мы его сим открытым письмом всемиловитейше на деле и назначаем, то обращаемся к высокомочным господам Генеральным штатам и президентам и бургомистрам города Амстердама, дабы они вышеназванного Кристоффеля Брантса признали нашим резидентом и всецело полно-

мочным во всех порученных нами делах, по которым он будет выступать, а также предоставить ему все привилегии и льготы, подобающие пожалованному ему нами рангу резидента, что и мы обязуемся в подобных случаях признавать.

Для скрепления сего мы сие наше открытое письмо собственноручно подписали и нашей царской печатью удостоверили.

Дано в Амстердаме 21 августа.

Петр

Гр. Головкин»⁸⁶

Просьбу царя уважили: «По получении и обсуждении послания Его Царского Величества, написанного в Амстердаме 21 августа сего года, с поручением господину Кристоффелю Брантсу, Российской державы дворянину и надворному советнику, исполнять должность резидента Его Царского Величества в Амстердаме, и с просьбой, чтобы Высокомочные [Генеральные штаты] соблаговолили признать упомянутого господина Брантса в вышеназванном качестве, одобрили и согласились господина Брантса принять и признать в качестве резидента Его Царского Величества в Амстердаме, при обычном условии, что это не освобождает его от тех обязанностей, которые лежат на нем как на подданном Высокомочных, а именно в отношении уплаты всех налогов и податей, обычных и чрезвычайных, как личных, так и имущественных, а также в отношении юрисдикции над его особой и семьей, по делам уголовным и гражданским»⁸⁷.

После отъезда Петра из Республики Соединенных Провинций Брантс продолжал играть ключевую роль в дипломатических и торговых сношениях между этой страной и Россией. Он выступал посредником при заключении и выполнении многих контрактов с голландскими ремесленниками, принятыми на службу к царю. Брантс искал и нанимал десятки мельников, кузнецов, каменщиков, садовников, ткачей, токарей, изготовителей солода, растительного масла, бумаги, типографских шрифтов... Об одном из нанятых им мельников, Антони Франсене, который из-за дефекта речи казался пьяным, он написал кабинет-секретарю Макарову:

«У этого мельника несколько невнятный выговор, и иной раз кажется, что он выпил, но все, кто его знает, уверяли меня в противном, равно как и сам он для пущей верности в нотариальном контракте присовокупил, что если из-за чрезмерного потребления напитков не сможет службу свою исполнять как подобает, то чтоб его без всякого снисхождения с оной службы уволили; так что не сомневайтесь: вести он себя будет во всех отношениях примерно. Я с упомянутым выше мельником договорился, что он три года обязательно и еще один год по желанию будет верно служить на месте Его Царскому Величеству, как ему будет приказано»⁸⁸.

De N I E U W E
HARLEQUIN,
Met zyn
R A R E K I E K,

Vertoonende het Vuurwerk, dat 'er op den 9 en 10. December 1721. ter eeren van zyn Czaarsche Majesteit binnen de Stad van Amsterdam is afgeschooten.

Harlequin.
OK! wat moeshum werk, en slaaf,
Daar menik leef kelyk een kraaf,
En kan hum kost kemaklyk winne;
Ik moet steets wat nieuws verrinne,

En daar med betkaer myn Brood,
Nou ep hum een Kas wel kroot,
En zo tray as ooyt myn daaken,
Ik ep op myn ruk kedraaken,
o! Kwam nou Kees Boet in Stad,

A

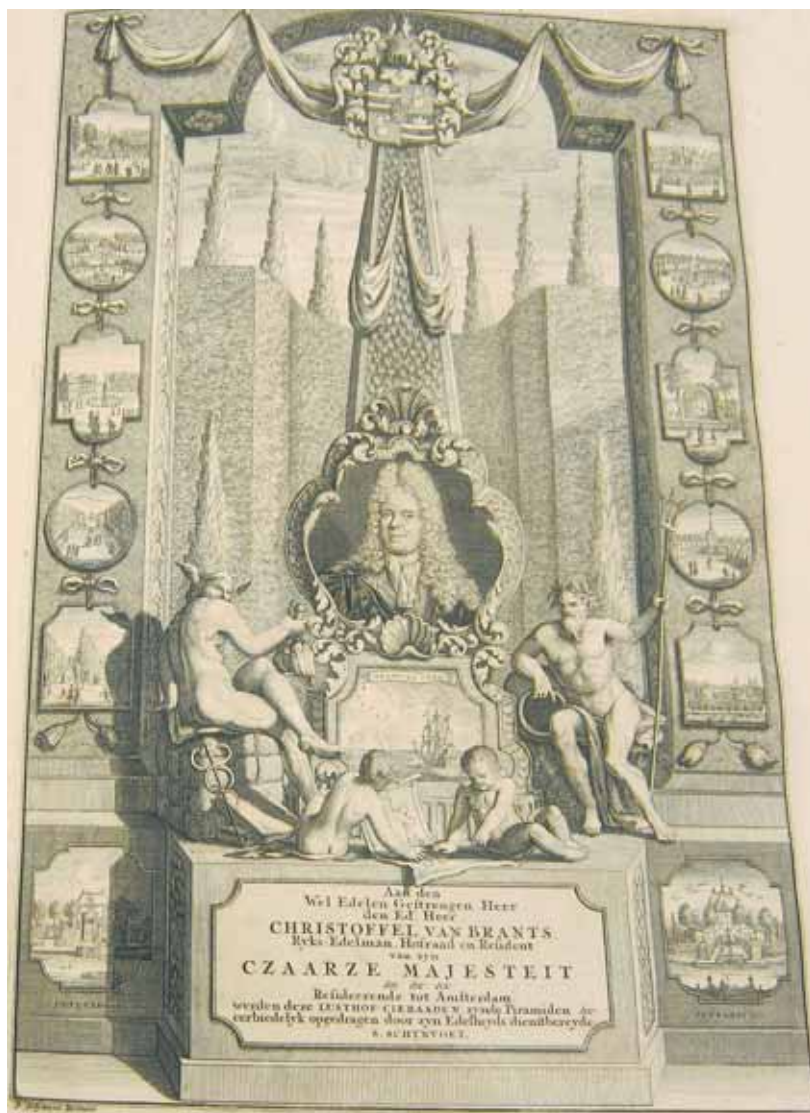
E*

Известие о смерти Кристоффела Брантса
(Городской архив Амстердама)

А на исходе 1721 г., в честь заключения мира между Россией и Швецией, Брантс организовал в Амстердаме еще один блестящий праздник: «9 и 10 декабря на канале Биннен-Амстел за Двором аркебузирова был устроен прекрасный фейерверк, какого амстердамские граждане еще никогда не видали»⁸⁹. Когда же на следующий день Брантсу подали счет на головокружительную сумму в 13 796 гульденов, устроитель праздника возмутился и платить отказался. Разбирая поданную на купца жалобу, городские власти создали комиссию из «трех добрых мужей», дабы «изучить представленный счет и, если возможно, привести стороны к согласию». Похоже, что эта история наделала много шума, ведь некий книгопродавец даже напечатал пресловутый счет под заголовком «Копия подлинного счета, поданного и охотно оплаченного по случаю фейерверка Его Царского Величества Петра Первого в лето 1721 во Дворе аркебузирова». Комиссия из трех уважаемых господ пришла к выводу, что счет и в самом деле сильно завышен, так что Брантсу предстояло оплатить всего 10 206 гульденов⁹⁰.

Достопамятный фейерверк был устроен талантом и выдумкой архитектора и инженера Симона Схейнвута⁹¹, а кроме того амстердамцы могли вволю напиться: в представленном счете значится

Симон Схейнвут. Образцы украшений садов
с посвящением К. Брантсу (Королевская библиотека в Гаге)

Фейерверк, устроенный российским агентом в Голландии Кристоффелем Брантсом по поводу Ништадского мира (1721). Гравюра

более 2000 бутылок французского вина, из которых одни только слуги осушили 364 бутылки! Однако из высших должностных лиц города на праздник не явился никто, несмотря на полученные ими персональные приглашения. Специалист по истории Амстердама предполагает, что отцы города считали Брантса выскочкой-нуворишем⁹². Но дело было, скорее, в том, что купец нажил себе состояние путем нелегальной продажи оружия России и, вероятно, поэтому городские власти не хотели с ним знаться. К тому же после 1717 г. голландско-русские отношения ухудшились. После нескончаемых препирательств из-за торговых пошлин, после отказа Генеральных штатов признать новый, императорский титул Петра и направить в Петербург дипломата высокого ранга (тогда как у царя в Гааге был полномочный посол), после того, как голландцы утвердились во мнении, что многое сделали для «Московии», но мало получили взамен, власти Амстердама могли себе позволить пренебречь блистательным праздником, организованным в честь России Кристоффелем Брантсом.

Сохранился рассказ очевидца об этом празднике, из которого видно, как горожане пытались заполнить лучшие места и готовы были заплатить за них немалые деньги⁹³. Отсутствие высших должностных лиц тоже было замечено: «Пир, который задал в тот вечер господин Брантс, происходил в большом зале Двора аркебузирова, и там было много видных господ, но ни одного из 10 господ бургомистров, хотя господин Брантс доставил им приглашения прямо на дом»⁹⁴.

Сам фейерверк был зрелищем незабываемым:

«Вечером около 11 часов <...> начали поджигать заряды, и можно было увидеть шлагги, колеса, всякого рода фонтаны, свечи на воде и прочие вещи; самым же необычным были двое молодцов, которых четырежды разукрасили. У каждого на спине висела корзина с фейерверком, на шее подобие ярма, на обоих плечах было что-то вроде шутихи, еще одна на голове и по одной на коленях. Обуты они были в деревянные башмаки, к которым тоже была приделана такая штука. И все это зажгли одновременно, и все сразу запыхало, так что видны были только огонь и пламя. А завершился фейерверк взрывом еще пяти зарядов, и на том потеха кончилась. С удовольствием все это посмотрев, мы уплатили хозяину по двум его счетам, после чего ушли оттуда и вернулись около половины второго ночи домой, благодаря друг друга за честь и дружбу и что все прошло благополучно.

Придумал все это дело славный архитектор господин Симон Схейнвут, который замещает управляющего Воспитательным домом в Амстердаме. А надписи и девизы составил господин адвокат Лауренс Арминюс. Изготовил же фейерверк какой-то еврей, или жид, со товарищи, которые его и зажигали»⁹⁵.

Усадьба «Vijverhof»
 (De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

Усадьба «Ouderhoek»
 (De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

Описание той же огненной забавы оставил также амстердамский комедиограф и рифмоплет Ян ван Гейзен. В своем еженедельнике «*Амстердамсе Меркюриус*», выходившем с 1710 по 1722 г., он в легком, сатирическом тоне откликался на политические события. Его же перу принадлежит комический памфлет под заголовком «Новый Арлекин», в котором некий глупый француз обсуждает со своим голландским другом Кейсом большой фейерверк. Кейс говорит:

«Хороша была забава.
Поднялась России слава
Прямо до рогов Луны...»

И долго еще будут вспоминать, продолжает он, «в честь царя триумф и радость». Великолепнее того фейерверка никто в Амстердаме ничего не видал⁹⁶. Подробно о празднике в честь Ништадтского мира Ян ван Гейзен рассказал и в своем журнале «*Амстердамсе Меркюриус*»⁹⁷. Еще в одном номере еженедельника он шутливо заметил, что после мира со Швецией Петр может наконец подумать о более приятных вещах:

«Его Величество, пройдя огонь войны,
И после стольких битв добившись тишины,
Мысль обратил свою теперь к одним уладам,
К потехам огненным, пирам и маскарадам»⁹⁸

Предание рассказывает, что Брантс велел изготовить для царицы красивый домик для кукол, который и сегодня можно увидеть в амстердамском музее Рейксмузеум. Так называемый «черепаховый кукольный дом» имеет вид типичного амстердамского жилого дома, одного из тех, что видные горожане строили себе вдоль каналов, и помечен, как считается, инициалами самого Брантса. Тщательное исследование показало, однако, что дом был сделан еще в XVII в. по заказу Петронеллы Ортман, супруги некоего Йоханнеса Брандта⁹⁹.

Незадолго до смерти Кристоффель Брантс начал строить в Амстердаме, по адресу: Nieuwe Keizersgracht, 28–44 «Богадельню Брантса Россиянина» для старух и вдов. Табличка над входом восхваляет в стихах основателя богадельни, которого «торговля подняла и к славе, и к богатству», и призывает следовать его примеру в добродетелях и в любви к беднякам.

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

«Походный журнал 1716 года» под 13 (24) декабря кратко сообщает: «Его Величество был во Адмиралтействе и кушал у Галанца [голландца] Вилима»¹⁰⁰. Загадочный «Вилим» — это, несомненно, Якоб де Вилде (1645–1721). Его Кунсткабинет был впечатляющим собранием картин, античных бюстов, монет, медалей и измерительных инструментов, известным как Музеум Вилдеанум, по адресу: Herengracht, 333. Собрание это пользовалось такой славой, что в Германии говорили: ты не можешь утверждать, что побывал в Амстердаме, если не видел «несравненного Кабинета де Вилде»¹⁰¹. Впервые Петр посетил коллекционера еще 13 декабря 1697 г., что запечатлено на гравюре по рисунку дочери последнего Марии (ныне в Амстердамском историческом музее)¹⁰². Но ни тогда, ни в ходе второй поездки Петр этой коллекции так и не купил.

Купил он другую — Альберта Зебы (1665–1736), одно из самых знаменитых в Амстердаме естественнонаучных собраний, с чучелами птиц и рыб, препаратами, раковинами, артефактами и т.п. По мнению знатоков, оно превосходило коллекции Рюйша и Левинюса Винсента. Все собрание Зебы, включая 72 ящика с раковинами, 400 банок с заспиртованными животными и 32 ящика с европейскими насекомыми, отбыло в Петербург¹⁰³. Есть все основания полагать, что в свой первый приезд в Голландию Петр с Альбертом Зебой не встречался. Часто пишут, что царь приобрел его коллекцию в 1717 г., находясь в Амстердаме. На самом же деле решение об этой покупке русский самодержец принял 10 января 1716-го, еще до поездки. А 25 декабря того же года в Амстердаме, на улице Харлеммерстрат, Петр вместе со своим лейб-медиком Робертом Эрскином, президентом российского Аптекарского приказа, нанес визит в «Немецкую аптеку» Зебы.

В «Походном журнале» неоднократно упоминается, что царь посещал верфи голландской Ост-Индской компании и осматривал там раковины (25 декабря) и экзотических птиц (29 декабря). Как Ост-Индская, так и Вест-Индская компании, действуя в районах, изобилующих раковинами (Индонезийский архипелаг, Антильские острова), доставили в Нидерланды немало очень редких образцов¹⁰⁴. Вслед за пряностями и другими товарами стекались в Европу, чаще всего в багаже отдельных служащих компаний, всевозможные редкости, будь то препараты растений и животных, раковины, туземная одежда, оружие, украшения. Фарфор и лакированные предметы были товаром массовым, но привозили их и в качестве личного имущества. Такие «индийские редкости» моряки по возвращении иногда продавали напрямую коллекционерам, а иногда в специализированные магазины редкостей, лавки фарфора или аптеки.

NOORD en OOST TARTARYE,

Ofte

BONDIGH ONTWERP

Van

Eenige dier landen , en volken , zo als
voormaels bekend zyn geweest.

Beveffen

Verscheide tot noch toe onbekende , en meest noit
voorheen beschreve Tartersche en nabuerige gewesten ,
lantstreken, steden, rivieren, en plaetzen, in de

NOORDER en OOSTERLYKSTE
GEDEELTEN

Van

ASIA en EUROPA,

Zo buiten en binnen de rivieren *Tanaïs* en *Oby*, als omtrent de
Kaspische, Indische-Ooster, en Swarte Zee gelegen : gelyk de lant-
schappen *Bischo*, *Dauria*, *Jesso*, *Moegalia*, *Kalmakkia*, *Tangut*, *Usbek*,
Noerder Perzie, *Georgia*, *Circassia*, *Crim*, *Altin*, enz. mitsgadets *Tingge-*
ssa, *Siberia*, *Samoedia*, en andere aen Hare Z A E R Z E
MAJESTEITEN Kroon gehoorende heerschappyen :

Met der zelve Lant-Kaerten :

Zedert nauwkeurigh onderzoek van veele jaren, en eigen ondervindinge
beschreven, getekent, en in 't licht gegeven,

Door

NICOLAES WITSEN.

t'Amsterdam, in 't jaer MDCXCII.

Николаас Витсен. Восточная и северная Татария
(Первое издание, Амстердам, 1692)

Товары же компании можно было купить на торгах¹⁰⁵. Популярны были в начале XVIII в. так называемые «порождения морей»: раковины, кораллы, голотурии, морские звезды... Особым спросом пользовались тропические раковины, но собирали также насекомых, чучела диковинных рыб, птиц и зверей¹⁰⁶.

Видным коллекционером был и Николас Витсен (1641–1717), политик, дипломат, ученый, картограф. Между 1686 и 1706 гг. он тринадцать раз был бургомистром Амстердама, а с 1693-го — одним из правителей Ост-Индской компании и одновременно депутатом Генеральных штатов. Член лондонского Королевского общества, он к тому же увлеченно занимался наукой. Его первые контакты с Россией относятся к 1664–1665 гг., когда он вместе с голландским дипломатом Якобом Бореилем (1630–1697) там побывал. Книга Витсена «Древнее и нынешнее строительство кораблей и управление ими» (1671) с нарисованными им самим иллюстрациями привлекло к себе внимание Петра, задумавшего сделать Россию морской державой. На амстердамских верфях был заказан целый ряд военных судов. Царь отблагодарил Витсена, предоставив ему привилегию на торговлю с Россией, откуда в Голландию привозили зерно, лес, сало для свечей, деготь и кожу¹⁰⁷.

Четверть века спустя после своего путешествия в Москву, в 1692 г., Витсен опубликовал книгу «Северная и Восточная Тартария», в которой описал Россию к северу и востоку от Москвы, с приложением первой карты Сибири. Это было первое подробное и достоверное исследование тогдашней Руси¹⁰⁸. Нет ничего удивительного в том, что автор стал большим другом русского государя. В день кончины Витсена, 10 августа 1717 г., Петр находился в Голландии, однако был ли он на похоронах неизвестно. На смерть бывшего бургомистра Клас Брёйн откликнулся эпитафией в стихах, в которой воспец его ученость и заслуги, в том числе связанные с изучением России:

«Ведь это он, явив усердья пыл,
В молодые годы, дней своих весною,
Москвы далекой нравы нам открыл.
Без устали, с прилежностью благою
Описывал там, не жалея сил,
Двора царей обычаи и тайны
И острый ум его нам осветил
Теченье дел в Тартарии бескрайней...»¹⁰⁹

Дом Витсена на канале Херенграхт напоминал музей: обширная коллекция раковин (33 ящика), кораллов, чучел животных, драгоценных камней, древних монет, картин, скульптуры, оружия, фарфора и лакированных предметов, книг и рисунков. В должности

Портрет Николаса Витсена. Гравюра.

бургомистра Амстердама Витсен покровительствовал наукам и искусствам, а как управляющий Ост-Индской компанией располагал всеми возможностями пополнять свое собрание заморскими редкостями и диковинками, которые привозили служащие компании, ее матросы и солдаты¹¹⁰. Петр предпринял попытку приобрести его коллекцию, но это ему не удалось¹¹¹.

Среди интересовавших русского монарха голландских собирателей его старым знакомым был также Фредерик Рюйш (1638—1731). Его коллекцию, насчитывавшую свыше 2000 заспиртованных и сухих препаратов частей человеческого тела (Рюйша называли «художником смерти»: на его лекции по анатомии приходили сотни людей), царь осмотрел еще в первый свой приезд в Голландию, 17 сентября 1697 г., и расписался в гостевой книге¹¹². Прошло двадцать лет — и державный властелин опять навестил старика и даже сделал ему комплимент: «Вы ведь по-прежнему мой учитель, не так ли?»

Коллекцию Рюйша он купил за колоссальную сумму в 30 тысяч гульденов, контракт был подписан 8 апреля 1717 г.¹¹³ За этой покупкой стояли соображения политические: стремясь подорвать веру своих соотечественников в чудеса и приметы, Петр хотел показать им препараты из собрания Рюйша как «прихоти природы», а не творения дьявола. В этом царь шел против церкви, использовавшей людские страхи. О тех, кого считали одержимыми бесами, он как-то сказал: «Надлежит попытаться из беснующегося выгонять беса кнутом. Хвост кнута длиннее хвоста чертовского. Пора заблуждения искоренять из народа!»¹¹⁴. По обоснованному мнению исследовательницы Й. Дриссен, приобретение Петром коллекций Зебы и Рюйша было не стихийным порывом и не подражанием западной моде, а хорошо обдуманым актом¹¹⁵.

Одним из важнейших в Голландии собирателей искусства в первой четверти XVIII в. был лейденский купец Питер де ла Кур ван дер Ворт (1664—1737). Он консультировал агентов Петра при покупке произведений живописи и скульптуры и проявлял при этом сугубую осторожность, ибо рынок наводнили подделки¹¹⁶. Осторожность вполне оправданная: ведь еще на исходе XX в. высказывались сомнения в подлинности знаменитой картины «Давид и Ионафан», приписываемой Рембрандту и купленной Петром в 1717 г. О том, что это великолепное полотно, одна из жемчужин Государственного Эрмитажа, может быть подделкой, в 1989 г. с тревогой написала главная советская газета «Правда». После долгих споров многочисленных экспертов выяснилось, что это все-таки подлинный Рембрандт¹¹⁷.

Собрание Питера де ла Кура осматривали в свое время все любители искусства, и русский государь тоже часто к нему приходил и с ним разговаривал¹¹⁸. Коллекционер, который позднее, в 1737-м, выпустит трактат о устройстве загородных домов и садов¹¹⁹, мог поделиться со своим гостем также советами на эту тему, тем более что в ходе второго путешествия за границу Петр особенно интересовался обустройством садов и дворцов. Он не только посетил в 1717-м усадьбу Питера де ла Кура под Лейденом¹²⁰, но и посылал к нему, как и к Симону Схейнвуту,

Письмо кн. Куракина Питеру де ла Куру
(Региональный архив Лейдена)

своих людей учиться ремеслу садовника¹²¹. В семейном архиве коллекционера-садовода можно найти письмо от царского посла Куракина с просьбой прислать ему на праздник, который послу предстояло организовать в Гааге для «всех видных особ», два ананаса¹²². Вероятно, речь шла о празднике по случаю Ништадтского мира России со Швецией. В книге Питера де ла Кура о садах помещено изображение ананаса¹²³ и объясняется, что этому экзотическому фрукту необходимо много тепла и устойчивой погоды, а потому в Европе его даже летом можно выращивать лишь в застекленных теплицах. Ананасы были в те годы в Голландии большой редкостью, и только самые богатые могли их себе позволить. Именно для престижа эти фрукты и понадобились князю Куракину на празднике.

Находясь в Голландии, Петр покупал немало других заинтересовавших его вещей. Согласно расходной книге царя, у амстердамца Яна Лудера были приобретены всякого рода раковины, а в Гааге у купца Даниэля Фаренгейта — три барометра за 60 гульденов¹²⁴. Прославленный немецкий физик и инженер Даниэль Габриэль Фаренгейт (1686–1736), который изобрел ртутный термометр и разрабо-

тал всем известную всем температурную шкалу Фаренгейта, жил с 1717 г. в Гааге, занимаясь там изготовлением барометров, термометров и альтиметров. Забавно, что в расходной книге барометр назван «бураметр», так что секретарь Петра, который вел эту книгу, невольно предвосхитил выдуманное Лесковым в «Левше» слово «бурометр».

ЮРИЙ КОЛОГРИВОВ

Очень интересной фигурой в петровской России был Юрий Кологривов (около 1690—1754). Сын стольника при царском дворе, он стал денщиком Его Величества, пользовался его полным доверием и в 1711 г. был в числе первых петровских «пенсионеров» направлен на учебу за границу, в Амстердам. Перед этим он в том же году сопровождал Петра в Пруссию. Поначалу он должен был учиться на экипажмейстера, однако ситуация изменилась, и с 1712 по 1715 г. Кологривов изучал в Риме архитектуру. Владея нидерландским, итальянским, французским и, возможно, немецким, он, как следует из документов, сопровождал своего государя в его второй поездке на Запад. Еще в сентябре 1716 г., покинув Голландию, Кологривов присоединился к царю в Карлсбаде (ныне Карловы Вары) и не расставался с ним до конца июня 1717-го: когда тот из Парижа отбыл на воды в Спа, его денщик вернулся в Голландию. Очень сблизившийся в эти месяцы с Петром, он был также в самых доверительных отношениях с его кабинет-секретарем Макаровым.

Во время путешествия Кологривов покупал все больше книг, картин и инструментов. 2 января 1717 г. он вместе с царским лейб-медиком Эрскином приобрел в Амстердаме великолепные рисунки Марии Сибиллы Мериан с изображением насекомых — ныне гордость Российской Академии наук¹²⁵. Петр, по-видимому, был доволен тем, как Кологривов покупает и заказывает произведения искусства, и использовал его скорее в этом качестве, чем как архитектора, на которого тот так и не выучился. Для покупок Кологривов брал кредиты у местных российских резидентов, а дальше сам решал, какие картины и книги приобретать; только для особо дорогих покупок он спрашивал разрешения у царя.

Поиском живописи и скульптуры для Петра занимались в Европе и другие люди, но никто из них так не разбирался в западном искусстве, античной мифологии и технике живописи, как Кологривов, влюбленный в искусство и всецело увлеченный им. Одно из самых значительных его приобретений, которым он очень гордился, — «Венера Таврическая», древнегреческая статуя II или III в. до н.э., по-

*И. П. Аргунов. Портрет Юрия Колодзривова
(Музей-усадьба Кузьково)*

павшая сначала в Таврический дворец, а затем в Эрмитаж. В 1717 г. он купил в Амстердаме, Гааге, Харлеме и Антверпене около 80 картин. 13 апреля Петр в своем письме к нему велел:

«В Антверпене и Брюсселе купить картины, их здесь много. Каменные перила [я] заказал здесь в два раза дешевле, чем в Голландии»¹²⁶.

О том же и другое его письмо:

«Когда поедешь к нам в Антверпен и в Брюссель, поищи еще купить картин, ибо зело много и, чаю, дешевле, понеже каменные перилы в полы [вполовину] мы подрядили против голанского»¹²⁷.

Из этих посланий видно, что Петр не любил разбрасываться деньгами и покупал с разбором.

25 июня Кологривов сообщил из Гааги:

«По указу Вашего Величества в Брюсселе и Антверпене купил картины на достальные деньги, которых у меня было 1743 ефимка. И в Брюсселе купил 27 картин, в Антверпене 90, и всего 117. Заплатил за оные 2 тыс. 462 ефимка, и еще надлежит заплатить 719 ефимков, и то ради того, что не хотели продать, чтоб не все вместе, ибо в том числе суть 8 картин, о которых доношу смело, что стоят по сту и больше ефимков. И в прочих не чаю, чтоб стоили каждая меньше 30 ефимков и больше.

Ваше Величество, всенижайше прошу, велите дать указ о заплате тех 719 ефимков, ибо оной купец без заплаты достальных денег картин не дает, а я бы желал, чтоб оные картины к приезду Вашего Величества были в Амстердаме.

Из Гааги, июня 25, 1717. Вашего Величества всенижайший раб, Юрий Кологривов»¹²⁸.

После отъезда государя из Голландии Кологривов поехал дальше по Европе (Париж, Лондон, Австрия, Ливорно, Рим, Венеция) как для приобретения произведений искусства, так и для того, чтобы позаботиться о прибывших из России на учебу царских стипендиатах (в Италии они изучали архитектуру). В 1718-1719 гг. в Риме, Генуе, Милане, Ливорно и Неаполе он купил более сотни скульптурных работ.

В 1719-м Петр предложил ему вернуться в Петербург, но Кологривов, ссылаясь на болезни, возвращаться не стал. На какое-то время он бесследно исчез, полагали даже, что он захвачен печально известным в ту эпоху пиратом Барбарези или просто сбежал. Возможно, Кологривов действительно боялся вернуться, опасаясь обвинений в контактах с царевичем Алексеем, которого как раз тогда отец допрашивал как подозреваемого в государ-

ственной измене. Лишь в 1728 г., через три года после смерти грозного самодержца, Кологривов объявился в Италии и сам попросил у юного императора Петра II разрешения вернуться. Год спустя он был в России, но на государственной службе уже не состоял. В 40-е годы XVIII в. он работал у графа П.Б. Шереметева: строил в его усадьбе Кусково Итальянский и Голландский домики и обустраивал парк. Там же, в этой усадьбе, он в 1754 г. и умер. В музее Кусково хранится его портрет работы И.П. Аргунова.

В Голландии покупкой живописи для властителя России занимался также Осип Соловьев. В 1716 г. он приобрел на трех аукционах почти 120 картин. Русские агенты Петра обычно пользовались советами экспертов-голландцев: те и местный художественный рынок знали лучше, и могли скорее отличить оригинал от подделки¹²⁹.

Известно, что Петр в искусстве разбирался плохо и не увлекался им. Посетив в 1698 г. лондонский Кенсингтонский дворец, он многие шедевры в картинной галерее дворца даже взглядом не удостоил. Никаких свидетельств о том, что он уже тогда покупал картины, нет¹³⁰. Еще в XVIII в. историк голландской живописи Арнольд Хаубракен отметил, что в 1697 г. русский гость интересовался разве что изображениями кораблей, которые могли бы ему пригодиться при строительстве собственного флота¹³¹. Однако это было только первое путешествие Петра за границу, когда о строительстве новой российской столицы еще и речи не было. Два десятилетия спустя он хорошо понимал, как необходимы престижные дворцы, украшенные выдающимися творениями западноевропейских художников. И интересы его в сфере искусства заметно расширились: по его заказу покупали и жанровые сценки, и виды городов, и натюрморты, и картины на библейские сюжеты¹³². Одна немецкая газета 13 июля 1717 г. сообщила из Гааги, что после крупных покупок царем живописи во Франции и когда он вновь направился в Голландию, «у многих здешних художников появилась надежда, что их тоже коснется своими лучами его благосклонность»¹³³.

Собиратель «анекдотов» о великом монархе Якоб Штелин написал и о его интересе к искусству. Приводим его слова в русском переводе, выполненном в начале XIX в.:

«На втором своем путешествии, в 1716 и 1717 годах, Государь изъявил любовь свою к картинам и хороший вкус в оных. В Амстердаме посещал он славнейших в то время живописцов, и часто по целому часу с особенным удовольствием смотрел, как они работали, разговаривал с ними о произведениях их искусства и довел вкус свой в знании картин до немалой тонкости. Фламандския и Брабандския картины предпочитал он всяким другим, и собрал множество оных работы славнейших масте-

ров. Рубенс, Фан-Дик, Рембранд, Ян Штейн, Фан-дер-Верф, Лингелбах, Берггейм, Миерис, Вуверман, Брейгель, Остаде, Фан-Гуйзум, и проч. были его любимцы; особенно же любил он картины, представляющие морские виды и корабли. Отменно уважал он картины славного Адама Сило <...>

По возвращении со второго своего путешествия ПЕТР Великий выбрал несколько молодых людей из русских и отправил их отчасти в Голландию, отчасти ж в Италию, учиться живописи и архитектуре. Между первыми находились четверо, которые по возвращении отличались от прочих в исторической живописи и принесли честь своему отечеству, а именно: Матвеев, Александр Захаров, Иван Меркурьев и Васильевский; а из других Земцов и Еропкин. Первые писали прекрасные картины в прекрасном вкусе, которые находятся в разных церквах в Петербурге и Москве; другие ж построили несколько церквей и других публичных зданий самой лучшей итальянской архитектуры»¹³⁴.

ХУДОЖНИКИ: УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Уже в 1716 г. Петр отобрал нескольких юных художников, чтобы послать их учиться за границу. Иван Коробов (1700/1701—1747) изучал в Австрийских Нидерландах и в Голландии «архитектуру цивилис, делать шлюзы, огороды и фундаментального строения по амстердамской манере»¹³⁵. В 1727-м вернулся в Петербург. Больше всего он известен постройкой каменной башни Адмиралтейства, со шпилем, увенчанным корабликом, которой так гордится «северная столица». Проучившись в Брабанте и Голландии несколько лет, Коробов обратился к своему государю с просьбой разрешить ему продолжать учебу в Италии и Франции, дабы стать «художником в строении царских жилищ, а не мужицких»¹³⁶.

Ответ Петра был недвусмысленным:

«Иван Коробов! Пишешь ты, чтобы отпустить тебя во Францию и Италию, для практики архитектуры цивилис, во Франции я сам был, где никакого украшения в архитектуре нет и не любят, а только гладко и просто, и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпича; о Италии довольно слышал, к тому ж имеем трех человек русских, которые там учились, и знают нарочито; но в обоих сих местах строения здешней ситуации противные места имеют; а сходнее Голландия. Того ради надобно тебе в Голландии жить, а не в Брабандии, и выучиться маниру Голландской архитектуры, а особенно фундаментам, которые нужны здесь, ибо равную ситуацию имеют для низости стен, к тому же оgoro-

дам [садам] пропорция, как из размерять и украшать, как лесом, так и всякими фигурами, чего нигде в свете столько хорошо делать не умеют, как в Голландии»¹³⁷.

Иван Мичурин (1700—1763) учился с 1723 по 1729 г. в Республике Соединенных Провинций на инженера и архитектора. После возвращения работал в основном в Москве. Среди посланных им за границу стипендиатов Петр выше всего ценил работающих. Так, когда гардемарин Иван Неплюев, вернувшись в Россию, явился к государю с отчетом, тот показал ему свои руки и сказал: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли, но все оттого: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечества»¹³⁸. В 20-е годы XVIII в. Петр начал увольнять со службы иностранцев и заменять их подготовленными ими учениками-россиянами.

В Голландии русских «пенсионеров» помещали у таких ведущих художников, как Карел де Мор, Арнольдус Бонен, Арт де Гелдер (последний ученик Рембрандта), Якоб де Вит. У Бонена одновременно с Корнелисом Тростом (1696—1750) обучался Андрей Матвеев (1701—1739). В одной книге XVIII в. сообщается о Бонене, что «в 1717 году предметом его благородной кисти был всемирно знаменитый царь ПЕТР Великий, вместе с пресветлейшей своей супругою и некоторыми русскими князьями из свиты Его Величества; все — в полный рост, и к вящему удовольствию сего монарха»¹³⁹.

О портрете Петра, выполненном Карелом де Мором, тот же автор рассказывает:

«В 1717 году он изобразил царя *всего Руси ПЕТРА Великого*, который оным портретом так был доволен и прельщен, что каждый раз после того, как позировал, сам его запирает на ключ, дабы с ним в его [Петра] отсутствие чего-нибудь не случилось. Но прежде чем портрет был закончен, между царем и нашим художником произошел такой бурный спор, что ДЕ МОР начатую работу не иначе пожелал завершить, как с обещанием, что царь впредь не станет его бесполезно задерживать и заставляя ждать. Он говорил, что у него-де поважнее дела есть, нежели драгоценное свое время таким образом терять. Настоящую же причину того спора, как и другие подробности жизни и творчества сего человека, мне до сих пор узнать не удалось, а потому и поведение нашего героя в оном деле ни оправдывать, ни осуждать невозможно, хотя на первый взгляд можно было бы сказать, что он, как ни высок в рассуждении своего искусства, все же несравненно ниже был величия монарха. Однако высокомерие его на вершине его славы живописца было уже весьма велико и заходило так далеко, что он в той области мало мог переносить»¹⁴⁰

Андрей Матвеев. Автопортрет с женой
(Государственный Русский музей)

Еще одно свидетельство о том, как Карел де Мор создавал портрет Петра, оставил голландский писатель Якоб Кампо Вейерман (1677–1747). Он был знаком с художником и не раз его навещал в мастерской под Лейденом. «В 1717 году, — вспоминал позднее Вейерман, — рыцаря *Карела де Мора* любезно пригласили приехать в Гаагу и написать портреты Петра Первого и Екатерины Алексеевны (Catharina Alexitwa), царя и царицы Великой России. Художник прибыл из Лейдена в Гаагу и направился к послу этого монарха. Тот с большим почтением его встретил и провел в большую комнату, где он должен был ожидать царя.

После того как *Карел де Мор* просидел там долгое время (торопливость при дворах государей не в обычае), царь явился, и рыцарь, уже держа наготове палитру, стал ждать, когда Его Величество усядется; просить же об этом не полагалось, ибо было бы нарушением придворного этикета. Походив некоторое время большими шагами по комнате, царь уселся в кресло, и *Карел де Мор* этим обстоятельством воспользовался, дабы запечатлеть пером черты монарха. Но вскоре царь опять встал. Живописец отложил перо и следовал глазами за царем, пока тот наконец не сел снова. Рыцарь не упустил благоприятного случая и, составив себе уже твердое представление о чертах лица государя, начал раскрашивать изображение мастерскими мазками кисти.

Тут царь завел такой разговор: “Не трудна ли, сударь, живопись и не требует ли занятие ею великого терпения?” — “Да, государь, терпения порой не хватает, — откликнулся сдержанно рыцарь, — особенно когда предмет часто встает или много двигает головой и руками”. <...> Монарх выглядел довольным этим быстрым ответом, не заметив того, что в первых словах художника содержался учтивый упрек этому государю, который не мог долго сидеть на одном месте»¹⁴¹.

Из путевого дневника царя видно, что позировал он Карелу де Мору 16 (27) марта 1717 г.: «В 16 день писал его царского величества персону славной живописец, имянуемой Мор»¹⁴². Из расходной книги Петра: «Выдано господину послу Куракину на дачу живописцу Мору, которой писал персону его царского величества, 150 червонных»¹⁴³. Законченный портрет Екатерина послала супругу из Гааги в Париж. Оттуда он вернулся в Гаагу, где Куракин заказал Хаубракену изготовить по этому портрету гравюру¹⁴⁴.

Об обучавшемся в Голландии юном художнике Андрее Матвееве царский агент ван ден Бюрг отзывался с одобрением: тот не пил, не проказничал, а трудился усердно и с большим талантом. В 1717 г. Матвеев поступил в ученики к Арнольдюсу Бонену, который за это получал 100 гульденов в год. Ученик научился говорить и писать по-нидерландски, создал портрет ван ден Бюрга (не сохранился)¹⁴⁵.

После учебы в Амстердаме Матвеев поехал в Австрийские Нидерланды, в Антверпен, где 6 декабря 1723 г. записался в Академию изящных искусств. Там его опекал местный агент царя, купец и банкир Джованни Стеффано, который и оплачивал его расходы. Когда в январе 1725-го, после смерти Петра, на престол вступила Екатерина I, ее молодой протеже в Антверпене посвятил ей свою первую большую работу *«Аллегория живописи»*, первую русскую картину на аллегорический сюжет. Другое известное полотно Матвеева — портрет Петра I, но оно является копией работы Карела де Мора, так как Андрей в последний раз видел своего государя в 1717-м, когда был еще подростком.

Посетил Петр в Амстердаме и мариниста Адама Сило (1674—1760), прославившегося изображением кораблей. Уже в 1697 г., в первый приезд царя в Голландию, Сило учил его, как рисовать морские суда. Теперь высокий гость навестил своего бывшего учителя, о чем придворный живописец и знаток искусства Георг Гзелль, швейцарец на русской службе, рассказал два десятилетия спустя так: «Сило был умелым кораблестроителем. Он за хорошую плату мастерски умел делать модели кораблей. Поэтому-то в 1717 Петр и посетил его. К тому времени Сило уже перешел к писанию картин на морские сюжеты. Царю он предложил купить некоторые из них. Тот отказался. Однако позднее, познакомившись с ним получше, Петр захотел приобрести у него за большие деньги несколько моделей. Он предложил ему также переехать в Россию и поступить к нему на службу за очень приличный годовой оклад. Однако Сило так обиделся на отказ царя купить его картины, что и слышать не хотел ни о продаже моделей или картин, ни о поступлении к царю на службу. Поэтому царь купил через своих комиссионеров все картины Сило, какие только смог достать»¹⁴⁶. Сегодня они находятся в Государственном Эрмитаже.

Если верить жившему в XVIII в. художнику и историку голландской живописи Йохану (Яну) ван Голу, Петр в Амстердаме пригласил Генриетту ван Пе, точнее — Волтерс-Ван Пе (1692—1741), известную своими миниатюрными портретами с натуры, приехать в Россию. Выросшая в семье, где три поколения владели кистью, она хорошо зарабатывала миниатюрами для брошей и браслетов, модными у богатых горожан. И чем меньше был портрет — тем выше его цена. Искусство Генриетты ван Пе пользовалось такой славой, что даже иностранные монархи наперебой заказывали у нее портреты. На предложение русского царя стать его придворной художницей, с громадным по тем временам жалованьем в 6000 гульденов ежегодно, она ответила отказом. По словам Ван Гола, ей не хотелось покидать свою страну, а к тому же ей, по ее религиозным убеждениям (она была менонитка), «беспокойная и рабская придворная жизнь» совершенно

не подходила¹⁴⁷. Впрочем, она успела, пока царь был в Голландии, написать портреты трех вельмож из его свиты.

Такая же неудача постигла, кстати, и прусского короля Фридриха-Вильгельма I. Посетив в Амстердаме Генриетту ван Пе, он попросил ее приехать к нему в Берлин, но она отказала, заявив, что они с мужем люди простые и не приживутся при королевском дворе, где вместо прямодушия и правды царят лесть и угождение. Поэтому «она твердо решила, что никогда не окончит свои дни ни при каком дворе, поскольку ей слишком дорога ее свобода»¹⁴⁸. Современники высоко ценили художницу, хотя сегодня некоторые считают, что своей славой она обязана скорее общению с иностранными монархами, высокими ценами на ее работы и своей добродетельностью, нежели своему искусству¹⁴⁹.

ИЗДАТЕЛИ И КНИГОТОРГОВЦЫ

В расходной книге Петра упомянуто, что князю Куракину выплачено 925 гульденов за покупку в Гааге Нового Завета¹⁵⁰. В 1716 г. царь поручил издать *Новый Завет* с параллельным текстом на нидерландском и церковнославянском языках. Год спустя в Гааге Йоханнес ван Дюрэн выпустил два тома, в которых в левом столбце страницы был помещен нидерландский текст¹⁵¹. В 1718–1719 гг. в Петербурге добавили текст на церковнославянском, в правом столбце. Довольный результатом, Петр заказал двуязычное издание теперь уже *Ветхого Завета*. Четыре тома с нидерландским текстом напечатал в Амстердаме Даниэль ван Леуэн в 1721 г. Когда по прошествии двух лет их доставили в Россию, выяснилось, что нидерландский текст значительно расходится с церковнославянским, поэтому издание на двух языках так и не было осуществлено¹⁵². Некоторые предполагают, что Русская Православная Церковь это издание бойкотировала, а потому напечатанные в Голландии экземпляры гнили в подвалах Александро-Невской лавры¹⁵³.

В своем издательском посвящении «Его Царскому Величеству Петру Великому, самодержцу всея Руси» Йоханнес ван Дюрэн в 1717-м не только нарекает Петра «Великим» за четыре года до того, как его увенчает этим титулом российский Сенат, но и впадает в поистине лирический тон: «Ваши подданные обретают в Вашем Царском Величестве как бы второго Создателя, рассеивающего темные тучи Невежества и возжигающего на Небесах свет Знания». Он без колебаний сравнивает властелина России с Александром Македонским: «С большим правом подобает Вам, всемогущий государь, прозвание Великого, нежели Александру, который лишь грозностью

HET NIEUWE TESTAMENT,

O F T E

ALLE BOECKEN DES NIEUWEN VERBONDTS

ONSES HEEREN

JESU CHRISTI.

GEDRUCKT DOOR LAST VAN

ZYN CZAARSE MAJESTEYT

PETRUS DEN EERSTEN,

KEYSER VAN GROOT EN KLEYN RUSSLANDT.

ENZ. ENZ. ENZ.

TWEEDE DEEL.

IN 's GRAVENHAGE

By JOHANNES VAN DUREN, BOECKVERKOPER.

MD CC XVII.

«Библия Петра I». Новый завет. 1717.
(Университетская библиотека Гёттингена)

своего оружия блистал. Ваше же Царское Величество вооружает свой народ всякими науками для мира и одновременно обучает его владеть оружием для войны. Под Вашим предводительством он учится только побеждать и под Вашей властью он никаких нападений не должен опасаться». «Потомок с изумлением будет читать историю Ваших времен и найдет в ней образец совершенного монарха».

После таких похвал можно ли считать случайным, что через год, в 1718-м, тот же голландский издатель выпустит французский перевод официального российского документа — *«Объявление розыскного дела и суда по указу его Царского Величества на царевича Алексея Петровича, в Санктпетербурхе отправленного, и по указу Его Величества в печать, для известия всенародного, сего Июня в 25 день, 1718, выданое»*¹⁵⁴?

Чего добивался Петр изданием Священного Писания на двух языках, объясняет в своих «анекдотах» Якоб Штелин: «Сим изданием вся Библии на Голландском и Славенском языках Государь намерен был доставить подданным своим двойную пользу, а именно: возбудить в них охоту к чтению Священного Писания, и притом подать им случай приучиться к любимому его Голландскому языку. Ибо он часто говаривал: “Голландской язык нам нужен на море, Немецкой на сухом пути, а Французской совсем не нужен, для того, что с Французами мало имеем мы дела”»¹⁵⁵.

В недавнем исследовании о царском после в Гааге князе Куракине заслуги в издании Библии на двух языках приписываются ему¹⁵⁶, однако без ссылок на источники. Вызывает большие сомнения, что Куракин проявил бы такой интерес к печатанию Библии на нидерландском, ведь сам он этого языка не знал. Так, посещая провинцию Зеландия, он попросил проводника, владевшего французским, и всю свою переписку с Генеральными штатами посол вел по-французски.

Расходная книга Петра содержит также многочисленные упоминания о покупке в Голландии книг, например трактата по строительству крепостей *«Истинный Вобан»*, *«Наставлений о садах»* и *«Истории торговли у древних»*¹⁵⁷. За 36 томов in folio *«Истории Византии»* уплачено 770 гульденов, за *«Девизы»* Симона Схейнвута — всего три гульдена. Кроме того были приобретены «Забавные и серьезные надписи» Иеронимуса Свейртса. Иллюстрированный трехтомник о Брабанте Жака Ле Руа на латинском, французском и нидерландском языках обошелся в 46 гульденов, *«Прелести Италии»* Александра де Рожиссара, в четырех томах, — в 20 гульденов¹⁵⁸, а еще добавились подобные же книги о «делициях», т.е. достопримечательностях и увеселениях, также в Великобритании, Испании и Португалии¹⁵⁹.

Интересна запись о покупке двух роскошных томов Марии Сибиллы Мериан:

«Генваря в 2 д. царское величество указал заплатить Амстердамскому жителю Юрию Гезелю за две книги больших (которые по указу его величества купил дохтор арескин) в которых вложены паргаминовые листы, на которых малевано самым добрым мастерством живописным всяки цветы, также бабачки <так!>, мушки и прочие всякие животные (которых паргаминовых листов будет числом 254 листа), три тысячи гульденов голландских, а ефимками иметца тысяча двести, которые выдать записав в расход»¹⁶⁰.

Книги, которые приобретал русский царь, были не только утилитарного характера. Так, 1 февраля 1717 г. он дал поручение купить «книгу Бакалинову, которую надо будет перевести»¹⁶¹. После долгих поисков стало ясно, что имелось в виду известное в тогдашней Европе сочинение итальянского литератора Траяно Боккалини (1556–1613) «Сообщения с Парнаса» — об Аполлоне, который на Парнасе председательствует на совете мудрецов. Книга изобилует забавными размышлениями о литературе, но содержит и немало сатирических выпадов против власть имущих. Русского царя это, как видим, не смущало. Удалось ли ему приобрести книгу Боккалини, мы не знаем.

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е розыскаго дѣла и суда. по указу его ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НА ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА, въ санктѣмпербургѣ отправленнаго, и по указу его величества въ печать, для извѣстїа всенароднаго. Сего Юня въ 25 день, 1718, В Ы Д А Н О Е.	MANIFESTE D U PROCEZ CRIMINEL D U CZAREVITCH ALEXEI PETROVITCH. jugé & publié à SAINT PETERSBOURG Le 25 jour de Juin. 1718, N. St. TRADUIT SUR L'ORIGINAL RUSSIEN, ET IMPRIMÉ PAR ORDRE DE SA MAJESTÉ CZARIENNE A L A H A Y E, Chez JEAN VAN DUREN, Marchand Libraire. M. DCC. XVIII.
--	--

Суд над царевичем Алексеем Петровичем в 1718 году.
Печатный текст ((РГАДА) / Гаара, 1718)

Ни сама она, ни какой-либо ее перевод на другой западноевропейский язык в каталоге библиотеки Петра I не значатся.

Издания, купленные в ходе поездки, попадали в большой сундук, доверенный царскому денщику Авраму. В расходной книге есть запись о том, что «арапу Авраму» выплачен рубль за то, что он позаботился о ремонте этого сундука. Ибрагим, или Аврам (Абрам), как его называли при крещении в православную веру, происходил из Эфиопии, был куплен русским послом на невольничьем рынке в Стамбуле и подарен царю. Любимый крестник Петра (с 1727 г. он встречается в источниках под фамилией Ганнибал) участвовал в Полтавской битве, сопровождал царя в Прутском походе против турок (1711), а в 1716-м отправился с ним в заграничное путешествие. Из Голландии Петр послал его во Францию учиться на инженера. После смерти своего государя и покровителя «арап» был сослан Меншиковым в Сибирь. Только после 1730 г. императрица Анна вернула ему свободу и положение в обществе. Ганнибал женился на красивой гречанке, но, выданная за него против своей воли, она отомстила ему, родив белую дочь. Абрам Петрович пришел в ярость, заточил неверную жену в монастырь и развелся с ней.

Вероятно, его ждало бы забвение, если бы его правнук, внук третьего сына Ганнибала от второго брака, не стал величайшим поэтом России. Гордясь своим «африканским» происхождением (и темпераментом), Пушкин, как мы знаем, посвятил своему прадеду повесть «*Арап Петра Великого*», к сожалению, неоконченную. Вот как он описывает его молодость во Франции: «Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя le Nègre du czar и ловили его на перехват; регент приглашал его не раз на свои веселые вечера; он присутствовал на ужинах <...>; не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своих лет и своей породы». В довершение всего «арап» влюбился в прекрасную графиню, у нее родился чернокожий ребенок — грозил скандал. Чтобы спасти честь знатной дамы, младенца отправили куда-то в провинцию, подменив другим. Повинуясь настойчивым требованиям Петра вернуться в Россию, Ибрагим с тяжелым сердцем покинул Париж и свою возлюбленную¹⁶².

Примечания

1. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Т. III. Р. 244.
2. Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 101.
3. Там же. Т. III. С. 237.

4. Там же. Т. I. С. 130.
5. Там же. Т. I. С. 156–157.
6. Там же. Т. I. С. 132.
7. Там же. Т. I. С. 129, 131. Последнюю фразу не без гордости цитируют голландские авторы в кн.: *Fuchs J.M., Simons W.J.* Nou hoor je het eens van een ander. Buitenlanders over Amsterdam. Den Haag, 1975. P. 52.
8. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 89.
9. *Bohlen A.* Changes in Russian diplomacy... P. 347.
10. Дневник... Т. X. С. 79.
11. Там же. Т. VI. С. 54.
12. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 96.
13. Дневник... Т. I. С. 20. См. также: *Макаров Б.С.* Голландцы в России. С. 60.
14. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 177.
15. Дневник... Т. III. С. 278.
16. Там же. Т. I. С. 50.
17. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 186 (без ссылки на источники).
18. Там же. С. 202. По мнению самого Куракина, он не удостоился этого поручения из-за интриг Толстого и Шафирова (Дневник... Т. I. С. 90–91).
19. *Куракин Б.И.* Семейная хроника (цит. по: *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 178).
20. *Saint-Simon de L.* Mémoires complets et authentiques. Т. XIV. Chap. 18 (цитата приведена в кн.: *Zitser E.A.* The Vita of Prince Boris Ivanovich “Korybut”-Kurakin. P. 178).
21. *Altbauer D.* The Diplomats of Peter the Great. P. 9.
22. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1716 г. Д. 7. Л. 166.
23. Там же. Д. 14. Л. 26.
24. Там же. 1717 г. Д. 23. Л. 19.
25. Там же. Л. 102–103.
26. Как сообщает Г.Й. Онрюст, Петр, находясь в Голландии, поместил в одной местной газете, на последней полосе, объявление, приглашающее ремесленников наниматься на работу в Россию (*Onrust G.J.* Tsaar Peter. P. 875).
27. Собрание писем императора Петра I^{го}. Т. III. С. 80–81.
28. Там же. С. 90.
29. Там же. С. 92.
30. В русских источниках его часто называют «Тимофей младший Фонармус», как любезно сообщил мне Борис Макаров. См. также: *Макаров Б.С.* Голландцы в России. С. 26.
31. Собрание писем императора Петра I^{го}. Т. III. С. 113.
32. Там же. С. 114.
33. Там же. С. 123.
34. Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (21 марта 1716) (SAA 5038. Nr. 151. P. 167).
35. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 70.

36. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 34; Пекарский П. Введение в историю просвещения. С. 164.
37. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 25. Л. 1–2.
38. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 36.
39. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1717 г. Д. 9. Л. 12, 14; Д. 8. Л. 62.
40. РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 7–8.
41. В оригинале — с использованием русских слов: «po Ruski en po Golanski».
42. Там же. Л. 50–50об.
43. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 48.
44. *Kluit S.W.P.* De Hollandsche Leidsche Courant. P. 16, 28.
45. Ibid. P. 27–28.
46. *Schneider M.* De Nederlandse krant. P. 58–59. Утверждение автора, будто газета основана в 1717 г., неверно: она выходила еще в XVII в. (см. исследования Ингрид Майер).
47. Этим объяснением я обязан Рене Восу. См. также: *Maier I.* Zeventiende-eeuwse Nederlandse couranten. P. 27, 42, 44.
48. *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild. S. 45.
49. «Амстердамсе Аргус» выходил с мая 1718 по август 1722 г. В подзаголовке выражены намерения издателя: «со вниманием ко всем происходящим делам и событиям, дабы указывать на уродства человеческих деяний и пороки их бичевать в манере легкой и занимательной».
50. Цит. по: *Vliet van R.* Tsaar Peter de Grote: identiteit en imago. P. 348.
51. Цит. по: *Geconfindeert voor altoos.* P. 151. См. также: *Kluit S.W.P.* Jacob Campo Weyerman. P. 196–197. Журнал Вейермана назывался «Den Amsterdamschen Hermes. Zynde Een historisch, poëtisch, en Satyrisch verhaal van de zotheden der voorby zynde, der tegenwoordige, en der toekomstige Eeuw; benevens eenige liefdens gevallen, staatkundige Coffihuis opmerkingen, en Courant-perioden».
52. См.: *Blauw H.M.* Bibliografie van het werk van Hermanus van den Burg. P. 5–35. В 1705 г. в Амстердаме по заказу Петра вышла книга «Символы и эмблемы». Позднее, после ее переработки Херманюсом ван ден Бюром, ее издали под заголовком «Собрание избранных геральдических девизов...», с 840 иллюстрациями (http://emblems.let.uu.nl/c1627_introduction.html?lang=dut).
53. *Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. P. 40.
54. *Уляницкий В.А.* Русские консульства. Т. 1. С. 16.
55. *Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В.* Андрей Матвеев. С. 49.
56. *Уляницкий В.А.* Русские консульства. Т. 1. С. 16.
57. Londen. National Archives. State Papers Foreign Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 169–170, 27 августа / 7 сентября.
58. Ibid. Fol. 187–188, 30 августа / 10 сентября.
59. Ibid. Fol. 222, 6 / 17 сентября.
60. *Europische Mercurius.* September 1717. P. 200–201.
61. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 83. Червонец, т.е. 10 рублей, соответствовал в ту эпоху 5 гульденам 6 стюйверам (эти сведения мне любезно предоставил Юрий Эскин из РГАДА).

62. См. об этом подробнее: *Серов Д.О.* Заметки о жизни асессора Осипа Соловьева // *Russia and the Low Countries in the XVIIIth Century / Россия и Нидерланды в XVIII веке*, под ред. Э. Вагеманса. Р. 97–109. По словам издателя писем братьев Олсуфьевых, сопровождавших Петра в этой поездке, Соловьев был оклеветан, вероятно, резидентом Брантсом, а того поддерживал Меншиков, которому Соловьев не всегда шел навстречу (Братья Олсуфьевы. С. 13).
63. Походный журнал 1716 года. С. 102.
64. *Europische Mercurius*. December 1716. Р. 313. Соловьев снял дом по адресу: Herengracht, 527, у Якоба Хинлопена, родственника правившего тогда бургомистра Амстердама.
65. Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 70.
66. *Bruin de C. Reizen over Moskovie*. Р. 17.
67. *De Zegepraalende VECHT*. Р. 32.
68. *Terlouw P. De Vecht*. Р. 58.
69. *Bruin C. Speelreis langs de Vecht-stroom*. Р. 34. См. также: *Slor J. Een leerzaam reisje*. Р. 17–18.
70. Архитектор Симон Схейнвут (1652–1727) получил известность, построив загородные дома на реках Вехт и Амстел. Ему принадлежала также большая коллекция древностей и монет (*Munkabinet der Roomsche keyzers en keyzerinnen*. In *vaarzen beschreven door Abraham Bogaert*. Amsterdam, 1695), которую русский царь осмотрел в 1698 г. О загородном доме «Петербург» см.: *Balbian Verster de J.F.L. Christoffel Brants (1664–1732) en zijn Buitenverblijf “Petersburg”*. Р. 41–48.
71. *Lutervelt van R. De Buitenplaatsen aan de Vecht*. Р. 204.
72. *Brugmans H. Geschiedenis van Amsterdam*. Vol. III. Р. 276.
73. *Donga H. Christoffel van Brants en zijn hofje*. Р. 39.
74. *Grobbe F.H. Christoffel van Brants en het buiten Petersburg*. Р. 33.
75. *Donga H. Christoffel van Brants en zijn hofje*. Р. 39. 8 апреля 1717 г., пока Петр собирался ехать дальше, во Францию через Австрийские Нидерланды, голландский посол в Брюсселе сообщил своему правительству, что местные власти заняты «всеми необходимыми приготовлениями к приему и содержанию Его Царского Величества, что финансов [государства] не улучшает» (*De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. Р. 212).
76. *Cross A. Peter the Great through British Eyes*. Р. 25.
77. *Breen J.C. Geschiedenis van het huis Heerengracht 527*. Р. 70. Похоже, что это было типично для проживания царя и его свиты в чужих домах. В Берлине они также оставили предоставленный им дворец Монбизу «в полном опустошении» (*Schippan M. Die Schenkung des Bernsteinzimmers*. S. 39).
78. *Terlouw P. De vecht*. Р. 58. Единственный источник сведений о посещении Петром других усадеб на реке Вехт: *Oude en Nieuwe Staat van 't Russische of Moskovische Keizerryk, Behelzende eene uitvoerige Historie van Rusland en deszelfs Groot-Vorsten...* Т. III. Utrecht, 1744. Р. 303: «После осмотра виднейших усадеб на берегах Вехта Их Величества в со-

- провожении своей свиты и упомянутого выше господина *Брантса* сошли с яхты в *Утрехте*, у дома господина *Давида ван Моллема...*». Гравюру с видом усадьбы Вейверхоф (1719) можно найти в кн.: *Bruin C. Speelreis langs de Vecht-stroom*.
79. *Munnig Schmidt E., Lisman A.J.A.M. Plaatsen aan de Vecht en de Angstel*. P. 120, без указания источников. См. также: *Kramm Ch. De levens en werken der Hollandsche en Vlaamsche kunstschilders, beeldhouwers, graveurs en bouwmeesters, van den vroegsten tot op onzen tijd*. Amsterdam, 1857–1864, в статье о Яне Боскаме. Еще некоторые упоминания о том же событии, но без ссылок на источники: *Utrechtsche Volks-Almanak*, 1851. P. 44; *Maandblad van “Oud-Utrecht”*, 1942. P. 24; *Graft van de C.C. Agnes Block en haar liefde voor tropische gewassen // Jaarboekje van “Oud-Utrecht”*, 1962. P. 123–124.
 80. *Munnig Schmidt E., Lisman A.J.A.M. Plaatsen aan de Vecht en de Angstel*. P. 132, без указания источников.
 81. *Luttervelt van R. De Buitenplaatsen aan de Vecht*. P. 240, без указания источников.
 82. *Jong de E.A. ‘Paradisus batavus’*. P. 117.
 83. *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht*. P. 103–104; *Veluwenkamp J.W. Archangel*. P. 165–169.
 84. *Захаров В.Н. Западноевропейские купцы*. С. 330.
 85. *Kloetstra A.A. Christoffel Brants*. P. 87–88.
 86. *SAA. Archieven van het Van Brants-Rus hofje en Christoffel Brants*. Nr. 404.
 87. *Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1717 (NA. Nr. 1.01.02/3772. P. 914)*. См. также: *Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (22 октября 1717 г.) (SAA 5038. Nr. 152. P. 425)*.
 88. *Donga H. Christoffel van Brants en zijn hofje*. P. 42.
 89. *Brugmans H. Geschiedenis van Amsterdam*. Vol. III. P. 277. Посол Куракин устроил целый ряд празднеств в Гааге, во дворце Маурицхёйс (*Balbian Verster de J.F.L. Christoffel Brants en zijn buitenverblijf “Petersburg”*. P. 51).
 90. *Splitberger L. Een rekening van een kasteleines*. P. 308–310.
 91. *Grobbe F.H. Christoffel van Brants en het buiten Petersburg*. P. 32.
 92. *Brugmans H. Geschiedenis van Amsterdam*. Vol. III. P. 277.
 93. См.: *Gevallen die met ons geselschap zijn gebeurd en dien ik gesien en gehoord heb, so voor, in, als na, de vuurwerken, die opgestoken zijn, den 9de en 10de december Anno 1721, door orde van den Heer Christoffel Brand, Rijks Edelman, Hof-Raad en Resident van den Keyser van Groot Rusland, wegens de gesloten vrede, tusschen de bovenstaande Keyser van Groot Rusland en den Koning van Zweden, en de Croon van Zweden den 20 Augustus nieuwe, of 30 Augustus oude stijl Anno 1721 // Amsterdamsch Jaarboekje voor 1899*. Amsterdam, 1899. P. 82–99.
 94. *Ibid.* P. 91.
 95. *Ibid.* P. 95. Существует гравюра по рисунку Симона Схейнвута «Фейерверк Кристоффеля Брантса по случаю Ништадтского мира» (1721). См. стр. 61.

96. De Nieuwe Harlequin, Met zyn Rarekiek, Vertoonende het Vuurwerk, dat 'er op den 9 en 10. December 1721. ter eeren van zyn Czaarsche Majesteyt binnen de Stad van Amsterdam is afgeschooten. Amsterdam, 1721.
97. Jan van Gysens 20ste Maandagse Amsterdamsche Mercurius. Verhaalende de Uytlegginge van de Arche Triomphaalis of Keyzerlyk Vuurwerk Afgestookten in Amsterdam den 9 en 10 den December 1721. ter gelegenheid van de eeuwige Vreeden tusschen haar Czaarse en Zweedsche Majesteyten.
98. Jan van Gysens 20ste Maandagse Amsterdamsche Mercurius. Verhaalende het voornaamste Nieuws door heel Europa.
99. *Verheul-van Veen M.* Het poppenhuis van de tsaar. P. 43–44. См. также: *Dommissie H.H.* Het Hollandse pronkpoppenhuis. P. 247–253.
100. Походный журнал 1716 года. С. 103. Отредактированный позднее официальный дневник путешествия об этом почему-то умалчивает: «И от того времени даже до праздника Рождества Христова его величество все был в Амстердаме и смотрел всяких художеств, между тем же часто изволил бывать на Астинской и партикулярной верфях и в протчих домех» (Гистория свейской войны. С. 611).
101. *Offenbach von Z.C.* Merkwürdige Reisen durch Niedersachsen, Holland und England. Frankfurt; Leipzig; Ulm, 1753–1754. S. XCV.
102. Когда при вторичном визите царя, 13 december 1716 г., она поднесла ему экземпляр гравюры, он, в свою очередь, подарил ей некое ювелирное украшение (*Oostrum van W.R.D. Wilde, Maria de* // Digitaal Vrouwenlexicon van Nederland).
103. *Berkel van K.* Citaten uit het boek der natuur. P. 186.
104. De wereld binnen handbereik. P. 196.
105. Verzamelen van rariteitenkabinet tot kunstmuseum. P. 124.
106. Ibid. P. 132.
107. Посол Куракин писал о Витсене так: «...которой в любви великое [так!] к нашему государству имеет и до которого его величество в бытность свою здесь вельми склонен был» (Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 135).
108. В 2010 г. вышло научное издание этого впечатляющего труда, под редакцией Н.П. Копаневой и Б. Нардена, с переводом на русский В.Г. Трисман (*Bumcen H.* Северная и Восточная Тартария. Т. 1–3. Амстердам, 2010).
109. *Bruin C.* Zede-dichten met kunstplaten. P. 555–557.
110. De wereld binnen handbereik. P. 44.
111. Это видно из сохранившегося русского перевода письма купца Кристоффеля Брантса Петру (конец 1717-го или начало 1718 г.): «Вдова бургомистра Витцена объявляет, что ей невозможно никаких ост-индских драгих вещей отдать, понеже бургомистрово наследие по духовной надлежит всем его сродственником, которые по смерти госпожи Витценовой им все надлежит отдать, без которых общего соизволения ничего не может отдать, и к ним генерально хошет писать, и от них уповаает доброй ответ получить» (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 31. Л. 193).

112. Беккер Б.Б. Русские посетители анатомического кабинета...
113. *Driessen-Van het Reve J.J.* De Kunstkamera van Peter de Grote. P. 139.
114. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. С. 79.
115. *Driessen-Van het Reve J.J.* De Kunstkamera van Peter de Grote. P. 155.
116. Петр I и Голландия. С. 222.
117. *Волынский Н.* Подделка в Эрмитаже!
118. *Gool van J.* De Nieuwe Schouburg... Т. I. P. 115.
119. *La Court van der Voort de P.* Byzondere aenmerkingen over het aenleggen van pragtige en gemeene landhuizen, lusthoven, plantagien en aenklevende cieraeden. Leiden, 1737.
120. Jong de E.A. 'Paradisus batavus'. P. 123. Noot 7.
121. Ibid. P. 123, 121.
122. Regionaal Archief Leiden. Nr. 32. Familiearchief De la Court. Дигитальная версия: <http://www.geschiedenisvanzuidholland.nl/geschiedenis/verhalen/archiefstuk/437/brief-aan-pieter-de-la-court-van-der-voort-1721>. В 1721 г. Питер де ла Кур отправил царю четыре ящика с ананасами и инструкции о том, как строить теплицы (*Jong de E.A.* 'Paradisus batavus'. P. 118).
123. См.: [http://www.geschiedenisvanzuidholland.nl/geschiedenis/verhalen/archiefstuk/440/1-landgoed-Illustratie-ananas-\(1737\)](http://www.geschiedenisvanzuidholland.nl/geschiedenis/verhalen/archiefstuk/440/1-landgoed-Illustratie-ananas-(1737)).
124. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 56.
125. *Лебедева И.* Художественное и научное наследие Марии Сибиллы Мериан в Санкт-Петербурге. Доктор Роберт Эрскин, президент Аптекарского приказа, с 1715 г. заведовал петербургской Кунсткамерой и царской библиотекой.
126. РГАДА. Ф. 9, Оп. 1. Д. 11. 1717 г. Л. 76.
127. Архив Петербургского отделения РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 357 (этими сведениями я обязан С.А. Мезину).
128. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 32. Л. 802. См. также: *Каминская А.Г.* Основные этапы жизни и творческого пути Ю.И. Кологривова. С. 138–139. Многочисленные примеры его покупок мы находим в кн.: Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 76–80.
129. *Ван дер Веен Я.* Амстердамский художественный рынок. См. также: *Каминская А.Г.* Приобретение картин в Голландии. С. 36–43.
130. *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I. С. 330, 341.
131. *Houbraken A.* De groote schouburgh... Т. II. P. 240. Автор пишет о контактах Петра с Людольфом Бакхёйzenом (1630–1708), важнейшим в Амстердаме художником-маринистом, изображавшим бурное море, порты и великие события из истории голландского мореплавания. «Великий царь Московии», читаем мы у Хаубракена, не только побывал у этого художника, но и пожелал, чтобы Бакхёйзен в его присутствии изобразил для него разные типы кораблей, и даже сам тем временем нарисовал на бумаге некоторые из них. Не исключено, что Бакхёйзен также дал Петру несколько уроков рисования.

132. В 1737 г. Георг Гзелль и Якоб Штелин составили на немецком языке каталог произведений искусства, приобретенных Петром и находившихся в его дворцах в Петергофе. Этот каталог (*Verzeichnis der sämtlichen Schildereyen <sic> zu Marly und Monplaisir in Peterhoff...*) обнаружила в библиотеке Петербургского отделения РАН (инвентарный номер 170.1.65) голландская исследовательница Йозин Дриссен. См.: *Driessen-Van het Reve J.J.* De Kunstkamera. P. 203 seq.
133. *Hamburger Relations-Courier*. 13. Juli 1717.
134. *Штелин Я.Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1–2. М. 1830. С. 64.
135. *Малиновский К.В.* Коробов // Три века Санкт-Петербурга. Т. I.
136. *Пиляевский В.И.* Иван Кузьмич Коробов (Материалы к изучению творчества) // Архитектурное наследство. Вып. 4. Л.; М., 1953. С. 60.
137. Там же. С. 42. См. также: *Горбатенко С.* Новый Амстердам. С. 142.
138. *Неплюев И.И.* Записки // Сын отечества, 1825. Кн. 21. С. 439.
139. *Gool van J.* De Nieuwe Schouburg. Т. I. P. 301. В книге Т.В. Ильиной и С.В. Римской-Корсаковой об Андрее Матвееве (1984) помещены на с. 46–47 фотографии этих портретов Петра и Екатерины. Сами портреты находились на тот момент в частной коллекции в США.
140. *Ibid.* Т. II. P. 429–430.
141. *Weyerman J.C.* De Levens-beschryvingen der Nederlandsche Konst-schilders... Vol. IV. P. 12–13. То, что Петр, позируя художникам, часто вел себя нетерпеливо и беспокойно, известно и из других источников, например из описания того, как создавал его портрет в 1698 г. английский живописец Годфри Неллер (*Богословский М.М.* Петр I. Т. 2. С. 583).
142. Гистория свейской войны. С. 612.
143. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 82.
144. Портрет петровского времени. Л., 1973.
145. *Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В.* Андрей Матвеев. С. 58.
146. Цит. по: *Дриссен Й.Й.* Царь Петр и его голландские друзья. С. 46.
147. *Gool van J.* De Nieuwe Schouburg... Т. II. P. 181–182.
148. *Ibid.* P. 184–185.
149. *Beer de A.* Henriëtta van Pee.
150. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 58: «на заплату за новой тестамент в Gage».
151. Het Nieuwe Testament, ofte alle boecken des nieuwen verbondts onses Heeren Jesu Christi. Gedrukt door last van Zyn Czaarse Majesteyt Petrus den Eersten, Keyser van Groot en Kleyn Russlandt. Enz. enz. enz.'s Gravenhage, 1717.
152. *Thomson F.* The Slavonic Translation of the Old Testament. P. 691–692.
153. *Arnold Th.J.I.* De «Bijbel van czaar Peter».
154. *Kossmann E.F.* De boekhandel te 's Gravenhage tot het einde van de 18^e eeuw // Bijdragen tot de Geschiedenis van den Nederlandschen Boekhandel. Deel XIII. Amsterdam, 1937. P. 105–111.

155. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого... Часть 2. М., 1830. С. 50.
156. *Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин. С. 5. Автор цитирует Голикова (*Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. V. С. 286–287), но тот сообщает лишь о факте издания Библии на двух языках, а не о заслугах Куракина в этом деле.
157. *Sturm L.Ch.* Le Véritable Vauban, se montrant au lieu du faux Vauban qui a couru jusqu'ici par le monde, et enseignant par le moien d'une arithmétique et d'une géométrie courte et aisée non seulement les règles pour tracer proprement cette manière célèbre de fortifier, mais aussi ses maximes fondamentales... La Haye, 1708. Вторая книга была, вероятно, наставлением королевскому садовнику: *La Quintinie de J.-B.* Instructions pour les jardins fruitiers et potagers. Paris, 1695. Третья — *Fournier F.* Histoire du commerce et de la navigation des anciens. Paris, 1716.
158. *Schijnvoet S.* Kort-bondige zin-spreuken en zeede-lessen. Amsterdam, 1698; *Sweerts H.* Koddige en ernstige opschriften. Amsterdam, 1700; *Le Roy J.* Brabantia illustrata. Vol. I–III. Leiden, 1705; *Rogissart de A. e.a.* Les Délices de l'Italie. Vol. I–IV. Leiden, 1709.
159. См. описание книжного собрания Петра: Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978. В книге расходов упомянуты «Делиции Гишпаний» (Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 31).
160. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 77. Вероятно, речь идет о книге: *Merian M.S.* Der rupsen begin, voedzel en wonderbaare verandering... Amsterdam, 1713–1717. Правда, это издание насчитывает не два, а три тома.
161. РГАДА. Ф. 9, Оп. 1. Д. 11. 1717 г. Л. 19об.
162. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1954. С. 6–11.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В ГОЛЛАНДИИ: декабрь 1716 – апрель 1717

ОКАЗАННЫЙ ПЕТРУ ПРИЕМ

После того как датчане не захотели участвовать в совместной русско-датско-английской высадке на территории Швеции и операцию пришлось отменить, царь 6 (17) октября 1716 г. написал из Копенгагена своему послу в Гаагу:

«Господин подполковник! Понеже здешние господа обыкновенным своим медлением все дело опъравергли, того ради я, не имея дела более здес, буду в Голандию, о чем ежели уведают Статы [Генеральные штаты], то проси, дабы без всякой церемонии мой туды приезд был»¹.

22 ноября (3 декабря) князю Куракину было послано из Альте-нау еще одно письмо, с повелением попросить у Генеральных штатов лошадей и почетного эскорта от голландской границы:

«Сиятельный, Нам любезноверный! Мы на сих днях намерены отсюды поход свой восприять в Галандию прямым сухим путем, чрез Бремен или Ген² до Деветера [Девентер], или Швола [Зволле], а подставы для Нас и Нашей свиты от Гановерскаго правительства в Бремene будут поставлены до Лангенских границ, а чрез Лангенскую землю будут Прусские до самых Галанских границ, и вам надлежит старатца исходатайствовать у Господ Стат, чтоб от тово места, где Галанския границы начнутца, по дороге в Линген³ чрез Галанскую землю лошади были розставлены, и ежели от Деветера или Шпола каналами до Амстердама итьти возможно, то б потребное число яхт и трекшетов и иных судов для людей и корет и возов свиты Нашей в тех местах приготовить, також дабы где потребно для безопасного проезде Нашего и эскорт определен был, и можете вы кого от себя к нам встрече в Линген послать, дабы мы известны были, каким трактом подставы для Нас в галанской земле розставлены, и которою дорогою Нам ехать, а поскольку подвод для Нас и Нашей свиты потребно, тому прилагается при сем роспись»⁴.

Неделю спустя посол ответил, что Генеральные штаты готовы дать и лошадей, и эскорт с тем, однако, чтобы платил за лошадей сам царь:

«При сем доношу Вашему величеству, что Статы указами своими повелят быть в тех поставках подданным своим с лошадьми готовыми, но за провоз оных имеет быть заплата от Вашего Величества, за всякую лошадь считаючи почему на час. Того для я желал ведать, как учинено дело другим потентатом, в приезде их сюды. И как король ишпанской, нынешней цесарь, так король пруской, и нынешней король аглинской, все платили подданным их от себя. И о сем донесши, оставляю в волю вашего Величества. А чтоб сие отправилось безо всякой конфузии, покорнейше доношу, чтоб указал Ваше Величество кому ехать за день, пред пришествием Вашего Величества, и на всякой подставе о заплате с подводчиками определять для того, что народ вольной, опасаясь, чтоб без заплаты поехали. Но я по моей повинности буду стараться, чтоб Господа Статы ту заплату на себя переняли, и ежели у них такого примеру прежде не бывало, то сомневаюсь»⁵.

Впрочем, очень скоро Куракин сообщил своему государю, что принимающая сторона все-таки согласна взять на себя и расходы на лошадей:

«Вчерашняго числа чрез отправленного куриера от 28го ноября доносил я, что по подставам за лошадей в проезде обыкновенно все платят, но сего дня говорил я о том с некоторыми и депутатов тех провинций, в которые будут подставы с лошадьми, и сказали мне, что де Царское величество указал по подставам для потешения подводчиков пожаловать несколько дринкгельту [*гаевых*], и тем де будут довольствоваться»⁶.

Из расходной книги Петра видно, что за четыре лошади между Девентером и Амерсфортом было уплачено 26 гульденов 8 стюйверов⁷.

10 декабря Генеральные штаты постановили предоставить «Его Царскому Величеству» эскорт на всей территории страны, состоящий каждый раз из 24 рейтаров под командованием унтер-офицера, набранных из расквартированных поблизости полков. На провинцию Оверейссел приходилось четыре сменявших друг друга эскорта, на Гелдерланд два (один в городе Апелдорн, другой в Вортхейзене), на провинцию Утрехт два (в Амерсфорте и на полпути в Нарден) и собственно в Голландии один, в Нардене⁸.

После посещения Петром Амерсфорта оттуда были поданы Генеральным штатам счета за то, что при проезде «великого царя Московского» через город и округу повсюду звонили в колокола Большой церкви (по 3,2 гульдена) и Малой церкви (тоже по 3,2 гульдена).

А также счет за «предоставление лошадей к услугам Его Царского Величества при его проезде через этот город». Всего было выделено 70 лошадей. За визитом последовала длительная переписка по поводу неоплаченных счетов. Еще 24 июня 1717 г. город Амерсфорт в обращении к Генеральным штатам указывал на свои «чрезвычайные усилия, приложенные для снабжения Его Царского Величества и его свиты лошадьми», и настойчиво просил поскорее уплатить всем, кому следовало, чтобы «мы могли освободиться от этого неудобного положения»⁹. Также в Утрехте жаловались на «неоплату лошадей и иных необходимых расходов, связанных с перевозкой Его Царского Величества», а равно и за «стрельбу из пушки и другие подобающие почести». Денег за свои услуги ждали не только церковные сторожа, звонившие в колокола, но и секретари муниципалитетов, ведь они «день и ночь рыскали, дабы в своем округе получить лошадей».

Приезд властителя России вызвал, разумеется, огромный интерес местной прессы. Когда-то Петр работал на верфях Зандама и Амстердама как скромный плотник, ученик голландских мастеров, ныне же в гости ждали героя Полтавы, победителя шведского короля, с которым русский царь, быть может, уже скоро заключит выгодный мир. Газета «*Амстердамсе Курант*» 12 декабря сообщила:

«Князь Куракин, чрезвычайный посол царя Великой России, получил позавчера известие, что Его Царское Величество готовился отбыть из Гамбурга в Голландию, с повелением просить у Высокомочных [Генеральных штатов] эскорт из рейтаров на границах сего государства. Упомянутый посол отослал вечером к Его Царскому Величеству курьера и отправляется завтра встречать Его Величество».

В своем предпоследнем номере за 1716 г. «*Онрехте Харлемсе Курант*» добавила к этому, что встречать царя посол будет за Девентером. Еще более осведомленной показала себя амстердамская «*Эйропише Меркюриус*»: в ноябре она написала, что на переговорах с глазу на глаз с королем Пруссии в Хафельберге русский монарх известил своего собеседника о намерении побывать в Голландии и вернуться через два-три месяца в Германию, в мекленбургский Шверин¹⁰.

Пристально следили за переездами Петра и иностранные газеты. Согласно франкоязычной «*Релясьон Веритабль*» от 8 декабря (она издавалась в Брюсселе, в Австрийских Нидерландах), царь покинул «при троекратном залпе крепостных пушек, отправившись в Голландию, откуда он, как говорят, возвратится в Альтону [город около Гамбурга] через четыре недели, а когда царица разрешится от бремени, он заедет в Москву». В «*Антверпсе Пост-Тейдинге*», выхо-

дившей в Антверпене на нидерландском языке, в номере за 22 декабря мы читаем:

«Царя Московского ожидают здесь [в Гааге] через 2–3 дня, и в апартаментах князя Куракина, где он остановится, проведены необходимые приготовления к его встрече. Говорят, что во время пребывания сего государя речь будет идти о заключении мира на Севере».

Отсюда видно, что точного плана поездок гостя из России никто не знал. Его визит в Голландию считался лишь кратковременным. По мнению немецких газет, второе заграничное путешествие Петра было путешествием в Германию для лечения на водах¹¹. Газета «Хамбургер Реляционс-Куир» 7 апреля и 10 ноября 1716 г. ссылалась на слова русских в Париже, утверждавших, будто их государь намерен провести зиму во Франции, «дабы осмотреть все морские порты этой державы», а затем даже «отплыть из Тулона в Барселону, чтобы объехать также Испанию, вернуться через Италию, пересечь Адриатическое море и через Венгрию и Польшу вновь прибыть в свою страну»¹².

В отличие от «Великого посольства» 1697–1698 гг. второе путешествие Петра на Запад освещалось в немецкой прессе намного более позитивно, хотя и на этот раз не обошлось без сарказма: «Были ли сей необычный и затянувшийся визит господам голландцам столь же мил и приятен, как тот другой, угадать было невозможно, — писал некий К.Г. Хоффманн в лейпцигской газете *“Oйрпейше Фамма”*, — а еще менее было слышно, чтобы они Его Царское Величество при его отъезде просили как можно скорее в Голландию возвратиться»¹³.

Сразу после того, как Петр покинул Германию, фактический правитель Голландии великий пенсионарий Хейнсийс получил из Берлина донесение с пикантными подробностями о пребывании его будущего гостя в Альтоне:

«...Не в состоянии противиться очарованию дочери одного лютеранского пастора и не сумев тронуть ее своими ухаживаниями, царь осыпал ее дорогими подарками и даже присвоил ей титул графини, чтобы только она его послушала»¹⁴.

Едва посол Куракин известил Хейнсийса о предстоящем визите, тот, в свою очередь, написал об этом в начале ноября члену городской управы Амстердама Маттё Лестевенону (1674–1743) и голландскому послу в Дании Роберту Гусу (1652/1653–1724)¹⁵. На слова Хейнсийса (в письме от 10 октября 1716 г.), что «такой мудрый и рассудительный государь, как царь <....> ничего не делает без причины»¹⁶, Гус 14 ноября откликнулся скептически:

«О его намерениях можно только гадать, поскольку при его дворе всё держат в секрете». Так, датский король, продолжал Гус, не получил точных сведений о том, когда и по какому маршруту гость из России проехал Гольштейн, а «король Англии, как и курфюрст Ганноверский, приведен в крайнее смущение действиями и замыслами царя». «Когда он отсюда [из Копенгагена] уезжал, он, как казалось, явно давал понять, что направится в Голландию. Его министры говорили об этой поездке без всякой определенности. Насколько же уверенно можно судить о замыслах сего государя...?»¹⁷

Очевидно, Петр и сам не был уверен в своих планах или хотел, чтобы дело выглядело так. Например, 2 апреля 1717 г. он даст знать своему вице-канцлеру Шафирову:

«Что же пишете, куда вам приезжать, и приезжайте во Фландрию, ибо чаю и праздник [Пасху] тут взять. Намерение мое есть во Францию. Однакож посмотрю, когда буду идти из канала Мардикского»¹⁸.

А 22 апреля газета «*Амстердамсе Курант*» поместила сообщение из Парижа о том, что там пребывают в сомнениях, приедет ли высокий гость в этот город, «ибо получено было известие, что его любопытство обычно ограничивается осмотром морских портов и потому он через Дюнкерк и Мардик проследует в Кале и что он еще не принял твердого решения, приедет он сюда или нет». Французский посол в Гааге маркиз де Шатонёф знал о разногласиях в окружении Петра относительно визита во Францию и 10 апреля доносил в Париж:

«Г-н Шафиров всегда был против поездки царя во Францию и все еще намерен предпринять последнюю попытку его отговорить, приводя тот резон, что король не вступит с царем в союз. И что, однако, все будут думать, что царь поехал во Францию для заключения союза с королем. И что это умалило бы достоинство царя...»¹⁹

Британский посол в Гааге тоже мог лишь догадываться о замыслах августейшего путешественника. 25 декабря он написал в Лондон: «Царь по-прежнему в Амстердаме, и полагают, что он оставил намерение поехать во Францию»²⁰. 5 января 1717 г.: «Есть мнение, что его вояж во Францию полностью отменен»²¹. 16 апреля, располагая сведениями более подробными, британский посол доложил, что Петр собирается провести три недели в Ахене, и не без тревоги добавил: «Некоторые думают, что эта поездка включает в себе нечто большее, нежели простое желание поправить здоровье на водах»²². Немногим лучше была информирована газета «*Антверпсе Пост-Тейдингс*». 6 апреля: «В минувший вторник царь отбыл из

Роттердама, после чего он посетит некоторые другие города Голландии и Зеландии, и идут разговоры о том, что заедет также во Фландрию и Брабант [в Австрийских Нидерландах], с тем чтобы в мае попользоваться водами в Ахене».

Но вернемся к приезду Петра в Голландию. В «*Резолюциях*» Генеральных штатов есть упоминание о визите посла Куракина к «господину ван Хёкелому», дабы тот осведомил Генеральные штаты о намерении Петра посетить Республику Соединенных Провинций. А в «*Резолюциях*» провинциальных штатов Голландии и Западной Фрисландии можно найти постановление от 26 ноября 1716 г. о том, чтобы «Его Царское

Величество приветствовать, встречать и оказать ему всякого рода почести и учтивость»²³. Генеральные штаты попросили Куракина передать: «Прибытие Его Царского Величества в нашу страну будет Высокомочным приятно»²⁴.

Была образована комиссия, которой предстояло организовать встречу высокого гостя и его сопровождение. В комиссию вошли депутат Генеральных штатов Арнольд Йост ван Кеппел, он же граф Албемарль (1670—1718)²⁵, бургомистр города Дордрехт Хьюго Репелар (1676—1727) и бургомистр Амстердама Геррит Хендрикзон Хофт (1649—1717)²⁶. Бывшему бургомистру Амстердама, старому другу русского государя Николасу Витсену, по словам его биографа, очень хотелось, чтобы городские власти «вновь воспользовались бы его личным знакомством с царем и излюбленными представлениями последнего». Однако новому бургомистру это, похоже, совсем не нужно было, тем более что на этот раз Петр прибыл не для постройки судов, как в прошлый свой приезд, и без старика Витсена вполне можно было обойтись²⁷.

27 ноября власти города Алкмар послали Хейнсию протест в связи с тем, что в состав комиссии включили члена городской управы Алкмара Яна Лодевейка ван Кинсхота (1664–1725), кото-

Питер Схенк. Портрет графа Албемарла

рый, однако, в тот год должности бургомистра не занимал²⁸. Письмо с требованием заменить его правящим бургомистром города было выдержано в тоне самом решительном, но успеха не имело: Ян Лодевейк ван Кинсхот в комиссии остался.

В официальном путевом дневнике Петра его отъезд из Германии и прибытие в Голландию описаны так:

«После обеда ехал 4 мили и прибыл против 29-го числа в город Бремен, где того города магистрат zelo радостно и ласково его величество принял и встречали с великою церемониею и стрельбою пушечною и из мелкого ружья (и многия в городе говорили про его царское величество, что сей наш избавитель прибыл к нам). И хотя они всеми мерами тщились его царское величество веселить фейерверком <так> и протчими забавами, однакож его величество поспешил в Галандию и поутру 29-го числа на россвете паки поехал и прибыл на границу галанскую. И тут против 30-го числа в деревне начевал и того ж числа к ночи </> прибыл в Девентер, галанской город, которой в Фрисланской провинции </> первой. И тут декабря на 1 число ночевал за городом»²⁹.

Не говоря уже о том, что Девентер находится не во Фрисландии, а в провинции Оверейссел, странно, что официальный путевой дневник датирует приезд Петра в Девентер 30 ноября (11 декабря), тогда как в «*Походном журнале*» говорится о 3 (14) декабря. 13-го по новому стилю царь ночевал в городке Гор, и это согласуется с датировками в письме, которое комиссия, назначенная для его встречи, послала 15 декабря Хейнсиюсу. В письме сообщается, что царь утром отбыл из Девентера в Нарден и что князь Куракин попросил направить туда шесть яхт³⁰. Путешествовать из Нардена в Амстердам предстояло по воде, по тогдашнему заливу Зейдерзе.

В Городском архиве в Девентере можно найти постановление местного муниципалитета от 13 декабря о том, как встречать Его Царское Величество, когда он «будет проезжать через этот город». Слово «проезжать (passeren)» означает, что в Девентере монарх не останавливался. Поэтому-то в архиве не обнаружено никаких указаний на какие-либо расходы городской управы в этой связи³¹. В Национальном архиве в Гааге хранится письмо, посланное 16 декабря из Нардена. В нем Хейнсиюсу докладывают, что царь двумя днями раньше приехал в Девентер, однако переночевал не там, а за городом, на постоялом дворе, куда его и явились приветствовать городские власти³².

В путевом дневнике Петра мы читаем:

«И потом пока поехал и прибыл в Амсфорт [Амерсфорт] 2-го числа к ночи, где встретил его величество посол князь Куракин, резидент Христофор Брант <так> с прочими. И в Амсфорте его величество начевал и 3-го числа тут обедал, потом ехал на Утрехт»³³.

Согласно «*Походному журналу*», из Девентера Петр проследовал в Ло (Het Loo), затем через Амерсфорт в Нарден, а оттуда в Амстердам. В Нарден были направлены шесть яхт — «ожидать прибытия Его Царского Величества»³⁴.

Вот как описано в путевом дневнике прибытие в крупнейший город страны:

«И декабря в 6 день его величество прибыл в Амстердам с малыми людьми свиты своей, а в 7 день приехали в Амстердам министры его величества и генералитет, и имянно: министры канцлер граф Головкин, подканцлер барон Шафиров, тайной советник Петр Толстой, генералы-порутчики князь Василей Долгорукой, Иван Бутурлин, чрезвычайной посол, бывшей тогда при Генеральных Статах, князь Куракин и протчие дому его царского величества служители»³⁵.

Комиссия, которую обо всех передвижениях гостя информировал агент царя Йоханнес ван ден Бюрг, со своей стороны, доложила Хейнсиусу 17 декабря, что властитель России около четырех часов въехал в Амстердам «частным образом», т.е. без официальной встречи, и поселился в доме Кристоффеля Брантса. Через ван ден Бюрга посол Куракин передал в Гаагу: его государь надеется, что депутаты от Генеральных штатов придут его официально приветствовать на следующее утро в половине десятого³⁶.

В записках современника, жителя Зандама Яна Корнелисзона Номена, которые здесь цитируются в опубликованном в 1904 г. русском переводе, развитие событий изложено так:

«Господа штаты Голландии и Фрисландии, получив достоверное известие, что его царское величество намерен посетить наше государство и, между прочим, Гагу <так!>, выбрали из своей среды четырех депутатов для встречи и приветствия царя в Дефентере. Однакоже, его величество прибыл 17-го декабря в Амстердам, где его и приветствовали эти депутаты с бургомистрами города, причем они ему предложили остановиться со своей свитой в городском дулене [Kolveniersdoelen, Двор гильдии аркебузирв]. Но он держал себя так же просто, как и 19 лет тому назад, когда он был здесь плотником, и остановился в доме г. Брандта [Брантса]»³⁷.

Двор гильдии аркебузирв в центре Амстердама служил некогда стрельбищем, но с тех пор как амстердамские стрелки утратили в середине XVII в. свое значение для обороны города, их великолепную усадьбу стали использовать для приемов и банкетов, а также как покои для высокопоставленных гостей. Однако Петр отверг предложенное ему жилье и остановился у своего агента Осипа Соловьева. По словам Номена, царь потом отобедал в доме Кристоффеля Брантса, «имевшего большия торговья дела в Москве».

У Брантса «его и его свиту прекрасно угощали». Но вначале Петр так долго и оживленно с другими гостями разговаривал, что все присутствующие сильно проголодались, и хозяин дома вынужден был, собравшись с духом, спросить Его Величество, можно ли начинать обед. Как пишет Номен, царь мало заботился о дипломатическом этикете: «Некоторые господа говорили с ним с изысканною вежливостью, и он заметил: будем лучше говорить как плотники»³⁸.

Своей первой встречей с Петром Алексеевичем члены комиссии, судя по их донесению великому пенсионарию Хейнсиюсу, остались довольны: «После того как мы получили у Его Царского Величества аудиенцию и были им приглашены на обед, мы были приняты им пополудни самым учтивым образом»³⁹. 18 декабря они же сообщили Хейнсиюсу о переданном им Куракиным пожелании царя, чтобы при приеме им депутатов от Генеральных штатов был произведен пушечный залп, что и было осуществлено, и депутаты произнесли положенное приветствие, на которое монарх отвечал со всей любезностью и учтивостью⁴⁰.

Из официального путевого дневника Петра, с искажением многих имен голландских сановников:

«По прибытии его царского величества в Амстердам от Генеральных Статов присланы к его величеству с поздравлением о пришествии к ним его величество от шляхетства генерал от войск галанских граф Албемарло, да магистрату амстердамского президент Гоп и еще при них два человека, Лепелар, Коншот, секретарь тех депутатов фон Эк, из бургомистров, которые во всю бытность его царского величества были тамо депутатами»⁴¹.

АМСТЕРДАМ

В «*Походном журнале*» содержится краткий отчет о том, как прошел день 20 декабря: «Его величество был в Ратуше, и был в цегоусе [цейхгаузе] и куншткаморе с Штадами [Штатами], и на башне»⁴². В тот же день члены комиссии доложили великому пенсионарию, что имели счастье сопровождать высокого гостя при осмотре им амстердамской ратуши⁴³. Ратуша несомненно произвела на Петра должное впечатление. Великий герцог Тосканский Козимо III Медичи за полвека до него посещал это здание дважды и назвал его «изумительным по своим размерам и архитектуре»⁴⁴. В XVII в. подобных монументальных сооружений в Голландии еще не строили, поэтому ратушу воспринимали как восьмое чудо света. Такое же восхищение сквозит в отзыве царского посла Куракина: «Ратуша, которая сделана вся из камня белаго, и великая и в ней резные штуки так, которая в свете первая считается»⁴⁵.

Ратуша была не только местом заседаний городской управы, но и воплощала в себе политические притязания города. Возведена она была после заключения Вестфальского мира (1648), по которому Республика Соединенных Провинций получила международно-правовое признание в качестве независимого государства. Ожидалось, что мир принесет амстердамской торговле невиданный прежде расцвет, и потому город заявлял о себе не просто как о торговом центре, а как о центре мироздания. Иконографическая программа оформления интерьеров ратуши выражала представление об Амстердаме как центре вселенной, с изображением карт мира и звездного неба, аллегориями четырех природных стихий и богов-символов известных в то время планет. «Все созданное Богом было как бы собрано воедино в этом городе. <...> Амстердам был центром Божьего творения, пупом Земли»⁴⁶.

Кунсткамера, упомянутая в «Походном журнале», была обустроена в ратуше значительно позже постройки здания, только в 1699 г. А «башня», на которую взбирался Петр, — это, возможно, Схрейерсторен на набережной Гелдерскаде, одна из оборонительных башен, составлявших часть городской стены, единственная сохранившаяся в столице Нидерландов до нашего времени. Раньше эта башня называлась Схрайерсхукторен (Schrayershoucktoeren), «Остроугольная башня», поскольку стена образовывала в этом месте острый угол. Но народная этимология связывает ее нынешнее название (Schreierstoren) с глаголом schreien, плакать: у этой башни на пристани женщины, рыдая, прощались со своими мужьями, отплывавшими за море на судах Ост-Индской компании. Отсюда в 1609 г. пустился в плавание, к примеру, Генри Гудзон, точнее Хадсон, который в поисках кратчайшего пути в Азию обследовал восточное побережье Северной Америки. Конечно, не исключено, что Петр поднялся не на эту башню, а на Монтелбансторен, тоже стоявшую у самой воды и притом близ Арсенала (сегодня Музей мореплавания), который гость из России тоже посетил. Однако Монтелбансторен, с ее колоколами и курантами, служила не для обороны, а скорее для украшения, так что в военном отношении башня Схрейерсторен была для Петра гораздо интересней⁴⁷.

Городские власти, как пишет амстердамский историк-краевед XVIII в. Ян Вагенар, устроили для Его Величества 21 декабря дневной прием в театре и что-то вроде второго завтрака⁴⁸. Согласно газете «Эйрописе Меркюриус», «в понедельник 21-го досточтимый магистрат угостил его в театре подобающей закуской»⁴⁹, т.е. неким холодным блюдом. Из книги Якобия Схелтемы мы узнаем любопытные подробности. В театре давали трагедию Йоста ван ден Вондела «Гейсбрехт Амстердамский». Учивостью отцов города Петр остался доволен, однако с куда большим энтузиазмом принял их

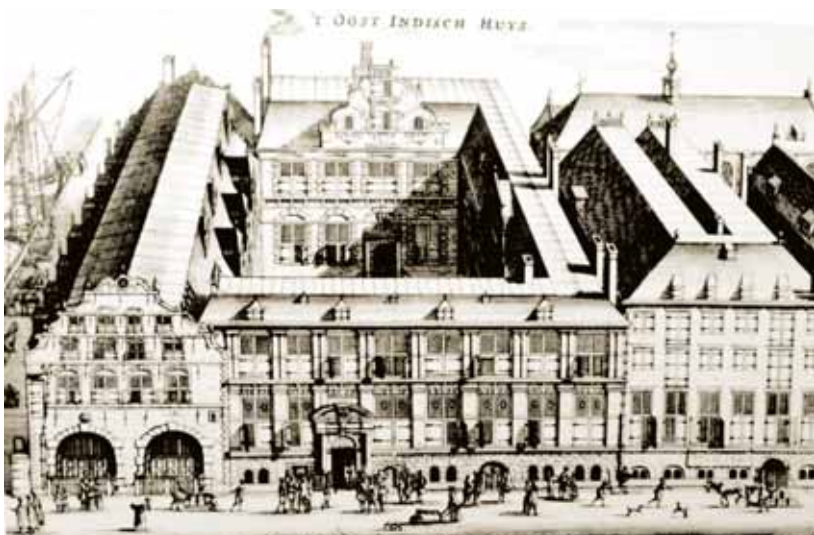
предложение сопровождать его на следующий день «на верфи Адмиралтейства и Ост-Индской компании»⁵⁰.

В составленном позднее официальном путевом дневнике визит в театр не упомянут, как, кстати, в дальнейшем и присутствие Петра на представлении трагедии Корнелия в Маастрихте. Русских гостей это, очевидно, мало впечатлило. В «Походном журнале», который вели в ходе поездки, есть запись от 21 декабря о том, что государь «был в комедии арлекин»⁵¹. Речь могла идти о каком-нибудь фарсе или комедии масок, но никак не о трагедии Вондела. Да и трудно себе представить, чтобы Петр понимал богатый литературный язык великого голландского поэта. О том, насколько царь вообще владел нидерландским, мнения расходятся. Во всяком случае, голландский путешественник Корнелис де Бруин, точнее де Брёйн, встречавший его в России, вспоминал:

«Все это государь высказал по-голландски и пожелал, чтобы я и дальше говорил с ним на этом языке, ведь он заверил, что очень хорошо меня понимает. Чему он и дал полное подтверждение, когда слова мои пересказал русским господам из его свиты с такой точностью, что присутствовавшие там резидент и другие голландские господа не могли этому надивиться»⁵².

Трагедию «*Гейсбрехт Амстердамский*» Вондела впервые поставили в 1637 г. по случаю открытия в Амстердаме первого постоянного театра. Действие происходит в этом же городе около 1300 г.: его осаждают жители окрестных деревень, подозревающие Гейсбрехта в причастности к похищению и убийству графа Голландии Флориса V. После тяжелых боев Гейсбрехту ничего не остается, как вместе с женой и детьми отправиться в изгнание. Пример смирения и упования на Бога в трудные времена, образ главного героя должен был напомнить публике XVII в. недавнюю войну с испанцами за независимость с осадами городов и стойкостью голландцев-кальвинистов. В финале пьесы архангел Рафаил предрекает Амстердаму процветание и могущество. В предисловии Вондел восхваляет «мудрое правление нынешних бургомистров, которые общее благо ставят выше собственного и не стремятся ни к какой войне, кроме той, которая ведется ради мира».

Видимо ради этих похвал амстердамским властям отцы города и привели царя Петра на трагедию о Гейсбрехте. С XVII в. вплоть до XX-го ее ставили в амстердамском театре ежегодно, под Новый год. Сменялись эпохи, пишет восторженно специалист по сценической истории этой пьесы Бен Альбах, театр освещали сначала свечи, потом газовые лампы и, наконец, электричество; зрители подъезжали в каретах и портшезах, позднее в экипажах более современных, в автомобилях... «Самые разные знаменитости видели на под-

*Якоб ван Мейрс. Ост-Индский дом.
Гравюра. 1662*

мостках этого амстердамского героя: от Петра Великого до королевской семьи в наши дни»⁵³.

22 декабря царю по его просьбе, как докладывали Хейнсиусу члены комиссии, предоставили возможность осмотреть Ост-Индский дом, а после обеда ковроткацкую мануфактуру. Хотя в тот день Петру было угодно выйти в свет «частным образом», принимали его повсюду со всей любезностью, и это, как отметила комиссия, Его Величеству чрезвычайно понравилось⁵⁴.

Ост-Индский дом в центре Амстердама был штаб-квартирой одноименной компании, крупнейшего транснационального предприятия той эпохи. Здесь заседала ее главная дирекция, здесь нанимали моряков и иных служащих, здесь же хранили архивы и карты. Купив в 1661 г. остров Остенбюрг, Ост-Индская компания оборудовала там огромную лесопилку и 500-метровое устройство для плетения канатов. У воды выросли три больших стапеля для строительства судов. Особенное впечатление производил пятиэтажный склад компании, длиной в 177 метров, где хранили ценные товары из Азии. Внизу была мясобойня, в одном из чердачных помещений — парусная мастерская. Позади склада располагались другие мастерские и ангары. Поблизости от верфи, в просторном служебном доме, жил управляющий. Неподалеку поселили и плотников, куз-

нецов, изготовителей парусов и прочих работников, общим числом более тысячи человек.

В середине XVII в. на тот же остров Остенбюрг и соседний Каттенбюрг⁵⁵ перенесли верфи Адмиралтейства. В адмиралтейском арсенале лежали колоссальные запасы корабельного леса, канатов, парусов, якорей, пушек, всякого рода ружей, фонарей, компасов и песочных часов. Нет сомнений, что великий «мореплаватель и плотник» мог тут поистине отвести душу. Под 13 (24) декабря «Походный журнал» сообщает: «Его величество был во Адмиралтействе и кушал у Галанца [голландца] Вилима»⁵⁶. Это, несомненно, Якоб де Вилде, генеральный приемщик Адмиралтейства, владелец впечатляющего собрания картин, античных монет и т.п.

Ост-Индский дом был одной из важнейших достопримечательностей Амстердама. Путешественников поражали запасы экзотических товаров, свидетельствовавшие о несметных богатствах компании, но не меньший интерес вызывала и коллекция привезенного из далеких краев туземного оружия: копья, щиты. В Большом зале, где заседала дирекция, приковывали к себе взгляд развешанные по стенам карты и картины, изображавшие заморские территории. Иностранцы дивились голландской предприимчивости и умению торговать⁵⁷.

Ян Корнелизон Номен рассказал в своих записках о встрече Петра на верфи Ост-Индской компании с женой мастера Питера Поля, которого царь знал еще с тех пор, как сам учился в Амстердаме строить корабли:

«Точно так же как 19 лет тому назад, он и на этот раз осматривал магазины и верфи, принадлежавшие государству и Ост-Индской компании. Когда он пришел на верфь, его увидела жена старшего мастера Поля; она побежала к нему на встречу *<так!>* и сказала: “добро пожаловать, мастер Питер!”. На это он ответил: “откуда ты меня знаешь?” Она возразила: “мейнер [сударь], 19 лет тому назад вы часто бывали в нашем доме и обедали за нашим столом; ведь я жена мастера Поля”. Тогда он обнял и поцеловал ее очень любезно. Затем пришел младший мастер этой верфи и тоже воскликнул: “добро пожаловать, мастер Питер!” Он опять спросил: “откуда ты меня знаешь?” и тот ответил: “19 лет тому назад мы с тобой, вместе с другими, строили здесь корабли”. Тогда он обнял и поцеловал его сердечно. Питер Эйп, плотничий мастер на верфи Бревера в Ост-Зандаме, который тоже в течение нескольких лет состоял на службе у царя в Московии и помогал при постройке кораблей, посетил теперь, в конце декабря 1716 г., его царское величество в Амстердаме и провел с ним более трех часов в дружеской беседе; царь, между прочим, сказал Питеру Эйпу: “надеюсь еще раз побывать в Зандаме, чтобы посетить старика Калфа, т.е. Корнелиса Михильса Калфа, и тогда я тоже буду у вас на вашей верфи и посмотрю корабль, который вы теперь кончаете”»⁵⁸.

Цейхгауз Республики. Гравюра

Поведал Номен и еще об одной встрече на верфи:

«На прошлой неделе царь был в Амстердаме на верфи адмиралтейства у мастера Яна Иелиссона фан Ренена и, между прочим, сказал ему: “дай мне хороший кусок дерева, я вырежу тебе кое-что на память”. Ему дали желаемый кусок дерева, он же начал работать циркулем, топором и долотом и сделал очень хорошенькую маленькую яхту, которой восхищались все, кто имел случай ее видеть».

Так что посреди официальных визитов и приемов дипломатов Петр находил еще время для своего любимого хобби: вытачивания деревянных вещиц.

«На прощанье он обнял мастера, поцеловал его и подарил ему 11 серебряных монет с изображением его царского величества; кроме того, он сделал ему еще какой-то большой подарок, ценность которого мастер не желал сообщить»⁵⁹.

Другим старым знакомым Петра был Ян ван дер Хейден (1637–1712). Человека, который еще в 1672 г. представил публике придуманный им пожарный насос, а в 1690-м вместе с сыном опублико-

вал подробное описание своего изобретения, с многочисленными иллюстрациями собственного изготовления (книга посвящена тогдашнему бургомистру Амстердама Николасу Витсену)⁶⁰, русский государь семь лет спустя не только посетил, но и уговаривал отправиться с ним в Россию. На это изобретатель не пошел («Любовь к отечеству взяла в нем верх», — пишет Схелтема⁶¹), зато продал царю несколько пожарных насосов по цене 385 гульденов каждый. Когда Петр через 20 лет вернулся в Голландию, старика уже не было в живых, но есть данные, что царь побывал у его сына Яна⁶².

Ковроткацкой мануфактурой, которую Петр осмотрел в тот же день 22 декабря, могла быть мастерская фламандца Александра Барта. Немецкий специалист по истории ковроткачества называет ее «ведущей амстердамской мануфактурой начала XVIII в.»⁶³. Барт, уроженец Ауденарде, в нынешней Бельгии, с 1698 г. работал в голландском городе Гауда. У него на родине, в Южных Нидерландах, тогда еще Испанских, а затем Австрийских, изготовителям ковров приходилось все труднее — из-за войн и протекционистской политики Франции, которая защищала интересы основанной в 1664 г. королевской мануфактуры настенных ковров в Бове. В Голландии можно найти немало изделий мастерской Барта. Нет никаких сведений о том, что Петр у Барта что-либо заказал, хотя для строившихся в те годы дворцов в его любимом Петербурге настенных ковров требовалось, конечно, очень много.

Добавим, что под 27 декабря «*Походный журнал*» кратко сообщает еще об одной вещи в Амстердаме, вызвавшей интерес у царственного путешественника: «Его Величество дома слушал часы, и кушал у мещанина Дикермона»⁶⁴. Если имелся в виду карильон — музыкальный инструмент с набором специально настроенных колоколов, соединенных механическим приводом с клавишным механизмом, то недалеко от того места, где Петр остановился, находится башня Мюнтторен с карильоном работы лучших в то время в Голландии литейщиков колоколов братьев Франсуа и Питера Эмони. Они же изготовили карильон на башне ратуши, воспетый самим Вонделом⁶⁵. Впрочем, Петр мог слушать и колокола, которые демонстрировал зашедший к нему торговец ими.

За передвижениями главного противника Швеции внимательно следил в Голландии секретарь шведского посольства Йоаким Фредерик Прейс. Из его регулярных донесений правительству, которые уже в XIX в. были изданы в русском переводе, явствует, что он за гостем из России буквально шпионил. В начале января 1717 г. Прейс передал в Стокгольм:

«В ожидании он убивает время, занимаясь разными наблюдениями, преимущественно над всем тем, что относится к кораблестроению. Что касается до его личности, то он носит черный поно-

шенный кафтан, сверх кафтана надет кортик (охотничий нож). Парика он не носит, а собственные, черные, лоснящиеся волосы гладко причесаны и без пудры. На голове простая русская шапка».

11 января Прейс написал другому шведскому дипломату, барону Гёртцу, в Париж: «Его визит начинается уж прискучивать. Что же будет месяца через два!»⁶⁶

БОЛЕЗНЬ ЦАРЯ

Как «*Походный журнал*», так и более поздний официальный путевой дневник упоминают о том, что вскоре после Рождества 1716 г. государь заболел⁶⁷. Современник тех событий Ян Корнелизон Номен в своих записках объясняет дело так:

«После этого он был на несколько недель сражен болезнью и недомоганием. Некоторые приписывают это тому, что он заходил в несколько недозволенных гаваней; другие говорят, что слишком много выпил, третьи считают, что дело и в том, и в другом. Сам я высказываться об этом не буду, так как достоверных сведений не имею»⁶⁸.

В старом русском переводе записок Номена приводимые им предположения сильно смягчены:

«Затем он несколько дней был болен. Одни говорят, что он побывал, где не следует, другие же, что он лишнее выпил...»⁶⁹

Комментируя эти строки Номена, Схелтема ограничивается следующим суждением:

«...Болезнь, приписываемая причинам, которые, если соответствуют действительности, могли бы служить доказательством справедливости его жалоб, *это ему трудно было самого себя обтесать*»⁷⁰.

По поводу возможной встречи между Петром и британским королем Георгом I французский посол в Гааге маркиз де Шатонёф сообщил в Париж:

«Увидятся ли эти два государя, еще неясно. Царь, вероятно, будет не в состоянии из-за геморроидальных шишек, которые вызваны двумя случаями чрезмерной неводержности, последовавшими почти один за другим...»⁷¹

5 января британский посол доложил в Лондон:

«Царю нездоровилось последние три или четыре дня. Полагают, что недугу этому способствовали известия о разрушении недавним штормом мола в Ревеле и то, что его идея занять в Амстердаме денег едва ли осуществится»⁷².

Гораздо более позитивное объяснение болезни Петра мы находим в хранящемся в архиве Петербургского отделения РАН письме амстердамского издателя Луи Ренара (1678–1746), который по поручению царя покупал для него книги и помогал советами послу Куракину⁷³. 7 февраля 1716 г., за год до приезда Петра в Республику Соединенных Провинций, Ренар написал по-французски голландскому резиденту в Петербурге Якобу де Би:

«Этот государь потрудился головой за десять и за двадцать лет больше, чем двадцать величайших монархов, которых только знает история, за сто лет. Его Азов, его Петербург, его каналы, его флот, его мануфактуры, его гражданские и военные установления, его переписка со всем светом и еще тысячи дел, которые вы знаете лучше, чем я, и которые изнуряют дух и тело, – вот источники его болезни»⁷⁴.

ПЕРВЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ РУССКИЙ

В декабре 1716-го амстердамская «*Эйрописе Меркюриус*» поместила несколько строк о первых неделях пребывания «московского царя» в Голландии. Помимо того, что мы уже знаем из других источников, есть в газете и любопытные подробности:

«Говорили, что он вставал рано утром и в сопровождении всего двух-трех человек, а подчас даже один, ходил по *Амстердаму*. Несмотря на то, что зачастую было еще темно, он в той или иной лавке осматривал какие-либо красивые вещицы. Когда же рассветало, возвращался к себе в апартаменты. Было неясно, как долго этот монарх останется в Амстердаме, однако он, несомненно, хотел подождать здесь царицу, свою супругу, прежде чем отправиться в *Гаагу*. Это даст нам в следующем выпуске “*Меркюриуса*” дальнейший материал для описания»⁷⁵.

Наступил январь 1717 г. — и газета продолжила:

«В конце минувшего года провинцию *Голландию* почтил своим визитом *московский* царь, который своим первым местом пребывания избрал *Амстердам*. О догадках, выдвинутых по поводу появления этого монарха, мы не можем оповещать, предоставляя их времени и продолжениям этого “*Меркюриуса*”»⁷⁶.

И дальше:

«Уже описав кратко в конце нашего предшествующего сообщения прибытие в наши края *московского* царя, обратимся к приезде царицы. Ее Величество, продолжая свое путешествие из *Гамбурга* в Соединенные *Нидерланды*, прибыла в начале января в Везель. Поскольку она была уже на исходе своей беременнос-

ти, то, дабы облегчить ей дальнейшее движение, Высокомочные [Генеральные штаты] прислали ей туда несколько судов. Она вошла на борт яхты господ депутатов, но, пробыв на ней чуть меньше трех часов, почувствовала схватки и вернулась в *Везель*. Там она 13-го пополудни родила царевича, который вечером скончался. В это время Его Царское Величество еще находился в *Амстердаме*, так как заболел, но вскоре поправился»⁷⁷.

Из официального путевого дневника Петра:

«А ее величество государыня царица в то же время изволила иметь свой путь от Шверина до Везеля на Беценбурх, на Линебурх, на Гамбурх, на Нейштат, на Минден, на Эрфорт, на Мильфелд, на Липштат, и прибыла в Везель декабря 30 числа»⁷⁸.

Петр оставил Екатерину в Германии, ведь в ее положении невозможно было ехать так же быстро, как ему, торопившемуся поскорее добраться до Амстердама. Царица следовала за мужем, как об этом подробно извещала пресса. Еще 13 января он из Амстердама написал жене:

«Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здрафьствууй !

Письмо твое я чрез Толстова получил, і хотя ты меня обнадеживаешь, чему і верю і не верю. Дай милостивоі Боже тебе здорово разрешитца от бремене, дабы по милости своей сим наградил мои печали. Я рад бы сам вместо сего письма к вам ехать, і чаял бы застать; но понеже сухим путем ныне не могу, ібо пред несколькими днями чечюй [геморрой] явился; аднакож чаю скоро свободы, і поеду к вам. Дай Боже, чтобы сие письмо вас уже разрешенных застала, чего в олтрации своей і радости дожидаюсь по вься часы.

Петр»⁷⁹.

В том же письме он добавил, что его лейб-медик Эрскин послал в Везель голландского врача⁸⁰. Компетентный врач-специалист был, безусловно, необходим, ведь лейб-медик царицы обладал скорее светскими достоинствами, нежели профессиональными. Йоханн Херман Лесток (1692—1767) был сыном выходца из Франции, который после отмены там Нантского эдикта и возобновившегося преследования гугенотов поселился близ Ганновера. Как бывало в ту эпоху, Лесток трудился то цирюльником, то хирургом. В 1713 г., движимый честолюбием, он поступил на русскую службу. И Петру, и Екатерине он нравился как хорошо воспитанный, а главное веселый собеседник, поэтому они взяли его с собой в заграничное путешествие. Вся карьера Лестока в России связана с авантюрами и интригами. В 1719-м он попал в опалу, предположительно из-за какой-то любовной истории, и был сослан в Казань. Вступив позднее на престол, Екатерина I вернула ему высокое положение,

а при Елизавете он даже пытался играть первую скрипку. В 1741 г. императрица назначила его лейб-медиком и «архиятром», т.е. главным врачом России, ведающим организацией всего медицинского дела в стране. Но семь лет спустя он вновь впал в немилость и отправился в ссылку, откуда его возвратил уже Петр III⁸¹.

15 января царь опять написал жене:

«Зело радосное твое писание вчера чрез Мавѣрина получил, в котором объявляешь, что Господь Бог нас так обрадовал, что і другаго рекрута даравал, за что да будет выну хвала ему і незабвенное благодарение! Сия ведомость вдвое обрадова: первое, о новоражденном, а паче, что вас Господь Бог свободил, отчего і мне стала полутче; ибо от самава Раждества Христова столь долго сидеть не мог, как вчерась. Я сердечно желаю сего нововыежаго гостя видетъ, толко еще несколько дней не могу в дорогу ехать, а особливо сухим путем для трясения; я не знаю, за какую вину сей мой уд страждет⁸², ибо воистину невиновен, разве за другой, которой пов... .. [повинен?] О здешнем писать не имею, толко, как мочно будет, поеду в тебе немедленно. Дай Боже, чтоб вы от всех припратков и натуральной сей болезни свободны были і вас бы застать здоровых»⁸³.

За столь радостную вестъ курьер Семен Маврин, любимый паж Екатерины, которого она в день своей коронации сделает камер-юнкером, получил ни много ни мало тысячу рублей⁸⁴. Однако в следующем своем письме к жене царь в основном жаловался на собственное недомогание:

«Зело мне болезненно, что ты не веришь, что я к тебе пишу: истинно все правѣда, и кончая хотел по двух іли трех днях ехать к вам. Но в ту-же ночь припала лихоратка; і правѣда, два дни крепько держало, но, слава Богу, дохтор розорвал; потом три дни еще была, толко горазда лехче, а сей третей день как вовьсе покинула. Ей, верь Господу Богу, ни малова утаил іли прибавил, но вьсе, как было; і ныне, кроме обыкновенной слабости, ничего нет, для которой в нынешней худой воздух вскоре выгить не чаю. Но ежели даст Бог вам совершенное обলেখченье, то зело желаю вас видетъ здесь; авось могу и вьсьтретить, а без вас скушнохонка; сама знаешь: так блиско живем, а не видимся»⁸⁵.

3 февраля Петр сообщил, что «лихоратка не помянулась более, и ныне обыкновенное безсилье да чечюй, аднакож и оной меншеет»⁸⁶. А еще через неделю пенсионарий Амстердама Виллем Бѣйс (1661–1749) доложил великому пенсионарию Хейнсиюсу:

«Его Царское Величество все еще слаб, но, с другой стороны, уже настолько поправился, что двух докторов из здешнего города, приданных его [Петра] лейб-медику, отпустил, пожаловав им по сто золотых дукатов каждому»⁸⁷.

Впрочем, вернемся к рождению царевича. 4 (15) января Петр официально уведомил о нем своих сенаторов: «Господа Сенат! Объявляю вам, что хозяйка моя, едуци сюда, в Везеле третьего дня принесла мне друга рекрута Павла»⁸⁸. В своих многотомных *«Деяниях Петра Великого»* Голиков цитирует письмо, которое его герой написал князю Голицыну:

«Объявляю вам, что сего месяца 2 дня Хозяйка Моя, не поехав сюда, в Везеле родила солдатченка Павла, о чем прошу уведомить Господ Офицеров и солдат, и рекомандую его Офицерам под команду, а солдатам в братство, которым всем от Меня и нововыезжаго, прошу поклон отдать»⁸⁹.

16 января читатели газеты *«Амстердамсе Курант»* тоже узнали: за два дня до этого «около полудня пришла депеша из Везеля в дом, где остановился царь Великой России, с приятным известием, что супруга Его Царского Величества благополучно разрешилась от бремени царевичем, с чем многие господа Его Величество и поздравили». Примерно такая же информация появилась тогда и в *«Антверпсе Пост-Тейдинге»*, которая неделю спустя, 22 января, вынуждена была добавить:

«Из Амстердама сообщают, что не успел царь Московский получить радостную новость о рождении царицей 13-го в Везеле царевича, как уже пришла печальная весть, что ребенок в тот же день вечером того же дня скоропостижно скончался».

Между тем еще 16 января Петр направил Генеральным штатам такое послание:

«Божиею милостию мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский и прочая, и прочая и прочая. Высокомочным господам статом генерал славных, одновладельческих, вольных, соединенных Недерляндов дружечно поздравляем. Понеже всевышний Бог чрез счастливое освобождение ея величества и любви царицы, нашей любезнейшей супруги от ея имевшаго бремени в 2-й день сего месяца в королевском прусском городе Везеле новорожденным принцем нас и весь наш царский дом обрадовать изволил, — того ради мы сим не токмо вашему высокомочию о том объявить, но и притом наипаче, понеже сей наш принц при границах ваших родился, в восприемники онаго избрать и дружечно просить восхотели. Желание, которое мы всегда имели, с вашим высокомочию до сего времени постоянно имевшую дружбу вяще утвердить, — нам надежду подает, что вы сие за благо и за знак нашея приязни и конфиденции к вам примете. Мы же взаимно не оставим вашему высокомочию при всяком случае все возможные опыты нашей дружбы и истинного к вам имеющего доброжелательства подавать. Впрочем, пребываем. Дан в Амстердаме, генваря 5-го дня 1717 г., государственования нашего 35 году»⁹⁰.

В «Резолюциях» Генеральных штатов упоминается письмо Куракина «с уведомлением о благополучном разрешении от бремени царицы, супруги Его Царского Величества, второго числа этого месяца в прусском городе Везель, вследствие чего у Его Величества родился царевич, и с просьбой к Высокомочным принять одного под свое отеческое покровительство». После обсуждения этой просьбы Генеральные штаты постановили направить Петру поздравления⁹¹. То, что столь простой вопрос понадобилось обсуждать, говорит об отсутствии у депутатов особого энтузиазма и о желании отложить решение. Возможно, Петра это задело, но назревавшему дипломатическому конфликту не дала разгореться неожиданная кончина младенца.

Смерть новорожденного царевича Павла была для отца тяжелым ударом⁹². Старший его сын Алексей Петрович делами державного реформатора интересовался мало, поэтому царь с нетерпением ждал рождения другого преемника, который в отличие от сына Петра от первой жены не был бы воспитан в традиционной московской культуре и не был бы продуктом Руси старой, допетровской. К тому же Петр мечтал о том, чтобы его сын и наследник родился в Амстердаме, став первым голландским русским! «Среди его детей, — пишет Схелтема, — один должен был быть по месту рождения голландцем»⁹³. Но мечта не сбылась.

22 марта голландский резидент в Петербурге Якоб де Би известил Хейнсиуса, что несколькими днями раньше тело усопшего царевича было доставлено из Везеля в столицу для погребения⁹⁴. Только шведский дипломат Прейс, донося еще 19 января в Стокгольм о семейной драме Петра, не удержался от сарказма: «Этому здесь [в Гааге] отчасти рады, так как это избавляет от подарков и других расходов»⁹⁵. В документах самих Генеральных штатов мы подобного цинизма не находим.

Переписка венценосной четы по поводу смерти их ребенка, к сожалению, не сохранилась. Лишь в одном пассаже из письма царя от 12 (23) января сквозит неподдельная боль утраты:

«Письмо твое получил (о чем уже прежде узнал), о незапном случае, которой радость в печаль пременил. Но что ж могу на то ответить, только со многострадальным Иовом, Господь даде, Господь и взял. Яко же годе [угодно] тако и бысть буди имя Господне благословенно отныне и до века»⁹⁶.

В официальном путевом дневнике описание всех этих событий весьма краткое:

«В генваре месяце его величество был в Амстердаме болен, ибо она жестокая лихорадка умножилась с огневицею и продолжилась февраля до 10 числа. Между тем же временем генваря

в 3 день из Везеля от государыни царицы получена ведомость чрез пажа Маврина, что генваря во 2 день ее величество государыню царицу от имевшаго ее бремяни Господь Бог разрешил и даровал их величествам сына царевича Павла, за которую радость было благодарение Богу. Однакож потом на другой день получена другая печальная ведомость, что вышепомянутого новорожденного царевича не стало, к тому ж ея величество была тогда в Везеле зело в слабом состоянии своего здравия. Февраля во 2 день ее величество государыня царица прибыла в Амстердам»⁹⁷.

10 февраля члены комиссии, отвечавшей за встречу высоких гостей из России, донесли Хейнсиусу:

«По просьбе князя Куракина, после того как в прошлое воскресенье были посланы яхты в город Гауда и мы сами позавчера утром направились туда, дабы ожидать там и приветствовать царицу, вчера вечером около шести часов явился сюда [в Амстердам] майор гвардии Его Царского Величества, который привез оному Величеству известие о том, что царица в прошедший понедельник покинула Везель и, по всей видимости, послезавтра будет здесь»⁹⁸.

О приезде Екатерины мы в *«Походном журнале»* под 1 (12) февраля читаем: «Прибыла в Амстердам Государыня Царица Екатерина Алексеевна»⁹⁹. Сопровождали царицу ее придворная дама (и одна из любовниц Петра) Анна Крамер (1694–1770)¹⁰⁰ и лейб-медик Лесток. По сообщению *«Газетт д'Амстердам»*, выходившей на французском языке, «господа депутаты штатов Голландии и Западной Фрисландии отправились приветствовать Ее Величество царицу с благополучным прибытием, и так же поступили господа бургомистры, управляющие этим городом [Амстердамом]».

ГААГА

Приехав в Республику Соединенных Провинций в декабре 1716 г., Петр нанес визит Генеральным штатам только три месяца спустя. Вероятно, он предпочел сначала посетить своих старых знакомых в Амстердаме и Зандаме, соображения же дипломатического этикета и официальные церемонии волновали его мало. В переписке политической элиты Республики ни разочарования, ни недовольства этим не видно. Не исключено, что полный конфуз, а подчас и просто смехотворный визит Петра в Гаагу в 1697 г. (путешествуя в тот раз, как известно, инкогнито, царь наблюдал за официальным приемом его дипломатов Генеральными штатами тайком, из отдельной комнаты, а когда это обнаружилось, он ко всеобщему смущению сбежал, прикрыв лицо париком) оставил по себе

H E T
V E R H E E R L Y K T
N E D E R L A N D
O F
K A B I N E T

V A N
H E D E N D A A G S C H E G E Z I G T E N

Van STEDEN, DORPEN, SLOTEN, ADELICHE HUIZEN,
KERKEN, TORENS, POORTEN; en andere voornaame
STAD- EN LAND- GEBOUWEN, in en omtrent alle de
byzondere VEREENIGDE NEDERLANDSCHE
PROVINCIEËN.

Gedurende de laatste Jaaren door vermaarde Kunsttekenaaren na het
Leven getekend, en op een kunstige manier in 't Koper gebragt.

Dienende tot Opheldering der Beschryvinge van den
T E G E N W O O R D I G E N S T A A T D E R
V E R E E N I G D E N E D E R L A N D E N .

E E R S T E D E E L .

Behelzende H O N D E R D G E Z I G T E N v a n d e G E N E R A L I T E I T S
L A N D E N e n v a n G E L D E R L A N D .

T E A M S T E R D A M ,
By I S A A K T I R I O N , 1745.

Met Privilegie van de Heeren Staaten van Holland.

«Прославленная Голландия».
Альбом гравюр (Амстердам, 1745)

не лучшие воспоминания. Во всяком случае, лишь 14 марта провинциальные штаты Голландии и Западной Фрисландии послали в Амстердам яхты, чтобы доставить царя и царицу с их многочисленной свитой в Гаагу.

18 марта Петр и сопровождавшие его лица покинули Амстердам, на тех же яхтах они между Лейденом и Лейдсендамом переночевали, а 19-го достигли усадьбы Винтервлит близ Ворбюрга. Обустроенная в 1679 г., она в 1710-м перешла в руки Жана (Йоана) Ансельма Тилена. Увы, в XIX в. и дом, и другие постройки будут снесены¹⁰¹. «18-го сего месяца [марта], — написала газета *«Эйрописе Меркюриус»*, — царь и царица перебрались из Амстердама в Гаагу. <...> На следующий день к шести часам вечера Их Величества явились в Винтервлит около деревни Ворбюрг и осмотрели там в действии водяную машину, изобретенную и изготовленную неким Якобом ван Брименом». Тщательный осмотр изобретения продолжался больше часа¹⁰². Согласно газете *«Амстердамсе Курант»*, в усадьбе господина Тилена Его Величество «с большим вниманием и удовольствием осмотрел и обследовал водяное устройство, с помощью которого значительное количество воды посредством небольшого огня можно поднимать и опускать». По мнению специалиста, речь шла предположительно о паровой машине, благодаря которой струи фонтана можно было доводить до определенной высоты, чтобы они красиво смотрелись. Для того времени это было чрезвычайной новинкой, что и побудило Петра завернуть в Винтервлит¹⁰³.

Вечером 19 марта августейшие путешественники добрались до Гааги, где остановились в резиденции своего посла Куракина на улице Ланге Ворхаут. 20-го об их приезде были официально уведомлены Генеральные штаты. Был образован комитет, чтобы «Их Царские Величества от имени и по поручению Высокомочных принять и поприветствовать»¹⁰⁴. Комитет состоял из представителей различных провинций (Голландия, Фрисландия, Гелдерланд, Зеландия, Утрехт, Оверейссел, Гронинген и Оммеланден). Как рассказывает *«Эйрописе Меркюриус»*, депутаты в сопровождении секретаря Генеральных штатов Франсуа Фагела (1659–1746) отправились в каретах к дому, где остановился русский монарх. Когда они вошли в зал, где их ждал царь, барон ван Велдерен произнес изящную речь на нидерландском языке, «приветствуя его и выражая истинную дружбу, которую государство стремилось поддерживать с Его Величеством. На это государь ответил подобными же словами, поблагодарив Высокомочных за их благосклонность и т.д.»¹⁰⁵

После встречи с 76-летним великим пенсионарием Хейнсиусом Петр отбыл к морю, в Схевенинген. Там он ужинал в усадьбе Зоргвлит. На следующий день, 22-го, царь дал аудиенцию иностранным послам, а затем вновь отправился на ужин в ту же усадьбу. Постро-

енная выдающимся поэтом и политиком Якобом Катсом, она с 1675 г. принадлежала камергеру стадхаудера Республики (будущего короля Англии) Хансу Виллему Бентинку и его потомкам. Один из них, юный Виллем Бентинк (1704–1774), и принимал русского гостя. Позднее он украсит Зоргвлит садами и зверинцем, как в Ло, усадьбе стадхаудеров, а впоследствии королей и королев Нидерландов. Виллем Бентинк будет заседать в провинциальных штатах Голландии и Западной Фрисландии. Его волевая, самостоятельная в своих поступках жена Шарлотта Софи ван Алденбюрг после их развода (этот брак по расчету продлится всего семь лет) отправится путешествовать по Европе и произведет яркое впечатление на будущую императрицу Екатерину II, тогда еще 14-летнюю¹⁰⁶.

22 марта Петр, как о том сообщила газета «*Onprechte Харлемсе Курант*», посетил также усадьбу Сион в Делфте, одну из крупнейших и красивейших в тех местах. В 1710 г. ее приобрел член городской управы Роттердама Гейсбрехт ван Хогендорп. Вечером же он с царицей побывал в гаагской Опере и, по сведениям той же газеты, собирался на следующий день, после визита во дворец Тен Бос, где некогда жил покойный стадхаудер, с 1688 г. король Англии Вильгельм III, снова приехать в Оперу.

Какую оперу давали в Гааге 22 марта, установить не удалось, но есть мемуарное свидетельство в стихах полковника Кунрада Дросте (1642–1734), не особенно лестное для властелина России:

«К нам в город Гаагу сам русский царь приехал.
В тот день он в Опере обрел себе утеху.
Я видел там его с царицею-женою
(Что после смерти мужа правила страной).
Пока они внимали тем чудесным звукам,
Он высморкался вдруг — но не в платок, а в руку,
Чтоб вытереть о край царицына наряда;
А выходя порой, пять чарок выпил сряду»¹⁰⁷

Дросте, запечатлевший в своих стихах светскую жизнь тогдашней Гааги, впервые увидел русского царя там еще в 1698 г., во время фейерверка на дворцовом пруду в честь заключенного с Францией Рейсвейкского мира. Дросте вспоминает, что гость прокатился по пруду на лодке. Двадцать лет спустя взору графомана-рифмоплета Петр предстал в ложе гаагской Оперы, «причем он вел себя не совсем так, как в соответствии с хорошим тоном тех времен ожидали от царя»¹⁰⁸. Отсюда и эти стихи.

23 марта, как мы уже знаем, Петр и Екатерина побывали во дворце Тен Бос, построенном в XVII в. После смерти в 1702 г. его владельца, короля Вильгельма III, не оставившего потомства, дворец достался прусскому королю Фридриху-Вильгельму I. 24 марта

Королевский дворец Хонселаарсейк. Гравюра

царь отобедал во дворце Хонселарсдейк, славившимся своими садами с фонтанами и статуями: в первой четверти XVII в. стадхаудер Фредерик Хендрик не пожалел средств, чтобы нанять лучших голландских и французских архитекторов, скульпторов и проектировщиков садов. Когда умер Вильгельм III, этот дворец тоже перешел в руки короля Пруссии. 25-го Петр осмотрел под Гаагой усадьбу городского советника Йоана ван Схёйленбюрга (1675—1735), в прошлом секретаря Вильгельма III, а в будущем управляющего Ост-Индской компанией в Амстердаме.

Из аудиенций иностранным дипломатам и другим высокопоставленным особам «*Походный журнал*» упоминает под 21 марта, что царя посетили посол Франции и голландские флотоводцы барон Ян Геррит Вассенар ван Дювенворде (1672—1723) и Антони Питерсон (1658—1722). Вассенар был адмирал-лейтенантом в Амстердаме, а Питерсон, став еще в 1700 г. вице-адмиралом, в 1711—1712 гг. командовал эскадрой в Средиземном море. 26 марта в усадьбе Рейксдорп, принадлежавшей Вассенару, Петр с обоими флотоводцами ужинал.

Ответный визит Генеральным штатам царь нанес 27 марта. «Полудни, около четырех часов, — сообщила газета «*Эйрописе Меркюриус*», — Его Царское Величество в сопровождении нескольких князей и вельмож видели сидящими в четырех каретах на дворе Бинненхоф в Гааге; он вышел прямо перед коллегией господ уполномоченных советников¹⁰⁹. Их палату он посетил, как и зал господ Генеральных штатов и зал Перемирия; эти последние ему полностью открыли, несмотря на то, что Высокомочные там заседали. Когда он вошел в зал заседаний Высокомочных, его там весьма учтиво приняли и некоторые члены произнесли приветственную речь, которая длилась примерно полчаса. После этого Его Царское Величество проводили в зал Перемирия, а оттуда он возвратился через зал заседаний Высокомочных по галерее в коллегия господ уполномоченных советников».

Любознательному русскому гостю голландские власти приготовили сюрприз. Сопровождаемый Куракиным, графом Албемарлом и некоторыми другими, Петр Алексеевич сел в украшенную двумя выпелами маленькую барку на дворцовом пруду. Вместе с изобретателем некоего особого компаса он сразу же уединился в помещении под палубой, где горела свеча. Дверь плотно закрыли. Затем барка в течение полутора часов пересекала во всех направлениях пруд, в котором во многих местах были вкопаны нумерованные столбики, и изобретатель, хотя и сидел внизу, каждый раз определял, у какого столбика находится судно. Излишне говорить, что Петр был очень доволен. Эпизод этот попал в «*Эйрописе Меркюриус*» и другие голландские газеты. За границей, в Австрий-

ских Нидерландах, «*Антверпсе Пост-Тейдинге*» 2 апреля, сообщив, что в Гааге на пруду в присутствии царя и к его большому удовольствию «были проведены некоторые опыты с определением восточной и западной долготы», добавила: «На этой неделе они будут продолжены».

Еще подробнее этот эпизод воспроизведен в сборнике рассказов механика Андрея Нартова, «личного токаря» царя-реформатора:

«Петр Великий, в бытность свою с государыней Екатериною Алексеевною в Гаге, осматривая любопытныя вещи в городе и окрестностях онаго, проведал, что находится там один математик, который уверял, яко бы сыскал он способ узнавать долготу мест; а как его величество любопытствовал видеть такое важное изобретение, то и желал присутствовать своею особою при опытах, которые обещал изобретатель делать своими инструментами, которые составляли такой компас, который показывал, по сказанию его, степени долготы и широты мест. Сей ученый муж устроил осьмоугольный шалаш в одном судне, которое введено было в гагский большой пруд; разставил он шести нумерованные, которых план имел в том шалаше, и которые представляли пристани и разныя страны, а пруд представлял яко бы пространство моря. Государь имел терпение находиться в сем закрытом со всех сторон шалаше более трех часов с графом Албелмарлем, с князем Куракиным и с некоторыми депутатами Голландских Штатов и с сим инвентором. Гребцы, управлявшие сим судном, разъезжали всюду, а математик, запертый в шалаше, означал и сказывал, в которой стороне пруда судно находилось, и подле котораго шеста было.

Петр Великий делал ему при том разныя возражения; наконец засвидетельствовал, что сей человек далеко дошел в изобретении своем, познавая долготу и широту мест, но еще недостает [в том] некотораго в нем совершенства, однако заслуживает похвалу и награждение, говоря при том Альбелмарлю и прочим, с ним бывшим, следующее:

“Я ни мало ни хую алхимиста, ищущаго превращать металлы в золото, механика, старающагося сыскаль вечное движение, и математика, домогающагося узнавать долготу мест, для того, что, изыскивая чрезвычайное, незапно изобретають многия побочныя полезныя вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, как то многіе противное сему чинят, называя такія упражненія бреднями”.

Его величество подарил сему математику за труд сей 100 червонных и приглашал его приехать в Россию, чтоб он производил дальнейшіе опыты над сим полезным изобретением в его государстве, и обещал за сие достойное награждение»¹¹⁰.

OUDE EN NIEUWE STAAT
VAN 'T RUSSISCHE OF MOSKOVISCHE
KEIZERRYK,
Behelzende eene uitvoerige HISTORIE van.
RUSLAND
EN DES ZELFS
GROOT-VORSTEN;

Benevens de BESCHRYVINGE van dat uitgestrekte RYK, de ZEDEN en GODS-
DIENST der Inwoneren: Zyne OPKOMST en VOORTGANG in KOOP-
HANDEL, KUNSTEN, LAND- en ZEEMACHT, OPROEREN,
OORLOGEN en verdere WISSELVALLIGHEDEN,
tot dezen tegenwoordigen tydt toe.

Breeder in de bygevoegde Tafel te zien:

*Alles mit de beste Schryvers en verdere echte stukken te zamen gesteld,
met nodige Kaerten en fraeye Prentverbeeldingen, door
den Vermaerden J. C. PHILIPS gesneden, versierd.*

DERDE DEEL.

Behelzende 't vervolg der Groot-vorsten, van PETRUS den Eersten;
tot de Keizerin ANNA IVANOWNA.

2^e UTRECHT

By **JOHANNES BROEDELIT,**
Akademie Drukker, 1744.

Рейтц. Старое и новое состояние Российской империи
(Утрехт, 1744)

Как пишет Схелтема, и само это изобретение, и проведенные испытания окутаны тайной. «Известно только, что царь за ними наблюдал и предполагаемого искусника часто приводил в смущение своими вопросами. Тот позднее даже признавался, что и не думал найти в ком-либо из монархов такого способного математика»¹¹¹. Очевидно, имел место эксперимент с магнитным камнем, который можно было использовать в навигации. Камень, обладающий сильным магнитным свойством, был редкостью и стоил дорого. Так, в 1711 г. голландский физик Николас Хартсукер (1656–1725), друг знаменитого Христиана Гюйгенса, уплатил за такой камень ни много ни мало 3000 гульденов. Во время своего первого пребывания в Голландии (1697–1698) царь пригласил Хартсукера к себе в Россию в качестве профессора математики, но тот отказался¹¹². Не исключено, что Хартсукер, занимавшийся, в частности, определением географического положения судов, и был тем самым изобретателем и провел вместе с гостем из России эксперимент с магнетитом¹¹³.

ЛЕЙДЕН

О поездке Петра из Гааги в Лейден *«Походный журнал»* упоминает, как всегда, очень кратко: «После обеда изволил поехать в Лейден, и оттоль возвратился в 18-й день, в 12-ть часов»¹¹⁴. Не намного больше находим мы и в официальном путевом дневнике: «В 17 день его величество был в Лейдене и смотрел там Академии и фабрик»¹¹⁵. Столь же лаконична газета «Амстердамсе Курант» от 30 марта, сообщившая, что царь 28 марта отправился в Лейден, с намерением на следующий день вернуться в Гаагу, а оттуда двинуться в Роттердам и Зеландию. 29 марта он действительно возвратился из Лейдена. Что он там делал и с кем встречался, неизвестно. В расходной книге царя упомянуты 10 рублей золотом, выплаченные им 17 марта через своего лейб-медика Эрскина сотрудникам университетской библиотеки и анатомического театра в Лейдене¹¹⁶. В книге «Россия и Нидерланды» Схелтема подробно описывает визит Петра в 1717 г. к знаменитому лейденскому врачу Герману Бургаве, точнее Херману Бурхаве¹¹⁷, но ни на какие источники не ссылается.

Неясность и даже путаница в литературе относительно того, виделся ли Петр с Бургаве, связана, очевидно, вот с чем. Царь хорошо знал в Амстердаме анатома Фредерика Рюйша, осмотрел в 1697 г. его коллекцию, присутствовал при его опытах и, возможно, взял у него несколько уроков анатомии. Вернувшись в конце апреля 1698-го из Англии, Петр посетил в Лейдене университетский ботанический сад

и анатомический театр, где работал Бургаве¹¹⁸. Однако о том, познакомился ли он с самим ученым, сведений нет¹¹⁹.

О путешествии 1717 г. Схелтема рассказывает, что важнейшей целью поездки властителя России в Лейден было как раз повидать Бургаве, «в ту пору величайшее светило медицины». Петр, как пишет Схелтема, послал кого-то к Бургаве с предложением вместе осмотреть ботанический сад. Привыкший вставать спозаранку, царь назначил встречу на пять часов утра. Ночь он провел на своей яхте перед главным зданием университета. Потом побывал в ботаническом саду и в университетской библиотеке, где видел «знаменитый глобус» — модель Вселенной. Наконец, отправился в анатомический театр и там тоже все осмотрел «с поразительным вниманием». Некоторые господа из его свиты с отвращением смотрели на вскрытие трупа, и тогда Петр заставил их зубами вытаскивать мышцу из рассеченного мертвого тела.

Встречу царя с Бургаве описал в своей торжественной речи на латинском языке по случаю 150-летия Лейденского университета (1725) его ректор Франсискус Фабрисийус:

«Но не могу обойти молчанием вас, о славнейший и во всех искусствах и науках осведомленный государь, *император всероссийский!* Вы провели холодную ночь на маленькой яхте на Рейне, счастливо омывающим порог нашего университета, прямо перед дверью его главного здания, дабы еще до рассвета, ровно в пять утра, быть у нашего *Бургаве*; и вы вместе с ним осмотрели самым тщательным образом растения в саду, зимние помещения, печи и подземные трубы отопления. После чего вы ознакомились с университетской сокровищницей, оглядывая все обычное мельком, но перед всем, что было неизвестным и редким, останавливаясь, одно за другим подробно рассматривая и, если было что примечательное, внимательнейше изучая. Какие великие и несравненные вы тогда выказали познания относительно явлений природы, в своих соображениях, которые изумленный *Бургаве* постоянно пересказывает нам и повсюду! Оттуда вы прошли в библиотеку и там удивительный астрономический глобус и вместе с нашим знаменитым *Сенгвердом*¹²⁰ физические инструменты так исследовали, что он потом везде огласил, что тайны их вы в полной мере постигли. Тем самым все могли убедиться: как повсюду оружием, так здесь и разумом своим вы доказали, что вы великий царь, и в том и в другом выдающийся»¹²¹.

В примечании к публикации этой речи Фабрисийус указал, что Петр посетил университет в 1717 г. О визите в анатомический театр и о придворных царя, которых тот заставил касаться ртами вскрытого трупа, — ни единого слова. Схелтема ссылается на изданное по-французски сочинение Йохана Мейрмана (1812), однако рас-

сказ этого автора относится к первому приезду Петра в Голландию, к 1697 г.¹²² И это, конечно, более правдоподобно. Как бы то ни было, отныне врач Бургаве имел некоторое отношение к российскому двору. Когда в конце 1724-го император тяжело заболел, его лейб-медик Лаврентий Блюментрост решил собрать консилиум, посоветовавшись также с иностранными светилами. Послали к доктору Шталю в Берлин и к «еще более прославленному профессору Герману Бургаве в Лейден». Через русского посла в Гааге врача попросили высказать свое мнение о болезни государя. Увы, на следующий день курьер привез известие о кончине Петра. Узнав об этом, Бургаве был потрясен: «Боже мой! Возможно ли, что такому великому человеку дали умереть, когда грошковые средства могли его исцелить!»¹²³.

РОТТЕРДАМ

Еще 27 декабря 1716 г. из Гааги в Роттердам ушло распоряжение правительства Республики Соединенных Провинций местным властям приветствовать царя с царицей при их проезде через Роттердам или мимо него «обычным числом пушечных залпов»¹²⁴.

В газетах пребывание Петра в этом городе почти не отразилось. Как пишет «Амстердамсе Курант», утром 4 апреля «царь Великой России отплыл на яхте из Роттердама в Дордрехт, а царица вечером около 6 часов вернулась сюда [в Гаагу]». В «*Эйрописе Меркюриус*» информации чуть больше:

«30 марта пополудни царь Великой России отбыл из Гааги в Роттердам, дабы осмотреть этот город и иные места, расположенные на реке Маас, даже Брилле и Хеллевутслейс, а заодно и провинцию Зеландию, после чего направиться через брабантские города Антверпен, Брюссель и прочие во Францию. Сопровождал его посол князь Куракин, и царица проследовала с ним до Роттердама, откуда возвратилась в Гаагу и, наконец, 21-го опять в Амстердам. Его Царское Величество, отплыв 4-го утром на яхте в Дордрехт, сошел там на берег, дабы ознакомиться со всем примечательным в этом старом и первом городе Голландии. Затем, вновь взойдя на борт, прибыл вскоре к острову Валхерен в порту города Флиссинген»¹²⁵.

Нет особых подробностей и в официальном путевом дневнике царя:

«В 19 день поехали из Гаги в Роттердам и того же числа ввечеру прибыли. И были в Роттердаме до 24-го, и того же числа его царское величество из Роттердама путь свой взял в Брабандию и Францию водою на яхтах. И когда яхта его величества от Роттер-

дама пошла, тогда стреляли с роттердамской фартееи ис □так!□ пушек трижды кругом, и против оных ответствовано с яхты от его величества 5-ю выстрелами»¹²⁶.

Упоминание каждый раз о количестве приведенных пушечных залпов говорит, несомненно, о том, какое значение придавали русские дипломатическому протоколу и знакам признания их государя за границей.

Один документ, касающийся пребывания Петра в Роттердаме, найти все-таки удалось — в архиве городской управы. По просьбе венценосного гостя местные власти позаботились о том, чтобы некая вдова Давис уступила на несколько дней свой дом царю и его свите, а сами власти пообещали «в пределах разумного» возместить ей возможный ущерб, который будет причинен ее дому и обстановке. После отъезда непрошенных жильцов вдова предъявила городской управе финансовые претензии на сумму в 1265 гульденов. 26 апреля муниципалитет постановил выплатить вдове компенсацию, однако 15 мая размер компенсации был определен всего в 1000 гульденов¹²⁷.

По словам Схелтемы, Петр осмотрел в Роттердаме «все, что в этом городе было примечательного, с чрезвычайным вниманием». Утверждать это Схелтема мог с полной уверенностью, ведь царь-реформатор был путешественником исключительно любознательным и дотошным. Вопросы вызывает другой пассаж в книге Схелтемы: «Власти оказали ему [Петру] все возможные почести, но он реагировал на это без всякой учтивости: членам магистрата, пришедшим его приветствовать, он почти ничего не ответил»¹²⁸. Откуда такие сведения, остается загадкой. В отдельной работе Схелтемы о пребывании Петра в Зандаме ничего подобного не говорится¹²⁹.

Впрочем, царь выражал «особое удовольствие», встречая старых знакомых. Так, в Роттердаме, в толпе зевак, он заметил Яна ван Леуэна, который раньше состоял у него на службе. Петр тут же подошел к нему и, радостно обняв и поцеловав его, воскликнул: «Мой старый друг! Ты был моим гофмейстером». После чего сказал несколько слов по-русски своим вельможам, и те тоже подошли позжать голландцу руку. Об этом и о том, что было дальше, Ян ван Леуэн в деталях рассказал в письме к сыну в Гаагу от 5 апреля:

«После того как я пробыл с Его Величеством примерно полчаса, явился магистрат приветствовать Его Величество, и я стоял рядом с Его Величеством. Но Его Величество ничего им не ответил, а велел через кого-то другого сказать, что благодарит. В пятницу в два часа Его Величество мне передал, чтобы я не уходил и что он придет меня навестить. И в три часа он прибыл в сопровождении целых 16 человек ко мне домой, и всех их я угостил, хотя было очень мало времени, чтобы что-нибудь приготовить. Я сде-

лал все как можно лучше, с хорошим вином, и Его Величество был весьма доволен. Я спросил, может ли моя жена с сестрой иметь честь видеть Его Величество, и он сразу же разрешил им войти, и встал, подошел к моей жене и вместе со всеми князьями ей поклонился, после чего снова сел. Моя жена, [ее] сестра и дочь взяли по стакану вина и выпили за здоровье Его Величества, а немного спустя за здоровье Ее Величества и затем опять вышли. Его Величество пробыл у меня дома три с половиной часа и заявил, что остался бы до полуночи, но у одного из его князей день рождения и тот устраивает обед для угощения Его и Ее Величеств. И Его Величество пригласил меня поехать туда с ним и пообедать с Его и Ее Величествами и всеми князьями.

В субботу Его Величество велел меня привезти туда, где он находился, и показал мне различные красивые вещи и среди прочего картину, где изображены две его дочери. И он изъявил мне большую благосклонность в присутствии Ее Величества. Так что я пробыл там долго и вспотел от жары при множестве людей в столь маленькой комнате. Поэтому я тихонько вышел, но как только Его Величество меня хватил, он послал вниз меня искать и заставил меня подняться, и подошел ко мне с двенадцатью большими серебряными медалями, которыми Его Величество сам меня награждал. Каждая медаль посвящена одному из триумфов и побед, одержанных Его Величеством в течение своей жизни. Мне за эти медали предложили 100 дукатов, но я не захотел, потому что медали были даны мне таким великим государем собственноручно».

В заключение письма Ян ван Леуэн сообщает, что его жене не терпится еще раз повидать царицу и потому не исключен их с женой скорый приезд в Гаагу (куда Екатерина вернулась из Роттердама). Сыну же его по просьбе отца предстояло подаренные медали зарисовать и «то, что на них стоит на латинском языке, перевести на нидерландский». В приписке на обороте листа бывший гофмейстер добавляет, что на улице ему нет прохода от людей, которые поздравляют его с визитом Его Величества и «говорят, что мне выпало больше чести, чем самой высокопоставленной особе нашей страны»¹³⁰.

В Роттердаме Петр на время распрощался с Екатериной, которая не ехала с ним дальше на юг, во Францию. Обычно предполагают, что он не взял ее с собой, опасаясь, не станут ли надменные французы критиковать низкое происхождение его супруги. По мнению голландского историка Г.В. ван дер Мейдена, царь отправился в Париж один из-за бурной ссоры с царицей, на которую Петр возложил вину за свою дурную репутацию и за то, что должен был прогнать своего старшего сына Алексея¹³¹. Слухи о ссоре дошли до императорского двора в Вене — через австрийского резидента в Петербурге Отто Антона Пляйера.

Памятник Петру в Роттердаме.
Скульптор Леонид Баранов, 1997 (фото Дмитрий Гузевич)

«Один из здешних больших вельмож доверительно поведал мне, — доносил резидент, — что царь перед отъездом из Голландии явил царице свой гнев и сурово упрекнул ее в том, что это по ее вине весь мир о нем злословит, будто он своего наследника прогнал, отверг и вынудил покинуть страну, и тот должен был от отца бежать, а ведь он ни перед Богом, ни перед людьми не может обвинить сына ни в каком преступлении...»¹³²

Биограф Екатерины считает причиной того, почему она не поехала во Францию вместе с мужем, ее послеродовую депрессию¹³³. Сама же царица была явно не в восторге от того, что Петр уехал один. 22 апреля она написала ему из Амстердама:

«А что изволили упомянуть, что вам без нас скучно, и тому верю. Однакож я чаю, что вашей милости не так скучно, как нам; ибо вы всегда можете Фомин понедельник там сыскать, а нам здесь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать — какие здесь люди упрямые!»¹³⁴.

Фомин понедельник — это второй понедельник после Пасхи, когда православные приносят куличи и крашеные яйца на могилы усопших родственников. В своем письме Екатерина, очевидно, имеет в виду просто возможность Фомин день отпраздновать.

ЗЕЛАНДИЯ

10 апреля сопровождавший царя в поездке Петр Толстой написал вице-канцлеру Шафирову:

«Мы в Зеландии были толко два дни и не нашли чего б смотреть, того ради поехали в Брабанты, а сколь долго тамо пробудем, еще не ведаю»¹³⁵.

Чем Зеландия разочаровала русского государя, неизвестно. Скорее всего, дело было в новых его потребностях: в ходе второго путешествия за границу он интересовался уже не столько флотом и верфями, сколько импозантной архитектурой (особенно дворцами), парками и садами, имея в виду очередной этап застройки Петербурга. Впрочем, и в этом смысле Толстой объективно был не прав: в путеводителе 1689 г. отмечены в Мидделбурге, столице провинции Зеландия, «весьма значительное здание» ратуши, а рядом с ней «такая красивая Рыночная площадь, какую в Нидерландах мало где найдешь», да и Флиссинген вполне мог заинтересовать Петра своими укреплениями и хорошо оборудованным портом. Крупные морские суда разгружались также в порту городка Вере¹³⁶.

В официальном путевом дневнике царя его посещение Зеландии описано как раз очень подробно:

Ратуша города Флиссингена в Зеландии
(«Les Delices des Pais Bas...», Брюссель, 1740)

«В 28 день поутру пошли, и в 10-м часу из города Флисинга [Флиссинген] встретила яхта, на которой капитан-командор галланской. И оной командор стрелял трижды, а ему ответствовано пять раз¹³⁷. И до Флисинга та яхта шла пред яхтою его величества, и пришли пред обедом к урочищу Рамонку [Раммекенс], где батарея, с которой також и с карабля, против ее стоящего, стреляли ис пушек, и оным ответствовано по 5 раз. И того же 28 дня прибыли во Флисинг в третьем часу пополудни в самой канал, где док, куды карабли воинския для починки вводят. При въезде в город со оного стреляли три раза из всех пушек, которым ответствовано с яхты пять раз. И тогда приходили к его величеству на яхту от правинции Зейланской депутаты и бургомистры от города принципального той правинции, называемого Миделбурха [Мидделбург], для поздравления его величества, с ними же вместе был и адмирал Эверс¹³⁸. И тут его величество на яхте начевал.

В 29 день поутру его величество ездил по городу Флисингу в карете, и был у слюзов и ходил по фартеции, и о трех часах пополудни ездил сухим путем в Миделбурх, до которого от Флисинга езды сухим путем час. И когда в город въехал, тогда стреляли ис пушек со всего города три раза. И быв там несколько часов, и к вечеру поворотился назад, и начевали на яхте в том же доке у Флисинга.

В 30 день поутру вышли ис того канала в слюзные ворота к морю, ветр был ост, но понеже вода тогда в море убыла, и для того дожидались за слюзными воротами болшой воды до первого на десят часу. Между тем же приезжали на яхту от правинции Зейланской те же депутаты и бурмистры. И во втором на десять часу, как прибыла вода, тогда его царское величество пошел из Флисинга на той же яхте в Брабандию, и вышереченная яхта, которая стреляла у Флисинга, також провожала. И как вышли в море, то стреляли с фартеции Флисинской трижды кругом, и им ответствовано с яхты от его величества пятью выстрелами. Потом и с крепости и с карабля, против оной стоящего, також по трижды стреляли, которым вместе ответствовано пятью же выстрелами. Потом яхта, которая провожала, выстрелили пятью и поворотилась назад. Ей ответствовано столким же числом, и шли по пятого часа пополудни»¹³⁹.

Единственная голландская газета, которая сообщила, хотя и кратко, о визите Петра в Зеландию, — «*Эйропише Меркюриус*»: из Дордрехта «Его Царское Величество прибыл на остров Валхерен в порту города Флиссинген. Там он провел три дня, чтобы осмотреть сухой док, в котором как раз стоял военный корабль, а также осмотреть столицу Мидделбург. Отсюда он на яхте Генеральных штатов отбыл 10-го в Антверпен....»¹⁴⁰

Местный краевед Ван Ларен в своей хронике «*Описание Флиссингена*» приводит некоторые подробности. «Великий царь Московии» в сопровождении князя Куракина и других знатных особ посетил Флиссинген, «чтобы осмотреть морские постройки. Его приветствовал магистрат, и было произведено три залпа из крепостных пушек. Он ознакомился с морскими постройками. Там была забита в землю тяжелая свая, к которой он подошел взглянуть, как это было проделано. Затем отправился в сухой док, где был установлен на балках корабль, что он тоже осмотрел». Переночевав на яхте, Петр на третий день, сопровождаемый тремя пушечными залпами, отплыл в Антверпен¹⁴¹.

Док для ремонта судов, в котором побывал русский монарх, — это, конечно, «док Перри» в восточной гавани Флиссингена, старейший сухой док Нидерландов и один из первых в Западной Европе. Построен он в 1704–1705 гг. по проекту, составленному в 1697-м английским морским офицером Джоном Перри, и вот уже полвека является памятником, охраняемым государством. Сам Перри в 1695–1697 гг., потеряв захваченный пиратами корабль, сидел в Англии в тюрьме по обвинению в трусости. Желая от него избавиться, английское адмиралтейство воспользовалось приездом Петра I в Лондон (1698) и предложило ему взять Перри к себе на службу. Молодой царь увез англичанина в Россию и доверил ему ряд крупных проектов, поручив, в частности, вырыть канал между Доном и Волгой, дабы соединить Каспийское море с Черным. Дело не увенчалось успехом. В 1712 г. Перри, не дождавшись уплаты всего положенного ему жалованья, покинул Россию, после чего опубликовал книгу о ней¹⁴², основанную на собственных впечатлениях автора и познакомившую западноевропейскую публику с реформами в этой стране. Судьба Перри в России, его трагическое столкновение с самодержцем стали в 1927 г. темой повести Андрея Платонова «Епифанские шлюзы». Так что во Флиссингене Петр осмотрел творение одного из своих видных иностранных инженеров.

В архивах Зеландии следов пребывания царя в этой провинции можно отыскать немало. 2 апреля зеландские власти получили из Гааги письмо такого содержания:

«Вчера [30 марта] господин князь Куракин, полномочный посол Его Величества царя Великой России оказал нам честь, приехав сообщить нам, что Его Царское Величество по случаю своего пребывания здесь намерен совершить на яхте господ Штатов Голландии путешествие также в провинцию Зеландия, дабы осмотреть там все примечательное». Посол попросил передать эту новость местной администрации, с тем чтобы она по прибытии высокого гостя выставила на его яхте необходимую охрану.

При этом он еще пропросил выделить кого-нибудь, владеющего французским языком, чтобы тот этому послу, который говорит только по-московски и по-французски, дал необходимые сведения о заслуживающем внимания в провинции и ее городах».

Итак, после стольких лет, проведенных в Голландии, Куракин все еще не знал нидерландского — в отличие от своего государя: «Предполагается, что Его Величество, который на голландском языке говорит достаточно хорошо, сегодня отправится отсюда в Роттердам, пробудет там дня три, а затем продолжит путь прямо в Мидделбург, где остановится на несколько дней, проживая на яхте. Между тем Ее Величество царица будет находиться здесь [в Гааге]»¹⁴³.

Получив это послание, власти Зеландии постановили перевести отряд солдат из Флиссингена и еще один из Вере в Мидделбург, полагая, по-видимому, что августейший путешественник будет ночевать в столице провинции. И поскольку Петр должен был провести в этом городе лишь пару дней, было решено просить бургомистров Флиссингена и Вере, чтобы отряды все это время оставались в Мидделбурге. В течение всего визита каждому часовому, выставленному на яхте, полагалось раз в сутки полбочонка пива и фунт хлеба. На следующий день уполномоченные советники Зеландии обратились к местной дирекции Ост-Индской компании с просьбой обеспечить при приезде царя стрельбу из пушек.

Вообще власти провинции готовились «встречать и приветствовать Его Царское Величество с величайшей учтивостью». Гостя и его свиту даже освободили от налогов, ведь еще раньше так же поступили в провинции Голландия¹⁴⁴. Когда выяснилось, что царь, вопреки ожиданиям, ночевать в Мидделбурге не останется, началась оживленная переписка с администрацией Флиссингена и Вере по поводу того, что делать с присланными отрядами охраны. А при отъезде русских из Зеландии, поскольку те собирались отплыть отсюда в Брабант, комендантам крепостей Лилло и Лифкенсхук на реке Схелде (Шельда), у границы с Австрийскими Нидерландами, было приказано должным образом салютовать из пушек¹⁴⁵.

В архиве города Вере, входящем в состав Зеландского архива, хранится письмо, полученное 1 апреля 1717 г. местной администрацией от уполномоченных советников провинциальных штатов Зеландии. Оно посвящено тому, как принимать «царя Московии»¹⁴⁶. Из письма еще раз видно, что зеландские власти делали все возможное, чтобы принять российского самодержца со всеми почестями.

Поэтому несколько удивляет, что в расходной книге провинциальных штатов за 1717 г. упомянуто так мало трат, связанных с этим визитом. В одном из документов Городского архива во Флиссингене издержки, понесенные городом с 8 по 10 апреля «для встречи

и приветствования Его Величества царя Великой России», перечислены: покупка пороха для пушек, оплата плотников, наем лошадей и экипажей на общую сумму, чуть превышающую 23 гульдена¹⁴⁷. Год спустя, 8 мая 1718 г., некоему Питеру Бодделару уплатили 1 гульден за то, что он два дня возил в дорожной коляске, берлине, русского государя и за «повозку для слуг Его Величества царя Великой России и багажа»¹⁴⁸. В том же архиве города Верея нашел письмо магистрата от 3 апреля к зеландскому адмиралтейству с просьбой поставить необходимый запас пороха для производства пушечных залпов, когда царь прибудет в этот город или будет проезжать мимо него¹⁴⁹.

Расходы провинциальных штатов Зеландии, связанные с визитом Петра, ограничились выплатой примерно 6 гульденов Яну ван Экстеру за наем экипажа на восемь дней, 9 гульденов купцу Йобу Бому в Зирикзе за поставку и перевозку в Брюссель для царя свыше 2000 устриц и, наконец, почти 24 гульденов Яну ван Ройену, экипажмейстеру во Флиссингене, на выплату жалования ему и его помощникам в крепости Раммекенс, которые произвели пушечные залпы¹⁵⁰. Упомянутые устрицы были закуплены бургомистром Зирикзе по поручению провинциальных властей Зеландии и отправлены водным путем в Антверпен, а оттуда в Брюссель, где Петр будет в тот момент находиться. Поставщику устриц Йобу Бому уплатили не сразу, и ему пришлось письменно напомнить господам уполномоченным советникам провинциальных штатов о причитающихся ему деньгах¹⁵¹.

Мы вправе предположить, что власти в первую очередь позаботились о пушечных залпах и только потом подумали о подобающем подарке. Пока бургомистр Зирикзе получил распоряжение о покупке устриц и купил их, гость из России уже отбыл в Антверпен и дальше в Брюссель. Со стрельбой из пушек тоже не все вышло гладко. Не обошлось без маленького закулисного инцидента: городская управа Флиссингена почувствовала себя задетой тем, что уполномоченные советники провинциальных штатов обратились напрямую к коменданту местной крепости майору де Ла Року, поручив ему подготовить пушку к салюту в честь Его Царского Величества. Городская управа письменно пожаловалась на то, что ее не поставили в известность, и в весьма резком тоне потребовала, чтобы власти провинции все распоряжения, касающиеся того, что должно произойти в городе, отдавали «по обычному каналу (*door het ordinaire canaal*)», не подрывая «законный авторитет» муниципалитета¹⁵².

В своей книге о путешествиях Петра в Голландию Якоб Схелтема пишет, что, посещая Зеландию, царь «нашел в Валхерене на одном постоялом дворе хорошо написанное и очень верное изображение его лица. Он позволил себе голову вырезать и положить

в мешок. Позднее Екатерина велела обшить ее новым холстом и дописать, и эта картина еще в 1799 г. хранилась в Москве¹⁵³. Схелтема отмечает также, что остров Валхерен Петр тщательно осматрел. А из переписки провинциальных штатов Зеландии с магистратом города Вере можно понять, что высокий гость побывал и там. На сайте старинной гостиницы «Оберж Де Кампверсе Торен» в Вере утверждается, что в 1717 г. ее посетил Петр Великий¹⁵⁴. Не там ли он увидел свой портрет? Точных сведений об этом нет, но, по предположению городского гида Яна Мидавэна, местные власти порекомендовали приехавшему в Вере царю пообедать или просто перекусить в этой принадлежавшей городу гостинице. Согласно «*Новой хронике Зеландии*» Маттеюса Смаллеганге (1696), гостиница предназначалась в первую очередь для особ значительных, важных¹⁵⁵.

Самый впечатляющий след от пребывания Петра в Зеландии связан с его встречей с одним из высших должностных лиц Мидделбюрга Йоханом Стейнграхтом (1692–1743), который также управлял там отделением Ост-Индской компании. Из протоколов зеландского адмиралтейства за 3 апреля 1717 г. видно, что Стейнграхт входил в делегацию из четырех человек, которой предстояло официально приветствовать Его Величество¹⁵⁶. Через год он будет избран пенсионарием Мидделбюрга. Стейнграхт, кроме всего прочего, писал стихи и в том же 1717 г. издал их в Лейдене в виде сборника «*Поэтические досуги*»; в 1728-м сборник был переиздан. В своем обзоре ученых людей Зеландии его друг и соиздатель сборника Питер де ла Рю о Стейнграхте даже не упоминает¹⁵⁷, а в наши дни «*Энциклопедия Зеландии*» называет этот сборник «свидетельством маловпечатляющего стихотворного таланта» его автора¹⁵⁸. Однако для нас важно, что среди стихов Стейнграхта одно посвящено визиту Петра в Зеландию. Неясно, декламировал ли автор эти вирши в присутствии самого царя. Быть может, он сочинил их позднее.

В стихотворении «*Царь в Зеландии*» Стейнграхт восхваляет Петра, путешествующего по чужим краям, дабы улучшить жизнь своих подданных:

«...Пусть льдами скована природа —
К поездкам страсть сильнее их
И к нашим берегам приводит
На благо подданных твоих.
Сам царь их учит, просвещает,
В науках шлифовать спешит,
Какие первым постигает
Тот, кто над всей страной царит».

Петр жадно познает мир, это его новые знания и реформы преобразили Россию и прославили ее:

«Что видит — сам все изучает.
Доступно все его уму,
Все мощный дух его вмещает!
ЦАРЮ, Россия, своему
Обязана ты новой славой
И тем, что вся Европа льстит
Забывтой некогда державе,
И преклоняется, и чтит».

Автор гордится тем, что такой великий человек побывал в его родной Зеландии:

«... Большой радости зеландцы
Еще не знали никогда.
Ведь честь нам выпала и счастье,
Приветствовать нам довелось
Держателя столь мощной власти,
Тебя, наш венценосный гость».

Русский царь, воюющий не только со шведами, но и с врагами христианства — турками, заслуживает самых дружеских чувств:

«То чувство дружбы, что питаем
К тебе, Монарх, пусть навсегда
Между тобой и нашим краем
Пребудет. Пусть раздор, вражда
Не сломят нашего союза.
Сей дружбы нерушимы узы!»¹⁵⁹

Примечания

1. Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 2—3.
2. Вероятно, деревня Гюхум (Gyhum) между Гамбургом и Бременом. На нижненемецких диалектах ее название произносится как «Йем».
3. Прусский город в пограничной области Эмсланд.
4. РГАДА. Ф. 50. Оп. 2. 1716 г. № 2а. Л. 87-87об.
5. Там же. № 5. Л. 117—118об.
6. Там же. № 4. Л. 286—286об.
7. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 25.
8. Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1716 (NA. Nr. 1.01.02/3771. P. 1039).
9. Archief van het stadsbestuur Amersfoort, 1300—1810. Nr. 445.
10. Europische Mercurius. November 1716. P. 283.

11. *Hamburger Relations-Courier*. 13. Juli 1717 (цит. по: *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild. S. 333).
12. *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild. S. 336.
13. *Europäische Fama*, 1717. S. 785.
14. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 110.
15. *Ibid.* P. 84–85.
16. *Ibid.* P. 63.
17. *Ibid.* P. 92.
18. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Оп. 1. № 11. 1717 г. Л. 71–72.
19. *Archives du Ministère des Affaires Étrangères et Européennes (Paris)*. Correspondance politique. Hollande 1716–1717. Vol. 313.
20. *National Archives (Kew Gardens, London)*. State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 70.
21. *Ibid.* Fol. 84. Это донесение составлено на французском языке, который британские дипломаты при Георге I использовали часто, так как этот первый король из Ганноверской династии английского практически не знал.
22. *Ibid.* Fol. 278.
23. *Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (SAA 5038. Nr. 151. P. 748)*.
24. *Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1716 (NA. Nr. 1.01.02/3771. P. 931, 938)*.
25. Этот британский титул голландский аристократ получил, будучи давним советником и другом stadhoudera Республики Соединенных Провинций Вильгельма III Оранского, вместе с которым он в 1688 г. отправился в Лондон, когда Вильгельм стал королем Англии. После смерти короля (1702) граф Албемарл возвратился в Голландию.
26. *Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (SAA 5038. Nr. 151. P. 748)*.
27. *Gebhard J.F.* Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz. Witsen. T. I. P. 514.
28. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 100–101.
29. История швейцарской войны. С. 611.
30. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 111–112.
31. *Stadsarchief en Athenaeumbibliotheek Deventer, archief Republiek*. ID 0691. Nr. 4.26, *Resolutiën van Schepenen en Raad 1716–1721* (этими сведениями я обязан заведующему Городским архивом в Девентере Клеменсу Хогенштейну).
32. NA 3.01.19 / Nr. 1974.
33. История швейцарской войны. С. 611.
34. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 114.
35. История швейцарской войны. С. 611.
36. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 114.
37. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 71.
38. Там же. С. 71–72.
39. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 117.

40. Ibid. P. 116.
41. Гистория свейской войны. С. 611. Почти все имена в этом тексте искажены. Речь шла о графе Албемарле, Хофте, Репеларе и Ван Кинсхоте.
42. Походный журнал 1716 года. С. 102.
43. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 117–118.
44. *Vlaardingerbroek P.F.* Het paleis van de republiek. P. 11.
45. Дневник... // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 131.
46. *Vlaardingerbroek P.F.* Het paleis van de republiek. P. 12.
47. Эту информацию нам любезно предоставил Игорь Владимирофф.
48. *Wagenaar J.* Amsterdam in zyne opkomst... Vol. I. P. 731.
49. *Europische Mercurius.* 1716. Vol. II. P. 313.
50. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 12–13.
51. Походный журнал 1716 года. С. 103.
52. *Bruin de C.* Reizen over Moskovie. P. 42.
53. *Albach B.* Drie eeuwen 'Gijsbreght van Aemstel'. P. 45.
54. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 119.
55. В 1996 г. в Амстердаме вышла детская книга Аренда ван Дама «Петр, царь Каттенбюргский» — о первом приезде русского монарха в эту страну (*Dam van A. Peter, de tsaar van Kattenburg.* Amsterdam, 1996).
56. Походный журнал 1716 года. С. 103.
57. *Jeeninga W.* Het Oostindisch Huis en het Sint Jorishof te Amsterdam. P. 26.
58. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 72–73.
59. Там же. С. 92.
60. Beschryving der nieuwlijks uitgevonden en geotrojeerde slang-brand-spuiten... Amsterdam, 1690.
61. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. II. P. 222.
62. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 14.
63. *Göbel H.* Wandteppiche. I. Teil. Die Niederlande. S. 534.
64. Походный журнал 1716 года. С. 103. Фамилии Dik(k)ermon в генеалогическом банке данных Нидерландов нет. Возможно, это искаженная форма голландской фамилии Dekkerman или Deckerman или же речь шла о купце иностранном. В оксфордском справочнике фамилии Dickman и Dickerman названы еврейскими (*Hans P., Hodges F.* A Dictionary of Surnames. Oxford, 1991. P. 146).
65. *Bijtelaar B.* De Zingende Torens van Amsterdam. P. 153.
66. *Пре́йс [Й.Ф.]* Извлечение из донесений... С. 4–5.
67. «Его Величество недомогал» (Походный журнал 1716 года. С. 105); «В генваре месяце его величество был в Амстердаме болен» (Гистория свейской войны. С. 611).
68. *Nomen J.C.* Het journaal van Jan Cornelisz Nomen. P. 258.
69. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 74.
70. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 12–13.
71. Archives du Ministère des Affaires Étrangères et Européennes (Paris). Correspondance politique. Hollande 1716–1717. Vol. 313. Fol. 269. Есть

- лишь один источник, в котором утверждается, что встреча не состоялась не из-за болезни Петра и не из-за нежелания британского короля из Ганноверской династии его принимать, а по причине недовольства царя тем нелюбезным приемом, который был оказан его послу в Ганновере и неприятностями во время проезда царицы Екатерины через эту территорию (Братья Олсуфьевы. С. 25).
72. National Archives (Kew Gardens, London). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 90.
 73. В 1715 г. Луи Ренар издал «Атлас мореплавания и торговли по всему миру...», включавший в себя также карту «*Russiae et Novae Zemblae Maritimae*».
 74. Цит. по: *Копанев Н.А.* Письмо голландского издателя о «болезни» Петра Великого. С. 96–101.
 75. *Europische Mercurius*. December 1716. P. 313.
 76. *Ibid.*, 1717. P. 41.
 77. *Ibid.*, 1717. P. 77. В газете ошибка: ребенок умер не в тот же день, а на следующий.
 78. Гистория свейской войны. С. 611.
 79. Письма русских государей... Т. I. С. 57.
 80. Согласно расходной книге царя, это был доктор Платман (Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 55, 78). Платман получил за свои услуги 48 гульденов и, сверх того, 200 русских червонцев.
 81. См. статьи о Лестоке в «Русском биографическом словаре» и энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга».
 82. Как известно, Петр страдал сифилисом.
 83. Письма русских государей... Т. I. С. 58.
 84. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 54.
 85. Письма русских государей... Т. I. С. 59.
 86. Письма русских государей... Т. I. С. 60.
 87. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius*. Deel XVIII. P. 159.
 88. Полное собрание законов Российской империи. № 3059.
 89. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. V. С. 254–255.
 90. Архив князя Ф.А. Куракина. Т. II. С. 126. Оригинал находится в РГАДА (Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. № 1. Л. 5).
 91. *Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael...* Genomen in den jare 1717 (NA. Nr. 1.01.02/3772. P. 62).
 92. В собственноручной записке Петра «О тяжких обидах нанесенных нам от дворов Ганноверскаго и Английскаго» он называет «господ Ганноверцев» «убийцами царевича Павла Петровича» (Братья Олсуфьевы. С. 23. См. также: *Брикнер А.* История Петра Великого. Т. II. С. 150.). Однако в подробном труде Вальтера Медигера (*Mediger W.* *Mecklenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges*. Bd. 1–2. Hildesheim, 1967) нет никаких упоминаний о том, что Петр в чем-либо упрекал Ганноверскую династию или считал

- «ганноверцев» виновными в смерти царевича (этими сведениями я обязан Михаэлю Шиппану).
93. Scheltema J. Rusland en de Nederlanden. Vol. II. P. 6.
 94. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 197.
 95. Riksarkivet (Stockholm). Hollandica, 341–342 (цит. по: *Брикнер А.* Путешествия Петра Великого. С. 625).
 96. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Оп. 1. № 11. 1717 г. Л. 12.
 97. Гистория свейской войны. С. 611–612.
 98. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 158.
 99. Походный журнал 1717 года. С. 1.
 100. Дочь судьи-купца в Нарве, которую в свою время русские захватили в качестве трофея при взятии этого города, Анна Крамер попала к генералу Апраксину, а затем ко двору в Петербург. Став камер-юнгферой Екатерины, сопровождала ее в заграничном путешествии и оставалась с ней в Голландии, пока Петр ездил во Францию. Когда год спустя злосчастный царевич Алексей скончается в Петропавловской крепости от последствий допроса, т.е. от пыток, именно Анне Крамер приказано обмыть и одеть его тело.
 101. *Leer van der K.* Huizen tussen Hofwijck en Middenburg. P. 4–29.
 102. *Europische Mercurius.* Maart 1717. P. 203.
 103. Этими разъяснениями я обязан Кейсу ван дер Лейру.
 104. *Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1717* (NA. Nr. 1.01.04/3772).
 105. *Europische Mercurius*, 20 maart 1717.
 106. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 23–24.
 107. *Droste C.* Overblyfsels van Geheugchenis. P. 232.
 108. *Ibid.*, P. 233.
 109. Коллегия уполномоченных советников в Гааге, подчинявшаяся провинциальным штатам Голландии, осуществляла повседневное управление провинцией.
 110. *Майков Л.Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 96.
 111. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 29.
 112. *Nieuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek.* Deel VI. Leiden, 1924. P. 718.
 113. Эту гипотезу мне предложил Ренолд Хювел. См.: *Huwel R.* Magnetiet. P. 33–44.
 114. Походный журнал 1717 года. С. 3.
 115. Гистория свейской войны. С. 612.
 116. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. С. 57.
 117. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. III. P. 360–362.
 118. *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. С. 206.
 119. В описании архива Бургаве в Петербурге также нет указаний на то, в каком году Петр познакомился с этим выдающимся врачом (О науке и ученых. Архив Бургаве в Военно-медицинской академии. СПб., 2003. С. 8–13).

120. Естествоиспытатель Волферд Сенгверд (1646—1724) был профессором Лейденского университета.
121. *Fabricius F.* Redenvoering over de hondert en vyftigste verjaardag... P. 54—55.
122. *Meerman de J.* Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand. P. 69.
123. Это высказывание буквально, по-нидерландски, процитировано в книге Якоба фон Штелина (*Stählin von J.* Originalanekdoten von Peter dem Großen. S. 180).
124. Stadsarchief Rotterdam. Extract uit de Missiven aan Burgemeesteren van 1714—1719. Nr. 24.
125. *Europische Mercurius*, 1717. P. 253.
126. История свейской войны. С. 612.
127. Stadsarchief Rotterdam. Extract uit de Resolutiën van de Vroedschap. Reg. Nr. 30. Fol. 223, 231.
128. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. III. P. 363.
129. *Scheltema J.* Peter de Grote. Vol. II, 1814. P. 30.
130. Это письмо опубликовано в кн.: *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. III. P. 450—453 (см. также: *Scheltema J.* Czaar Peter's verblijf te Rotterdam...). Остается неясным, тот ли это Ян ван Леуэн, который с 1695 по 1744 г. был издателем в городке Тил и опубликовал, в частности, книгу о посольстве в Китай (*Brand A., Ludolf H.W.* Seer aenmercklijke land- en waterreys, onlanghs gedaen van 't gesantschap sijner tegenwoordigh-regeerende Czaarsche Majesteit uyt Muscouw na China... Tiel, Jan van Leeuwen, 1699).
131. *Meiden van der G.W.* Rivalen in roem. P. 85 (без указания источников).
132. Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Russland I. Karton 24. Konvolut III. Petersburg, 4. Juni 1717. Fol. 21r.—22v. (на этот источник мне любезно указала Искра Шварц).
133. *Павленко Н.И.* Екатерина I. С. 24.
134. Там же. С. 212.
135. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Т. 3. С. 76.
136. *Reis-Boek door de Vereenigde Nederlandsche Provincien.* P. 193, 195, 197.
137. Адмиралтейство провинции Зеландия заранее предоставило всем городам, которые должен был проехать царь (Флиссинген, Гус, Мидделбург, Зирикзе и Вере), достаточный запас пороха для приветственных залпов. Документ о выдаче городскими властями Мидделбурга 800 фунтов пороха экипажмейстеру Яну ван Ройену «для приветствия царя Великой России, когда он прибудет» (*Notulen van de gecommitteerde raden der admiraliteit in Zeeland.* Nr. 2541) можно посмотреть на микрофише в читальном зале Зеландского архива в Мидделбурге (этими сведениями я обязан Яну Мидавэну).
138. Зеландский адмирал-лейтенант Гелейн Эвертсен (1655—1721) участвовал еще в 1672—1674 гг. в Третьей голландско-английской войне, затем воевал вместе с англичанами против Франции, а в 1700 г. командовал флотом, блокировавшим так называемых «дюнкеркских

- пиратов». Представитель целой династии голландских флотоводцев, он мог Петру многое рассказать и объяснить.
139. Гистория свейской войны. С. 613.
 140. *Europische Mercurius*, 1717. P. 253.
 141. Цит. по: *Fret P. Peter de Groote te Vlissingen*. P. 138.
 142. *Perry J. The State of Russia, under the Present Czar*. London, 1716.
 143. Zeeuws Archief. Archief van de Staten van Zeeland. Toegangsnummer 2.1. Nr. 2216.1.
 144. Соответствующий документ, относящийся к провинции Голландия, см.: SAA 5029. Nr. 149. Archief van de burgemeesters: missiven en notulen van gedeputeerden ter dagvaart. Niet genummerd, d.d. 24 december 1716.
 145. Zeeuws Archief. Archief van de Staten van Zeeland. Toegangsnummer 2.1. Nr. 725. Resoluties van de Staten van Zeeland, 2—15 april 1717.
 146. Zeeuws Archief. Stadsarchief Veere. Toegangsnummer 2000. Ingekomen stukken bij het stadsbestuur (1717). Nr. 206. Документ этот нашел и сообщил мне о нем Ян Мидавэн, гид в городе Вере.
 147. Gemeentearchief Vlissingen. Familiearchief Mauritz. Nr. 4982.
 148. Gemeentearchief Vlissingen. Extracten uijt de Rekening der Stad Vlissingen. Nr. 4955.
 149. Zeeuws Archief. Stadsarchief Veere. Register van brieven geschreven bij de Heeren Burgemeesters en Regeerders der Stadt Vere, als mede bij het collegie van wetten der selver stadt, beginnende met den 7 januari 1702 en eyndigende met den 13 november 1717. Nr. 152. Fol. 173v.
 150. Zeeuws Archief. Rekenkamer B. Toegangsnummer 508. Nr. 2240, 2243.
 151. Ibid. Nr. 2243.
 152. Zeeuws Archief. Archief van de Staten van Zeeland. Ingekomen stukken. Nr. 1022. Этот документ также нашел для меня Ян Мидавэн.
 153. *Scheltema J. Peter de Grote*. Vol. II, 1842. P. 25. Источником ему послужила книга Йохана Мейрмана (*Meerman J. Eenige berichten omtrent het Noorden en Noord-Oosten van Europa*. 's-Gravenhage, 1805. Vol. IV. P. 112), в которой говорится об «одном постоялом дворе в Голландии».
 154. Этой информацией я обязан своей коллеге по Лёвенскому Католическому университету Лин Верпуст.
 155. *Smallegange M. Nieuwe Cronyk van Zeeland*. P. 584.
 156. Zeeuws Archief. Notulen van de gecommiteerde raden der admiraliteit in Zeeland. Nr. 2541.
 157. *De la Rue P. Geletterd Zeeland*. Middelburg, 1734. Питер де ла Рю подробно рассказывает о Йохане Стейнграхте-старшем, отце стихотворца, заслуженном юристе и теологе (Ibid. P. 94—99), но о его сыне не говорит ни слова.
 158. *Encyclopedie van Zeeland*. Deel III. P. 127.
 159. *Steengracht J. Dichtlievende Tydkortingen...* P. 357—360.

ELOGE HISTORIQUE
DE
PIERRE LE GRAND
C Z A R.
EMPEREUR DE TOUTES LES RUSSIES.

PAR
Guillaume L E F E B U R E
Baron de St. ILDEPHONT
Conseiller - Médecin de MONSIEUR, Frère du Roi T. C.
Médecin - Praticien à Amsterdam.

A U T R E C H T,
C H E Z
B A R T H E L E M Y W I L D.
M D C C L X X I I.

*Гильом Лефебюр. Историческая похвала Петру Великому,
всероссийскому императору (Утрехт, 1772)*

ПОЕЗДКА ВО ФРАНЦИЮ:

апрель – июль 1717

АВСТРИЙСКИЕ НИДЕРЛАНДЫ

10 апреля на яхте Генеральных штатов царь Петр отплыл из Мидделбурга в Антверпен¹. Дорога во Францию шла через территорию нынешней Бельгии — тогдашние Южные Нидерланды, которые до 1713 г. принадлежали Испании, а затем Австрии. Принимал русского гостя маркиз Эркюль Жозеф Луи де Прие (1658—1726), полномочный министр австрийского двора, управлявший Австрийскими Нидерландами от имени императорского наместника принца Евгения Савойского, занятого на Балканах войной с турками. Россия и Австрия находились в тот момент в отношениях дружеских, поэтому принять царя надо было со всеми почестями.

В Антверпене Петр остановился в гостевой резиденции для самых высокопоставленных особ в средневековом аббатстве св. Михаила. 12 апреля местная газета «*Антверпсе Пост-Тейдингс*», выходящая на нидерландском языке, известила читателей, что «Его Царское Величество <...> в настоящее время занят осмотром достопримечательностей и редкостей этого города». Помимо цитадели, построенной в 1567 г. испанским герцогом Альбой, чтобы держать мятежных антверпенцев в страхе и повиновении, Петр посетил ратушу, собор, церковь иезуитов с плафонными росписями Рубенса (год спустя они были уничтожены пожаром) и биржу, которая фактически была также художественной галереей, ибо там выставляли свои работы члены гильдии св. Луки — художники и скульпторы.

Из Антверпена царь со свитой отплыл 13 апреля по Виллебрукскому каналу в Брюссель, где его на следующий день официально приветствовали местные власти. Не поддается объяснению, почему в русских источниках ни слова не говорится о том, что государь в Брюсселе видел и с кем встречался, а ведь этот город считался «украшением, увеселением и усладой Брабанта»². Историограф Голиков кратко отмечает:

«Здесь Монарх препровел в осмотрении города и всех достопамятных и примечание заслуживающих мест, а паче мануфактур онаго, четверы сутки»³.

Согласно одной рукописной городской хронике XVIII в., которая хранится в Королевской библиотеке в Брюсселе, венценосному путешественнику «показали все, заслуживающее внимание, так как он весьма любознательный государь и все хотел изучить сам»⁴.

Самый известный эпизод пребывания властелина России в Брюсселе — это праздник, устроенный муниципалитетом 16 апреля в Городском парке. Погода была прекрасная, парк ярко разукрашен, столы ломились от закуски и вин. Кто-то из царской свиты вскочил на «островок» в источнике Марии Магдалины в овраге парка. За ним прыгнул сам Петр и угодил в воду. Выпито было столько, что, по некоторым данным, Его Величеству вдруг стало плохо и его прямо в источник стошнило. В память об этом происшествии, о котором и сегодня сообщила бы вся мировая пресса, городские власти велели выбить на каменном бортике источника латинский текст такого содержания: «Петр Алексеевич, царь и великий князь Московии, сидя на краю этого источника, воду его облагородил, совершив возлияние вином, в третьем часу пополудни 16 апреля 1717 года». О точном смысле этих слов идут давние споры. Рядом с этим памятным местом был в 1856 г. установлен бюст Петра, подаренный Брюсселю Анатолием Демидовым, князем Сан-Дonato, одним из богатейших в то время людей России. Такой же бюст он подарил городку Спа, где царь, возвращаясь из Франции, целый месяц провел на водах.

В том же овраге парка легко заметить статую лежащей женщины — «Кающуюся Марию Магдалину», копию мраморной фигуры начала XVII в.⁵ Кое-кто полагает, что однажды Петра в Брюсселе ночью хватились, стали искать и застали утром в объятиях некоей прелестной горожанки. В память о нем и о ней, мол, и поместили в парке изображение лежащей дамы⁶. Не исключено, что эта байка появилась совсем недавно, для развлечения русских туристов, которые к свободному от условностей поведению своего великого соотечественника относятся обычно с пониманием и симпатией.

О чем у нас есть надежные сведения, так это о том, что 15 апреля русский монарх побывал в монастыре ордена картезианцев и провел там все утро у одного монаха, искусного токаря по дереву. Как известно, токарное дело, вытачивание деревянных фигурок было у Петра любимым хобби. О его визите в монастырь есть свидетельство Якоба Кампо Вейермана (1677—1747), одного из важнейших голландских писателей эпохи Просвещения. Автор сатир, пьес и биографий художников, прекрасно осведомленный обо всем, что происходило в интеллектуальной жизни Европы, он иронически комментировал людей и нравы своего времени. По его словам, он лично видел царя у картузианцев.

Памятник Петру Великому в Антверпене.
Скульптор *Георгий Франгулян*, 1998 (фото *Сергей Мезин*)

«В монастыре картузианцев в Брюсселе, — писал более четверти века спустя Вейерман, — в кельях монахов одиночество было порой столь же редким, как их благочестие. Особенно у достойного картузианца ван дер Элста в приемной было обычно больше господ высокого ранга, нежели братьев-чудотворцев. Я там однажды встретил царя Великой России, графа Чернина, маркиза де Вестерло⁷, генерала Врангеля и многих других знатных особ. Его келья иногда походила скорее на аудиенц-зал наместника Австрийских Нидерландов, чем на уединенные покои смиренного монаха»⁸.

О самом монахе по имени Филиппус ван Элст мы узнаем, что он был по происхождению дворянином, но, отринув свет, удалился в монастырь картузианцев и стал «одним из самых заслуженных членов своего ордена». «Царь Московии почтил патера двумя или тремя визитами, и этот выдающийся государь, суждения которого были пронизательны, как солнечные лучи, заявил, что весьма доволен ответами, данными патером ван дер Элстом на математические вопросы, предложенные Его Величеством»⁹. Филиппус ван дер Элст действительно жил между 1700 и 1729 годами в обители картузианцев в Брюсселе, где Петр и посетил его 15 апреля в сопровождении группы местных нотаблей. Наиболее вероятной причиной посещения была репутация монаха как чрезвычайно искусного токаря¹⁰.

Но встречал ли царя сам Вейерман?¹¹ Возможно, писатель только слышал о визите Петра и придумал из тщеславия, будто видел его. Франсискус Ливенс Керстеман, младший современник Вейермана и автор его биографии, вышедшей в Гааге в 1756 г., утверждает, что властитель России еще в свой первый приезд в Амстердам (1697), побывав инкогнито у писателя дома и очарованный его красноречием и умом, попросил Вейермана поехать с ним и стать его историографом и советником. Но тот, уже потеряв вкус к путешествиям, наотрез отказался¹².

О самом Петре, «государе несравненном», писатель в своих сочинениях неоднократно отзывался восторженно, сравнивая его то с великими реформаторами Лютером и Кальвином, а то и с царями Давидом и Соломоном¹³. Напротив, уровень цивилизованности державы Петра этот голландский деятель Просвещения оценивал невысоко. В 1722-м, через пять лет после своей возможной встречи с российским государем в Брюсселе, Вейерман в основанном им сатирическом журнале «*Ден Амстердамсен Хермес*» поместил сообщение из Петербурга, выражающее явные сомнения в успехе петровских реформ:

«Царь отобрал из молодых русских дворян, вернувшихся из-за границы, самых просвещенных, дабы определить их на службу ко двору своей дочери. <...> Что посещение чужих земель дворянство просвещает, неоспоримо. Однако вопрос, осуществляется ли сей

замысел с дворянством, составленным из чеснока, меда и перца, “Хермес” оставляет без ответа. Князь (Knees) или боярин столь же непригодны к приращению искусств и наук, как только что пойманная обезьяна к камзолу с кружевами и шляпе со страусиными перьями. Московиты подобны слабым желудкам, которые все целебное принимают с крайним отвращением и то новое, что им прописал доктор Петр, вероятнее всего, тут же из себя извергнут, едва он отойдет к праотцам»¹⁴.

Нетрудно заметить, насколько скептически относился Вейерман к «изменившейся России», как назвал тогда же эту страну ганноверский дипломат Фридрих Христиан Вебер (1721). По мнению последнего, русские за границей нередко производили впечатление самое благоприятное: «Некоторые русские путешественники своей учтивостью и приобретенным добронравием снискали себе любовь и уважение немцев и своим примером заставили поверить, что русский все-таки в состоянии стать честным и нравственным человеком, а следовательно, царь может сделать своих подданных истинными людьми». Впрочем, тот же Вебер отмечал, что коренных изменений в русских не произошло и, вернувшись к себе на родину, они свои внешние манеры отбрасывают¹⁵.

Проведя пять дней в Брюсселе, царь-реформатор отбыл в Гент. Город тщательно подготовился к его визиту, однако перед самым въездом в Гент Петр изменил свои планы и, не заезжая в город, направился прямо к каналу, где его ждала баржа, которая должна была доставить его в Брюгге. Это был не единственный раз, когда царь так обошелся с ожидавшими его гостеприимными хозяевами. Подобное случится и в ходе поездки во Францию:

«На дороге в Париж приготовлен был для Государя великолепный обед в Бове тамошним епископом, но Его величество там остановиться не разсудил, а когда ему находившиеся при нем спутники докладывали, что на пути такого обеда не получают, то сказал он им в ответ: “Для солдата был бы хлеб да вода, так он уж тем и доволен”»¹⁶.

Краткое пребывание Петра в Остенде его секретари в официальном путевом дневнике описали так:

«В 9 день Его Царское Величество изволил ходить по городу Остенду и смотрел фортеции. В тож время случилась быть в том городе екекуция или казнь вора́м, между которыми был один солдат також за вину приговорен к смерти, и оный просил Его Величества, чтобы для пришествия Его Величества от смерти был избавлен; и Его Величество милосердуя о том солдате, изволил говорить об нем тамошним управителям, чтоб они его не казнили: что они по предложению Его Величества немедленно исполнили, и онаго от смерти свободили»¹⁷.

За поездкой Петра по городам южных Нидерландов пристально следил голландский резидент в Брюсселе Эрнст Пестерс (1665—1728) и доносил обо всем великому пенсионарию Хейнсиусу. 19 апреля он сообщил:

«Его Царское Величество заявил, что весьма доволен своим пребыванием здесь и чрезвычайным приемом, который оказал ему господин маркиз де Прие. Вчера царь отбыл в Гент с намерением посетить порт Остенде и Мардикские шлюзы близ Дюнкерка. Но направится ли Его Величество дальше во Францию и каким путем вернется, узнать не удалось. Он сказал только, что хочет поехать пить воду в Спа, когда будет благоприятный для этого сезон»¹⁸.

Проехав Ниупорт и Вёрне, высокий гость покинул Австрийские Нидерланды и устремился во Францию, где на границе, в Дюнкерке, его торжественно встретили. По пути в Дюнкерк он увидел множество ветряных мельниц и сказал генерал-адъютанту П.И. Ягужинскому:

«То-то бы для Дон-Кишотов было здесь работы!»¹⁹

29 апреля голландский резидент в Брюсселе дал знать Хейнсиусу, что прием, оказанный царю в Дюнкерке, был более чем скромный²⁰.

ФРАНЦИЯ

В Дюнкерке Петр с большим вниманием осмотрел остатки укреплений, шлюзы и каналы. По Утрехтскому договору 1713 г. Франции пришлось разрушить свою крепость в Дюнкерке, со 178 пушками и 30 мортирами. «Зело жалка <так.> смотреть на руину сей фортеции, а наипаче гавани», — рассказал Петр в письме к оставшейся в Голландии Екатерине²¹. В Кале царь и его свита отпраздновали православную Пасху, предавшись обильным возлияниям. Там же, в Кале, державный властелин взял к себе на службу француза Никола Буржуа, отличавшегося невиданным ростом (227 см) и громадной физической силой. Художник Георг Гзелль напишет его портрет.

Пока Петр находился в Дюнкерке, маркиз д'Юкселль, руководивший в то время внешней политикой королевства, написал оттуда в Париж, прося прислать в распоряжение русского монарха «человека, сведущего в торговле на Балтийском море и достаточно сообразительного, чтобы исполнять приказы, которые будут ему даны, как относительно этой торговли, так и в иных отношениях. Необходимо, чтобы это был человек надежный, которому можно полностью доверять и который знает голландский, дабы он мог сам общаться с царем, говорящим на этом языке». По свидетельству

морского офицера, сопровождавшего гостя в Дюнкерке, «по-французски он не говорит совсем, он знает голландский. Но князь Куракин, который прибыл с ним и никогда от него не отходит, разговаривает на нашем языке достаточно хорошо»²².

Проезжая французские деревни, царь мог убедиться в крайней бедности местных крестьян, разоренных бесчисленными войнами Людовика XIV: «А сколько дорогою видели, бедность в людях подлых великая»²³. Как справедливо отметил биограф будущего императора А. Брикнер, «После посещения им самых богатых тогда в Европе стран, голландских и австрийских Нидерландов, его поражала бедность населения во Франции»²⁴.

Недалеко от Парижа царя ожидал почетный эскорт, в сопровождении которого тот въехал 7 мая во французскую столицу. В Лувре для русских гостей устроили роскошный ужин, однако Петр Алексеевич ограничился репой с хлебом и несколькими стаканами вина и пива. В газете «*Антверпсе Пост-Тейдингс*» от 14 мая мы находим небезынтересные детали: Петр въехал в Париж в карете, запряженной шестеркой лошадей; ужин в Лувре состоял из 800 блюд (мясо, рыба, десерт), но царь всего этого есть не стал, а скромно подкрепившись, стал осматривать украшения отведенных ему в Лувре покоев. Впрочем, ночевать в них, спать в красивойшей в мире кровати, принадлежавшей покойному Людовику XIV, он не пожелал и, снова сев в карету, отправился в резиденцию частную — в городскую усадьбу герцогов де Ледигьер, около Арсенала.

8 мая царя в его временной резиденции посетил регент герцог Филипп Орлеанский, управлявший страной от имени несовершеннолетнего Людовика XV, а два дня спустя прибыл и сам семилетний король. Хорошо известна картина художницы начала XIX в. Луизы Марии Жанны Эрсан: на ней изображено, как Петр поднимает мальчика на руки и целует его. В Париже царь побывал в Арсенале (там не только хранили оружие, но и отливали бронзовые статуи, украшавшие королевские дворцы), прогулялся по площадям с конными памятниками королям, внимательно изучая и переписывая латинские тексты на постаментах. Заходил в мастерские столяров и мебельщиков, беседовал с ними, а порой и показывал собственное умение вытачивать фигурки из дерева.

Современники сходились на том, что царь проявлял необыкновенную научную и практическую любознательность. Внимание его привлекали как редкости кунсткамер, так и ботанический сад, анатомический театр, обсерватория, географические карты, глобусы, а также Дворец правосудия (одеяния судей вызвали у него больше интереса, чем проходивший там судебный процесс) и Академия наук (существует легенда, что тогда его и избрали членом Академии, но на самом деле это произошло позднее — в декабре). Его

можно было увидеть в королевской библиотеке дворца Тюильри, в королевской типографии, Сорбонне, Академии надписей, на Монетном дворе и бесчисленных мануфактурах, где изготавливали стекло, чулки, гобелены.

Если верить Вольтеру, на могиле кардинала Ришелье в церкви Сорбонны Петр воскликнул: «Я отдал бы половину своего царства такому человеку, как ты, чтобы он научил меня, как управлять другой половиной». В базилике Сен-Дени он осмотрел надгробия французских королей. На Елисейских полях присутствовал при смотре войск. В Большой галерее Лувра его заинтересовали не столько картины (хотя он и отдал должное полотнам Рубенса и Ван Дейка), сколько макеты крепостей. В Париже Петр также заказал свой портрет.

Увлеченный в ту пору архитектурой и садами, он ознакомился не только с Лувром и Тюильри, но и с Люксембургским дворцом, дворцом Пале-Руаяль, Домом инвалидов, в котором Людовик XIV открыл приют для ветеранов его войн. Взобрался на одну из башен собора Парижской Богоматери и прокатился в лодочке по Сене. Посетил некоторые королевские резиденции и за пределами столицы: Медон, Сен-Клу, Фонтенбло, Версаль и Марли. Классицизм показался ему слишком строгим: он предпочитал барокко.

По субботам Петр и его свита ходили в баню, оборудованную на берегу Сены. Поглазеть на то, как русские после парилки прыгают прямо в реку, собирались толпы парижан²⁵. Брюссельская газета «*Релясьон Веритабль*» 28 мая сообщила из французской столицы: «Царь <...> моется ежедневно один раз в день». Для тогдашнего Парижа такое известие было явной сенсацией!

Вообще «центр цивилизации» ждал восточного владыку с нетерпением. Историк Жан Бургиньон справедливо замечает: «В то время редко видели, чтобы монархи совершали столь далекие путешествия, и появление во Франции русского царя не могло не вызвать большого удивления». В Париже о Петре Великом даже распевали песенку:

«Сколько радости наш Париж
И все мы увидели в эти дни!
Сей славный князь и государь
К нам вдруг возьми да загляни.
Покинул он свои края,
Чтоб почтить нашего короля.
Король Людовик, о коем речь,
Послал людей ему навстречь.
Далекой Московии властелин
Везде почитаем и знаменит —
Как по Парижу он будет гулять,
Каждый с радостью поглядит»²⁶.

В интеллектуальных кругах Франции первым, еще до Вольтера, свой вклад в создание культа царя-реформатора внес один из духовных отцов Просвещения философ Бернар де Фонтенель (1657–1757). Еще в 1715 г., назвав Петра «царем, задумавшим величайшую и благороднейшую вещь, какая только могла прийти в голову монарху, а именно вывести своих подданных из варварского состояния и ввести у них науки и искусства», Фонтенель без колебаний поставил его на одну доску с великим философом Лейбницем²⁷.

Другим почитателем Петра, который к тому же лично с ним познакомился, был герцог Луи де Сен-Симон (1675–1755), член Регентского совета, управлявшего страной до совершеннолетия Людовика XV, автор знаменитых мемуаров. Он принадлежал к тому меньшинству французской элиты, которое было настроено по отношению к властителю России благосклонно. Весьма лестным для Петра было сравнение его Сен-Симоном с античными героями: «...Я не возьму на себя смелость изобразить такого великого и славного государя, подобного величайшим мужам древности, который вызывал восхищение в своем веке и будет вызывать в веках грядущих и которого вся Европа из всех сил старалась узнать».

Необыкновенная любознательность царя, «обширность познаний и нечто неизменно последовательное» в нем резко отличали его от родины («варварский характер его происхождения, его страны и его воспитания») ²⁸. И если кое-кто из принимавшей Петра французской знати считал, что он «рожден быть не более чем боцманом на голландском судне» ²⁹, то Сен-Симон, напротив, находил в простоте русского гостя черты благородства: «При всей этой простоте, в какой бы плохой карете и с каким бы сопровождением он ни был, нельзя было обмануться, видя его величественный облик, присущий ему от рождения» ³⁰.

Андрей Нартов будет вспоминать: «Надобныя языки для России почитал он голанской и немецкой, а с французами, говаривал он, не имеем мы дела» ³¹.

Чрезмерная приверженность церемониям, преувеличенная учтивость и расточительство французской аристократии Петра отталкивали. «Роскошь, какую он здесь заметил, его премного удивила, — отмечал Сен-Симон, — Уезжая, он посочувствовал королю и Франции и сказал, что с прискорбием видит, что роскошь эта ее скоро погубит» ³². Сен-Симону вторил еще один очевидец пребывания царя в Париже: «С тех пор как он здесь, он уже тысячу раз сказал, что, глядя на Францию, плачет и предвидит, что наш маленький король потеряет державу из-за роскоши и излишеств, которые в ней обретаются» ³³. Самая импозантная европейская столица произвела на Петра немалое впечатление, однако ему приписывают такие слова: «И жалею при том, что город сей рано или поздно

от роскоши падет или от смрадной вони вымрет»³⁴, или, как запомнилось Нартову, «Добро перенимать у французов художества и науки. Сие желал бы я видеть у себя, а в прочем Париж воняет»³⁵.

Как бы кто ни оценивал в то время в Париже личность и заслуги Петра, остается неоспоримым, что визит его повлиял на развитие французской мысли больше, чем приезд какого-либо иного высокопоставленного гостя³⁶.

НА ОБРАТНОМ ПУТИ В ГОЛЛАНДИЮ

Возвращаясь из Франции в Республику Соединенных Провинций, царь вновь оказался в Южных (Австрийских) Нидерландах. Его целью было пройти курс лечения на водах в Спа. Сопровождал государя его лейб-медик Роберт Эрскин. Шотландец Эрскин учился медицине в Эдинбурге, Утрехте и Париже, в 1703 г. стал членом лондонского Королевского общества. Поначалу он состоял личным врачом Меншикова, потом его взял к себе сам государь. По свидетельству побывавшего в России Корнелиса де Бруина, Эрскин «получает по контракту тысячу пятьсот золотых дукатов в год» и «завоевал большое уважение у людей не только своей опытностью и знаниями, но и любезностью и обходительностью»³⁷. Годовое жалованье Эрскина, 3000 рублей, было необычайно высоким, Петр своего врача очень ценил, но порой бывал им и другими докторами недоволен.

В письмах из Спа он не раз жаловался оставшейся в Гааге Екатерине на врачей, называя их «запретительными человеками»: они настаивали, чтобы он ради собственного здоровья был поумереннее в любви. 29 июня царь без малейшего смущения объяснял жене: «...А понеже во время питья вод домашней забавы дохторы употреблять запрещают, того ради я матресеу свою отпустил к вам; ибо не мог бы удержатца, ежелиб при мне была»³⁸. В своих «Анекдотах о Петре Великом» Якоб фон Штелин отрицал, что у его героя были «наложницы или метрессы, хотя он всегда был ловким охотником, который часто и не особенно различая стрелял влет...»³⁹. В русских переводах сборника, вышедшем еще в XVIII в., этого сюжета мы не находим⁴⁰. Впрочем, царь искренне скучал и по жене, своему «сердечному другу», надеясь, что у них все-таки родится новый наследник: «А что пишешь, ежелиб я был, то-б новова шишеньку зделали, — дай Боже, чтобы пророчество твое збылось!»⁴¹.

В течение всего месяца, проведенного в Спа (июнь—июль 1717 г.) Петр, помимо питья минеральной воды, прогулок и развлечений, занимался также делами. Там к нему поступила просьба от парижской Сорбонны — изучить возможность унии между Русской Православной Церковью и римско-католической; памятную записку

Мраморная плита с латинским текстом в память о пребывании Петра в Спа (фото *Вим Куденис*)

об этом царь направил священноначалию Русской Православной Церкви. В Спа он принял своего антверпенского агента банкира Стеффано, с помощью которого думал установить торговые связи России с Австрийскими Нидерландами. Однако главным делом были поиски сбежавшего сына. Именно в Спа до Петра дошло известие, что царевич Алексей скрывается в Австрии, а ведь Австрия была в тот период союзницей России. Ко двору императора Карла VI были посланы опытные дипломаты, чтобы отыскать и вернуть отцу блудного сына.

Месяц на водах в Спа укрепил здоровье Его Величества, и он не скрывал удовлетворения. В благодарность за лечение и на память о своем приезде он в следующем году подарил городу выполненную амстердамским скульптором черную мраморную доску, которую можно увидеть в Спа и сейчас. Ее латинский текст представляет собой целую политическую программу властелина России:

«Петр Первый, Божией милостью Император Всероссийский,
Благочестивый, Счастливый, Непобедимый,
В своем народе воинского дела восстановитель,
Всех наук, теоретических и прикладных, основоположник,
Построив собственной доблестью
Могучий военный флот,
Значительно увеличив свои войска,
Безопасность владений, и наследственных, и завоеванных,
В огне, богиней войны разожженном, обеспечив
И изучив нравы различных народов Европы,
Прибыл через Францию, Намюр и Льеж,
К этим водам Спа,
Как в спасительную гавань.
С успехом он пил целебные воды, особенно из источника Жеронстер,
И вернул себе прежнюю силу и здоровье
23 июля 1717 года.
Затем вновь посетив Голландию
И возвратившись в державу своих предков,
Повелел установить здесь
Этот вечный памятник его благодарности
В год 1718-ый»

Немецкий историк Райнхард Виттрам формулирует выраженную в этой надписи политическую декларацию царя так:

«Все ключевые слова подобраны с умыслом: императорский титул, прикладные науки, атрибуты власти, безопасность державы, обеспеченная собственными силами. Здесь в самую сжатую форму втиснуто то, как именно Петр в то время хотел, чтобы его оценивали. Одновременно это нечто вроде завещания»⁴².

Целебный источник на курорте Спа,
где Петр пил воду в 1717 году (фото *Вим Куденис*)

Под впечатлением от действенности минеральных вод Спа царский лейб-медик Эрскин, носивший также звание «архиятр», т.е. ведавший всей медициной России, стал поощрять там развитие минералогических курортов. Из Спа Петр прислал своим сенаторам указ:

«Господа Сенат! По получении сего, велите Доктору Шуберту искать в Нашем Государстве (а особливо в таких местах, где есть железные руды) ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней, на приклад, какими в здешних краях пользуются, как Пирмонтская, Шпавассер [воды Спа] и проч».

В 1718 г. Эрскин сам поехал лечиться на первый в России курорт — на воды в Олонец (Карелия), где и скончался⁴³.

Жители Спа, в первую очередь торговцы и трактирщики, постарались извлечь как можно больше пользы из посещения города русским царем. Уже в первые два года после этого число иностранных гостей на курорте заметно возросло. В 1782 г. Спа посетил великий князь Павел Петрович, в 1818-м император Александр I, а два года спустя, в недолгий период, когда Голландия и Бельгия составляли единое королевство (1815–1830), сестра Александра I и Николая I Анна Павловна, супруга будущего короля Нидерландов, возвела над источником, названным в честь ее великого предка, новый павильон. В 1856 г. Анатолий Демидов, князь Сан-Донато, подарил городу бронзовый бюст Петра I, копию того, что был преподнесен Брюсселю.

25 июля 1717 г. Петр отбыл из Спа в Ахен, тоже известный минеральными источниками, и провел там два дня. Оттуда он направился в Маастрихт и Амстердам. Пребывание его в Австрийских Нидерландах завершилось, и принимавший его маркиз де Прие мог с облегчением доложить 5 августа императору в Вену, что «царь <...> весьма удовлетворен теми знаками внимания и приемом, которые были ему оказаны во владениях Вашего Величества»⁴⁴.

Примечания

1. О пребывании Петра в Австрийских Нидерландах см. мою книгу: *Вагеманс Э.* Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007.
2. Stadsarchief Brussel. Handschrift nr. 33. Beschryvinghe der edele stadt van Brussel... (1720). Fol. 4. Как и Антверпен, Брюссель находится в исторической области Брабант, которая некогда была отдельным герцогством.
3. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого... Т. V. С. 308.
4. Koninklijke Bibliotheek Brussel. Handschrift nr. 1711. De Bleye. Beschryving ofte Kronycke der stad Brussel... Fol. 634–635.
5. *Renoy G.* Quartier Royal. Brussel, 1980. P. 126; *Ронин В.К.* В центре Брюсселя. Историко-культурный путеводитель. Антверпен, 2013. С. 182–183.

6. Этот совершенно не согласующийся с источниками рассказ я обнаружил 12 июня 2012 г. на сайте Сергея Фаустова (<http://faustov.ru/?cat=9&paged=2>).
7. Граф Франц-Йозеф фон Чернин был зятем графа Жана-Филиппа-Эжена де Мерода, маркиза де Вестерло, который сопровождал царя во время его пребывания в Брюсселе.
8. *Weyerman J.C. Eenige scherpe aanmerkingen over de Historie des Pausdoms. Amsterdam, 1734. P. 60.*
9. *Weyerman J.C. Historie des Pausdoms. Amsterdam, 1725. Vol. I. P. 159.*
10. *Vet de J.J.V.M. Weyerman en zijn kartuizer. P. 179–208.*
11. Скептически относится к свидетельству писателя также исследовательница Рит Хогма (*Hoogma R. Peter de Grote en de Russen in het werk van Jacob Campo Weyerman. P. 42*).
12. *Kersteman F.L. Zeldzaame levens-gevallen van J.C. Weyerman. Leiden, 1994. P. 78–79.*
13. *Weyerman J.C. De Levens-beschryvingen der Nederlandsche Konst-schilders... Vol. IV. P. 8–10; Idem. De Achtste 't Zamenspraak... P. 80–86.*
14. *Weyerman J.C. Den Amsterdamschen Hermes I (1722). P. 81–82.*
15. *Weber F.C. Das Veränderte Rußland. Hannover, 1721. S. 12. См. также: Matthes E. Das Veränderte Rußland und die unveränderten Züge des Russenbilds. S. 109–135.*
16. *Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом. С. 109.*
17. История швейцарской войны. С. 615.
18. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 220.*
19. *Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. С. 313.*
20. *De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 231.*
21. Письма русских государей... Т. I. С. 64.
22. *Teil du J. Le czar a Dunkerque (1717). P. 115, 160.*
23. Письма русских государей... Т. I. С. 66.
24. *Брикнер А. История Петра Великого. Т. II. С. 155.*
25. Петр Великий в русской литературе. С. 101.
26. *Bourguignon J. Un Empereur de Russie dans les Ardennes // Revue d'Ardenne et d'Argonne. T. IX. N° 1–2. Sedan, 1901–1902. P. 2.*
27. Цит. по: *Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie. P. 18.*
28. *Saint-Simon de L. Mémoires complets et authentiques. T. VI. Paris, 1996. P. 347, 352–353, 362.*
29. Цит. по: *Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie. P. 19.*
30. *Saint-Simon de L. Mémoires complets et authentiques. T. VI. P. 354.*
31. *Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом. С. 90.*
32. *Saint-Simon de L. Mémoires complets et authentiques. T. VI. P. 363.*
33. *D'Allonville de Louville C.A. Mémoires secrets sur l'Etablissement de la Maison de Bourbon en Espagne. Vol. II. Paris, 1818. P. 240.*
34. Петр Великий в русской литературе. С. 169.

35. *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом. С. 103. Высказывание это известно в двух вариантах. Один из них кончается словами «а не пере-нимать их нрава» (Там же. С. 60).
36. *Mohrenschildt von D.S.* Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France. P. 33. «Величайшим из иностранных гостей, которых когда-либо принимал Париж», назвал его французский историк Альфред Никола Рамбо (цит. по: *Lossky B.* Le séjour de Pierre le Grand en France. P. 303).
37. *Bruin de C.* Reizen over Moskovie, door Persie en Indie... P. 452.
38. Письма русских государей... Т. I. С. 70.
39. *Stählin von J.* Originalanekdoten von Peter dem Großen. S. 131.
40. Выражаю благодарность петербургскому коллеге Павлу Кротову, кото-рый просмотрел два первых русских перевода Штелина: 1786 и 1787 годов.
41. Письма русских государей... Т. I. С. 72–73.
42. *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Bd. II. S. 321.
43. *Рухтер В.М.* История медицины в России. Т. III. М., 1820. С. 120–129.
44. Цит. по: *Gachard [L.P.]* Le voyage de Pierre le Grand dans les Pays-Bas Autrichiens, en 1717. P. 519–520.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В ГОЛЛАНДИИ: июль – сентябрь 1717

МАОСТРИХТ

Из Ахена Петр прибыл 27 июля в Маастрихт. Гостеприимным хозяином там выступил Даниэль Вольф де Допфф (1650–1718), военный инженер, который с 1694 г. был комендантом города, а с 1713-го — губернатором. У него было все, чтобы понравиться царю: участник крупных сражений своей эпохи — против турок и французов, строитель форта св. Петра в Маастрихте для защиты города от французских войск... Император Леопольд I сделал Допффа имперским рыцарем, но сам он называл себя бароном и к тому же с французской дворянской частицей *de*. В 1697 г. он купил себе замок Эгермонт, один из красивейших в окрестностях Маастрихта, и капитально его отреставрировал.

Допфф показал гостю цитадель и форт св. Петра с подземными ходами, после чего устроил в его честь банкет в ратуше. На следующий день состоялся праздник для народа: члены гильдии речных шкиперов старались взять штурмом некое деревянное укрепление, возведенное на столбе прямо посреди реки Маас, а смотревшему на это царю и его свите были предложены тем временем напитки и закуски. Губернатор дал обед в своем замке. После обеда и прогулки по лесу Его Величество вернулся в город и в доме бургомистра Филиппюса Керенса, где провел две ночи (этот просторный дом на улице Бокстрат, с видом на Маас, был в 1849 г. снесен¹), распрощался с городскими властями. Затем он отбыл на яхте по реке в провинцию Голландия, провожаемый троекратным залпом крепостных пушек. Обо всем этом уже 3 августа в деталях рассказала своим читателям газета *«Амстердамсе Курант»*.

Посещение Маастрихта 27–28 июля — единственный эпизод, описанный в официальном путевом дневнике Петра очень подробно:

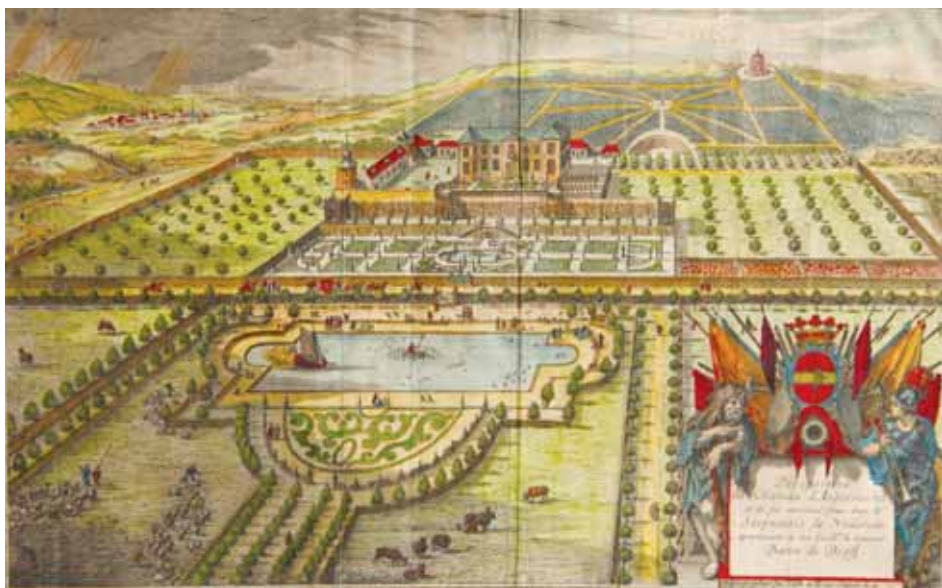
*Й.В. Тишбейн. Портрет барона Допффа
(Дворец Неекканне, Маастрихт)*

«А по-полудни в первом часу оттуда поехал, и отъехал три мили, по-полудни в четвертом часу прибыл в город галанской Мاستрихт. И там встречал его величество мастрихтской генерал и губернатор с кавалериею, и для приезда его величества стреляли из города ис пушек три раза, во время шествия его величества народу было множество. И по-полудни в 5-м часу ездил в крепость, которая от Мастрихта в двух верстах, и там для приезда его величества також стреляли ис пушек три раза. И оттуда прибыв, изволил быть в ратуше, где бургомистры трактовали, и ввечеру прибыл на свою квартиру.

В 17 день [28 июля] поутру ездил в театрум, и оттуда гулял в роще, а из рощи паки приехал в театрум, и там смотрел потехи, которая была в девятом часу поутру на воде среди реки Мазы [Маас] таким образом. Зделан был столб, вышины три сажени от воды, на вершине того столба зделана будка, в которой посажены были два человека салдат, кои пред начинанием (как к ним другие с низу от воды стали приступать) сверху бросали гранаты деревянные, особливо на тех, которые к ним приступали лесницами, и многих с лесниц шестами збрасывали в воду. И было того действа з два часа, потом тех двух, которые в будке, осилили и взяли. В то время смотрели множество народу со всех сторон как на сухом пути, так и на воде на судах и на прамах, и у тех, кои смотрели на воде, была разная музыка. По окончании той потехи его величество был у помянутого генерала-губернатора и там обедал, и оттуда приехал на шойты, которые были приготовлены для шествия его величества в Амстердам. И по-полудни три часа его величество поехал из Мастрихта на шойтах [барках], которых тянули лошадьми. При отъезде его величества салютовали з города троекратно стрельбою из всех пушек»².

В обычно немногословном путевом дневнике столь подробная запись о пребывании Его Величества в Маастрихте говорит о том, что прием Петру и его свите очень понравился. Еще 6 июля, пока Петр лечился в Спа, Генеральные штаты разослали во все города Республики Соединенных Провинций, которые предстояло проехать русскому монарху, письма с извещением, что он вскоре через Маастрихт и Неймеген отправится в провинцию Голландия. Руководители страны потребовали от губернаторов и комендантов оказывать ему, «как это принято», необходимые почести, салютуя из пушек и предоставляя эскорты³.

Записи в реестре маастрихтского гарнизона позволяют проследить день за днем перемещения воинских отрядов, чаще всего конных, выделенных губернатором для сопровождения «Его Царского Величества». Эскорт из 50 драгун со знаменем встречал его 26 июля на полпути между Ахеном и Маастрихтом. На следующий день 400 солдат, 16 сержантов и шесть офицеров были расставлены «у всех

Дворец Неерканне в Маастрихте. Гравюра XVIII в.

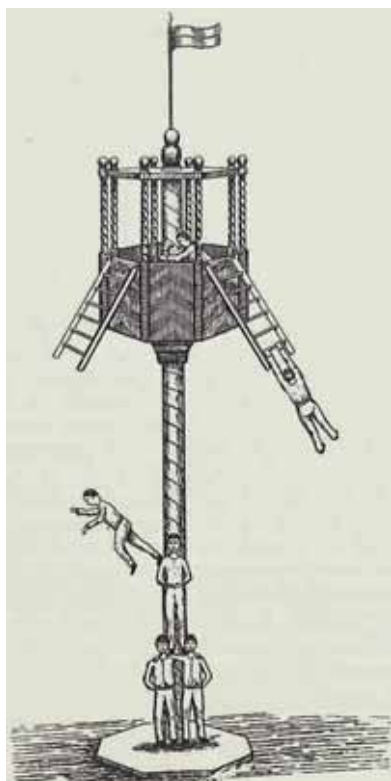
Книга о дворце Неерканне в начале XVIII века
(*François Halma. Het kasteel van Aigermont... Leeuwarden, 1715*)

ворот и на малых постах», чтобы пройти парадом, приветствуя августейшего путешественника. Губернатор предложил царю остановиться у него, но тот предпочел дом бургомистра. Там Петра 27 июля около четырех часов пополудни приветствовал магистрат, предложивший ему полдник в ратуше, «на который Его Царское Величество согласился». Гостю города, по обычаю, подносили кувшин вина, и в ратуше Маастрихта хранятся несколько таких оловянных кувшинов.

Осмотреть форт св. Петра, построенный Допффом незадолго до этого визита, попросил губернатора сам Петр. Когда карета, сопровождаемая 12 рейтарами под командованием корнета, въехала в форт, все его пушки трижды салютовали высокому посетителю. «Его Царское Величество осмотрел форт снаружи и изнутри», включая подземные ходы. Вечером того же дня Петра опять «угощали в ратуше члены магистрата с некоторыми дамами». Однако он рано удалился к себе в покои, «а господа и дамы танцевали». На следующий день, после потешного штурма маленькой крепости посреди реки, губернатор принимал царя со свитой у себя в загородном замке, показав ему также сад и окрестный лес. Затем гости вернулись в Маастрихт, откуда, распрощавшись с Допффом и отцами города, отплыли на яхте в провинцию Голландия⁴.

Единственный русский источник, в котором сообщается о том, что в Маастрихте вниманию Петра был предложен театральный спектакль, — путевой дневник («ездил в театрум»). В архивах города сведений об этом нет, однако в истории местного театра (он был создан губернатором Допффом, и в 1714-1718 гг. там играла французская труппа под руководством Дю Бюиссона, которая после смерти Допффа уехала, так как новый губернатор не хотел, чтобы в городе был театр⁵) сохранилось воспоминание о том, что 27 июля Допфф пригласил своего гостя на трагедию Пьера Корнеля «Горации», за которой последовали вокальный и инструментальный концерт и балет⁶. Трагедия рассказывает о семейной драме древнеримского рода Горациев, и в основе ее лежит, как всегда у Корнеля, конфликт любви и долга. Можно смело предположить, что Петр, практически не знавший французского языка, мало что понял в торжественных стихах великого поэта, а между тем они в какой-то мере предвосхищали собственную трагедию царя, которому предстояло по возвращении в России судить и обречь на смерть родного сына.

Городу этот визит обошелся в 3117 гульденов и 6 стюйверов. В эту сумму вошли расходы на устройство банкета в ратуше и народной потехи на реке, включая вознаграждение ее участникам: семь бочек пива по 12 гульденов бочка и 500 гульденов наличными. Победитель штурма укрепления, некий Хендрик Кнопс, счел, что

Взятие крепости на реке Маас
(M. Schoonbrood & J.S. Grossier.
Schetsen uit de geschiedenis
van Maastricht en omstreken.
Maastricht, 1924)

ему заплатили слишком мало и попросил «за свою отвагу» предоставить ему бесплатно статус полноправного бюргера Маастрихта, и эту просьбу городские власти уважили⁷.

Говорили, что именно во время пребывания Петра в Маастрихте губернатор, вынужденный с ним повсюду ходить с непокрытой головой, как того требовал этикет, простудился и менее чем через год скончался⁸. Как сказано в одном посмертном панегирике ему, барон де Допфф «унес с собой в могилу сожаления всех горожан, уважение всех военных и дружбу всех монархов, заслуженные им благодаря свое-

му благородному образу мыслей, своему бесстрашию и услугам, оказанным отечеству и иностранным государям. <...> Кончину его следует приписать его тяжким трудам, когда он сопровождал повсюду царя Московского»⁹.

В Маастрихте можно найти и еще одно напоминание о посетителе из России. На улочке Ахтер-хет-Влейсхёйс, над дверью дома номер 10, помещен камень с латинской надписью «aDVenIt CzarVs MosChoVlae (Сюда прибыл царь Московии)». Это хронограмма, т.е. все заглавные буквы в надписи являются одновременно римскими цифрами — *M* (1000), *D* (500), *C* (100), *L* (50), *V* (5) и *I* (1) — и дают в сумме дату: 1717 год. Надпись перенесена с дома барона де Крассира на улице Бокстрат, где Петр провел одну ночь. В 1840 г. дом снесли¹⁰, но сохранился рисунок с его изображением, выполненный Филипом ван Гюлпеном незадолго до сноса. Надпись на нидерландском языке, связанная с Петром, высечена на стене одной из пещер позади принадлежавшего губернатору Допффу замка

Ратуша Маастрихта
(*Pieter Post. La nouvelle maison de ville de Maastricht. Leiden, 1715*)

*Александр Таратынов. Бюст Петра во дворце Неерканне
(фото Вим Куденис)*

Надпись «За Мясным домом № 10» в Маастрихте
(фото *Вим Куденис*)

Надпись о пребывании царя Петра в пещере
в замке Нерканне в Маастрихте (фото *Этьен ван Слун*)

Эгермонт: «Здесь был царь Московии 26 июля в год 1717-й»¹¹. Кто эту надпись сделал, не узнать уже никогда, но вряд ли это был Петр: он не назвал бы себя царем Московии.

О визите русского властителя в ратушу Маастрихта существует легенда, помещенная на сайте города. Согласно этой легенде, 27 июля 1717 г., когда городские власти угощали Петра обедом в ратуше, ему поднесли роскошно изданную за два года до этого книгу с рисунками голландского архитектора и художника XVII в. Питера Поста¹², построившего ратушу. Высокий гость пролистал книгу с интересом, но нашел, что она слишком тяжела, чтобы тащить ее с собой в далекую поездку, и что вес этого издания несоизмерим с его не столь уж большой практической ценностью. С решительностью просвещенного деспота он просто вырвал из книги два изображения, которые ему особенно понравились: башню ратуши и ангела на первом листе. Книгу же оставил в ратуше, где ее сохранили как мемориальный раритет. В Москве царь вспомнил башню маастрихтской ратуши, когда решался вопрос о том, какую колокольню возвести в Троице-Сергиевой лавре. Ее колокольня — точная копия башни¹³.

На том же сайте эту лестную для города легенду опровергает местный знаток России, который не обнаружил между колокольней Троице-Сергиевой лавры и башней маастрихтской ратуши ничего общего. Однако сравнивать в лавре надо не с колокольней, а с Уточной башней: ее большое сходство с башней ратуши в Маастрихте впервые отметил искусствовед Б.Р. Виппер¹⁴. В своем электронном письме ко мне от 13 апреля 2012 г. Серве Минис из маастрихтского Городского отдела культурного наследия высказал предположение, что легенда о вырванных Петром страницах из книги родилась позднее, но «некоторую достоверность» ей придает тот факт, что Уточная башня вполне соответствует выполненному архитектором рисунку с проектом башни ратуши, в то время как в самом Маастрихте от проекта несколько отклонились, построив башню не каменную, а деревянную, обшитую свинцом. Историк архитектуры из Петербурга Сергей Горбатенко, в свою очередь, убежден, что маастрихтская ратуша явилась для Петра источником вдохновения при возведении собора в Петропавловской крепости: воздвигнутый над ратушей крест мог послужить образцом для шпиля собора.

«Маастрихтская ратуша увенчана крестом, на который левой рукой опирается ангел, несущий в правой пятиконечную звезду. Если сравнить его фигуру с изображенной на проектом рисунке Д. Трезини 1722 года, сходство двух ангелов представляется очевидным»¹⁵.

«Утичья башня» в Сергиевом Посаде и Ратуша Маастрихта
(Б.Р. Вуннер. Архитектура русского барокко. М., 1978)

Картина местного художника Серве Миниса, изображающая визит вел. кн. Марии Владимировны в Неерканне в 1991 году (Дворец Неерканне, фото *Вим Куденис*)

Надгробие Питера Флорисзона в Гроте Керк в Хорне

Покинув Маастрихт, Петр проследовал через города Маасейк, Рурмонд, Венло, Гауда и Граве. В Маасейке врач Михил Корстен, который с 1702 по 1732 г. вел дневник, записал:

«О царе или императоре Московии. В июле, думаю — 28-го утром, проплыл здесь корабль с царем Московии (это примерно то же, что император или король), направляющимся из Франции через Брабант в Голландию, где, как говорят, находится его жена. Одет он просто, и людей при нем мало. О цели его знают только, что он хочет осмотреть страну, и это несколько странно и ничего подобного никто никогда не видел и не слышал»¹⁶.

Того же мнения придерживались и многие другие современники.

В Граве царь сошел на берег. Можно с уверенностью сказать, что он осмотрел там укрепления, выдержавшие в прошлом не одну осаду. Граве расположен на границе областей Брабант и Гелдерланд, а потому многие, будь то испанцы, голландцы или французы, стремились захватить этот стратегически важный центр.

2 августа венценосный путешественник вернулся в Амстердам, где к нему на следующий день явились представители Генеральных штатов граф Албемарл и Хьюго Репелар. Великому пенсионарию Хейнсиусу они доложили:

«После того как вчера вечером около половины девятого Его Величество царь Великой России прибыл без всякой огласки в этот город, сегодня утром мы попросили у него аудиенции, каковая и была нам дана в три часа. Мы имели честь вторично поприветствовать Его Величество в этом городе и высказать ему соответствующие пожелания от имени Высокомочных [Генеральных штатов], на что Его Величество ответил, что это ему очень приятно, и попросил нас поблагодарить Высокомочных от его имени»¹⁷.

ХОРН

В начале августа Петр побывал на рейде Ост-Индской компании у острова Тексел и в городе Хорн. Из официального путевого дневника: «В 27 день [7 августа] их величества поутру на яхте пришел к одному карабю остинскому, называемому «Елизабет», которой в 38 пушек, и на оном его величество изволил быть. Тот карабль нагружен пряными зельями, и на оном изволил быть с четверть часа, потом поехали назад и, доехав до Горна [Хорна], начевали»¹⁸. На рейде острова Тексел суда компании останавливались по пути в Азию за пряностями, хлопком, шелком и фарфором — и обратно. В XVII—XVIII вв. там было очень оживленно: шла погрузка и разгрузка, а на дамбе стояло множество зевак. Корабль «Элизабет»,

построенный в 1714 г. для амстердамского отделения компании, бороздил океаны вплоть до 1738-го.

Согласно неопубликованной хронике города Хорн, в прекрасный безветренный день 6 августа 1717 г. бургомистр Дирк ван Форест, который по совместительству был в Хорне управляющим отделения Ост-Индской компании, прибыв на рейд острова Тексел, чтобы команду очередного вернувшегося из Азии судна «освободить от присяги и службы», встретился с русским царем, которого сопровождали царица и его вельможи. Их туда доставили две адмиралтейские яхты из Амстердама. Со своей яхты царь на шлюпке с гребцами добрался до яхты Дирка ван Фореста. Тот его со всеми почестями принял, и «после часового разговора Его Величество попрощался и отбыл на шлюпке на одну из тех яхт, провожаемый салютом из пяти пушек»¹⁹. Поскольку Дирк ван Форест (1676–1717) принимал Петра как представитель Ост-Индской компании, а не в качестве бургомистра, то в Городском архиве Хорна никаких упоминаний о визите русского государя не найдено.

В Хорне Петр Алексеевич навестил своего «бывшего учителя математики и штурманского дела» Яна Альбертсзона ван Дама (1670–1746), которого ему в свое время порекомендовал бургомистр Амстердама Николас Витсен²⁰. Ученик крупнейшего в XVII в. голландского математика Дирка ван Ниропа²¹, Ян ван Дам был не только математиком, но и астрономом, землемером и поэтом²². По словам местного историка, в Хорне гость из России велел открыть ему двери склепа вице-адмирала Питера Флорисзона, уроженца Хорна, погибшего в 1658 г. в проливе Эресунд между Данией и Швецией. Голландский флотоводец, воевавший, в частности, со шведами, несомненно, интересовал Петра и вызывал у него уважение — отсюда желание царя посетить могилу героя²³. Визит в Хорн, увы, не прошел без помех: «Когда царь осматривал верфи, любопытствующих собралось столько, что он разгневался и быстро покинул город»²⁴.

АМСТЕРДАМ

В августе в Голландии царица Екатерина заступилась за одного заключенного в городке Монникендам, близ Амстердама. Это был, как пишет Якобус Схелтема, Николас Мейс ван Холей (1653–1717)²⁵, амстердамский адвокат, осужденный в 1708 г. на 25 лет тюрьмы за то, что, затеяв процесс против некоей вдовы, которую он обвинял в незаконном присвоении наследства ее покойного мужа, печатал «клеветнические письма, прошения и иные подстрекательские писания, оскорбляющие и бесчестящие судью и других особ»²⁶. По отбытии наказания он должен был быть навечно изгнан из провинции Голландия.

Почему Схелтема решил, что речь шла именно об этом лице, остается загадкой, ведь адвокат 18 мая 1717 г. скончался²⁷, а прошение о помиловании было подано лишь летом. 19 августа князь Куракин от имени царицы обратился к провинциальным штатам Голландии и Западной Фрисландии с просьбой о встрече «ради человека, находящегося в заключении в Монникендаме из-за непредумышленного убийства». Посол попросил узника помиловать и выразил надежду, что штаты «не причинят Ее Величеству огорчения, отказав в этом»²⁸. Еще 4 августа граф Албемарл передал Хейнсиусу слова Куракина о том, что «царица принимает близко к сердцу дело человека, сидящего в тюрьме в Монникендаме, и надеется, что ее просьба будет исполнена»²⁹. С 6 по 8 августа из Монникендама Хейнсиусу отвечали, что «ходатайство Ее Царского Величества о спасении тем или иным образом этого заключенного» поступило слишком поздно и отсрочить казнь уже невозможно. И если власти хотели пойти царице навстречу, то им следовало принять все необходимые правовые меры своевременно. Из той же переписки мы узнаем, что судьи (целых 24 человека) долго и горячо спорили, прежде чем единогласно постановить, что казнь осужденного все-таки состоится³⁰.

То, что это прошение о помиловании не было удовлетворено, должно было не на шутку рассердить Петра, тем более что подобное его заступничество 20 апреля того же года в Австрийских Нидерландах как раз возымело действие. Когда он осматривал Остенде, рассказано в путевом дневнике, «случилась быть в том городе экзекуция или казнь вора, между которыми был один солдат також за вину приговорен к смерти, и онный просил Его Величества, чтобы для пришествия Его Величества от смерти был избавлен; и Его Величество милосердуя о том солдате, изволил говорить об нем тамошним управителям, чтоб они его не казнили: что они по предложению Его Величества немедленно исполнили, и онаго от смерти свободили»³¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в путевом дневнике успешное заступничество государя за осужденного узника в Остенде подробно описано, тогда как о подобном же ходатайстве в Республике Соединенных Провинций даже не упоминается. В составленном для потомства официальном отчете о поездке не могло быть, очевидно, и следов какого-либо дипломатического конфликта. Между тем 22 октября, уже после того как высокие гости покинули Голландию, посол Куракин повторил настойчивую просьбу царицы о помиловании того же узника³². В протоколах городской управы Амстердама за 28 апреля 1718 г. отмечено, что «ходатайствовать за несчастного заключенного и осужденного в Монникендаме ради его помилования продолжают с тем же рвением», будь то князь

Куракин или граф Албемарл, заявивший, в частности, что узник уже начинает сходить с ума. Поэтому городская управа приняла предложение «друзей Питера де Негре» передать его им, «чтобы он находился у них до тех пор, пока не будет в состоянии, позволяющем вывезти его за пределы страны»³³. Так русский самодержец в конце концов добился своего.

В том же августе 1717 г. в Амстердаме скончался его бывший бургомистр Николас Витсен, знаток России, пользовавшийся доверием и уважением Петра. Царь навещил умирающего незадолго до его смерти, но на похоронах не присутствовал. Их общего знакомого вице-адмирала Корнелиса Крюйса, состоявшего на русской службе, он 13 августа известил, что потерял в лице Витсена «старого друга»³⁴. В те же дни умер и бургомистр Амстердама Геррит Хофт, один из тех, кто в 1716 г. официально встречал и приветствовал Петра в Голландии. Хофта царь тоже почтил своим посещением перед его кончиной, но состояние больного от этого только ухудшилось. «Очень сожалею, — написал, узнав об этом, Хейнсиус, — что господину Хофту из-за визита Его Царского Величества опять стало хуже. Желаю ему скорейшего выздоровления на пользу городу и государству»³⁵.

Пока Петр ездил во Францию, жена его оставалась в Голландии — в загородном доме Осипа Соловьева в лесу Харлеммерхаут под Харлемом. В этом доме побывал несколько раз и сам царь. Чтобы развлечь Екатерину, город Амстердам организовал для нее 14 мая потешный морской бой. Как видно из газеты «*Эйрописе Меркюриус*», несколько больших яхт адмиралтейства, а также *Ост-Индской* и *Вест-Индской* компаний, разделили на две эскадры под разными флагами, и в бухте Эй при огромном скоплении народа на берегу и в присутствии царицы, находившейся на еще одной яхте, эти эскадры начали обстреливать одна другую. С наступлением вечера они «соединились, заключили мир и проводили Ее Величество в город». Ни одна из сторон не одержала победы, и, как отметил в своих сатирических стихах издатель еженедельника «*Амстердамсе Меркюриус*» Ян ван Гейзен, по окончании спектакля моряки обеих эскадр с удовольствием пили за здоровье друг друга, но особенно «за здоровье Ее Царского Величества, наших адмиралов и господ граждан Амстердама». 17 августа подобным же потешным морским боем угостили по просьбе Петра и его самого. Этот бой был, по свидетельству того же стихотворца, самым большим, какой когда-либо видели в Амстердаме, и время не сможет стереть его из памяти зрителей.

Еще интереснее рассказ об этих ярких зрелищах на воде, которым поделилась в письме к подруге Мария Схап (1658—1725), супруга

Хендрика Бикера, в 1717 г. бывшего в Амстердаме одним из отцов города. Вместе с двумя другими местными дамами высокого статуса госпожа Схап смотрела на морской бой, устроенный для царицы, рядом с ней и разделила с ней трапезу.

«Там было мясо, но русские три дня в неделю ни мяса, ни масла не едят, и это был один из таких дней, так что она [Екатерина] только отведала апельсинов и миндаля и пила шоколад и чай, которыми мы Ее Величество угостили и попотчевали. <...> Но все те придворные дамы, которые не исповедуют русскую веру, ели».

Один из пушечных залпов, которыми обменялись противоборствующие эскадры, был настолько мощным, что там, где сидели Екатерина и ее окружение, «наши стаканы разлетелись, и осколки чуть не ранили царицу в шею». Не забыла автор письма упомянуть и о том, что русская государыня, «весьма любезная» и державшаяся непринужденно, подарила всем трем голландским дамам по четыре собольих меха каждой. «За это мы вновь приехали ее благодарить, однако без наших мужей».

Во время второго морского боя, на котором Екатерина присутствовала уже с мужем, «царь сначала плавал для своего удовольствия на собственной яхте, которую сам построил, а потом перешел на большую яхту. Там, когда с чужого судна стреляли из мушкета дробью, 2—3 дробины прошли навылет через верхнюю одежду царя, что вызвало некоторую тревогу»³⁶.

Пока русские и французские дипломаты трудились над условиями Амстердамского договора между Францией, Россией и Пруссией, царь посещал, как мы уже знаем, голландских художников. «...Он ясно показывал, что у этого путешествия цель совершенно иная, чем у предыдущего, — писал Схелтема. — Не ограничиваясь делами кораблестроения и торговли, он проявлял интерес также к наукам и искусствам и прежде всего посещал виднейших художников. Он часто часами смотрел, как они работают над тем или иным произведением, разговаривал с ними о творениях их кисти и кисти других и так вырабатывал в себе хороший вкус в оценке картин»³⁷. Пользуясь советами своего придворного живописца швейцарца Георга Гзелля, Петр ходил на аукционы и покупал для своих резиденций в Петербурге и Петергофе работы Рембрандта, Яна Стейна, Филипса Ваувермана, Адриана ван Остаде и других, поныне украшающие Государственный Эрмитаж. Тогда же он позировал для портрета Арнольдоусу Бонену, как прежде, в марте, Карелу де Мору.

Вместе с царицей и со своим лейб-медиком Эрскином царь четыре раза побывал в Ботаническом саду, где его гидом был, как и в первый его приезд (1697), анатом Фредерик Рюйш. О последнем таком визите поведала в письме к подруге та же Мария Схап, муж которой Хендрик

Spiegel - Gevecht op 't Y,
ter eere van de CZAARIN van MOSCOVIEN.

*Барент де Баккер. Учебный бой на реке Эй
в честь московской царицы. Гравюра*

Бикер не только входил в число руководителей города, но и был комиссаром Ботанического сада. Как жена комиссара она со своими двумя дочерьми встречала и сопровождала в саду царицу.

«Царь осматривает все растения, деревья и травы с таким вниманием, как будто он сам садовник, и все, что ему нравится, записывает. Ходит он, как человек дикий и необузданный, он очень неряшливый и неаккуратный, и ест весьма неопрятно, харкает и плюет прямо на ковры, и свита его поступает так же, без всякого уважения. Царица же ведет себя подобающим образом, она чистоплотна, знает очень много деревьев и трав. Большое удовольствие доставила ей мимоза стыдливая: когда ее трогаешь, она свертывается. После того как они осмотрели все травы, мы опять откушали за столом Их Величеств вместе с придворными дамами, моей дочерью, нашими мужьями и одним князем; но блюда были только холодные. Ели они всего понемногу, пили не так, как царь, который выпил полбокала шнапса. У него слабый желудок, и он ел собственный хлеб, который очень темный, с твердой коркой, и который он посыпал солью. Князь Куракин тоже прибыл. На следующий день мы явились пожелать Их Величествам счастливого пути; это было в среду»³⁸.

Августейшая чета покинула Амстердам 2 сентября, а значит, последнее посещение ими Ботанического сада состоялось 1-го.

15 августа Амстердамский договор между Францией, Россией и Пруссией был подписан. Россия официально признала условия Утрехтского мира 1713 г., положившего конец войне за испанское наследство. Франция отказалась предоставлять дальнейшую финансовую помощь Швеции и обещала принять условия готовившегося мирного договора этой страны с Россией. Царь и король Пруссии согласились на посредничество Франции при заключении мира со Швецией.

Голландцы ожидали, что царь до отъезда подпишет с ними торговый договор, включающий в себя снижение таможенных пошлин в России в пользу Республики. По сведениям амстердамской «*Эйропише Меркюриус*», проект такого договора уже был представлен венценосному гостю.

«Однако этот монарх не соизволил вступить ни в какие подобные соглашения, рассчитывая, видимо, в будущем продолжать торговлю силами своих собственных кораблей. Единственное соглашение, на которое Его Царское Величество во время своего пребывания в *Соединенных Нидерландах* пошел, был некий договор о дружбе и союзе, заключенный 15 августа между *Францией*, с одной стороны, и царем *Великой России*, а также королем *Пруссии*, с другой, и служащий только для того, чтобы облегчить путь ко всеобщему миру на *Севере* и принудить к нему короля *Швеции*...»³⁹.

JAN VAN

2^{de}

AMSTER-

MERKU-

GYSENS

MAANDAAGSE

DAMSCHER

RIUS;

Verhalende het

SPIEGEL-GEVEGT,

Vertoond voor haare Majesteit de Czarinne van
Groot Rusland, op 't Y, den 14 Mey 1717.

DE Moeder Stad aan 't Y, het Hooft van haar Gebouren,
Wiens naam dat Nydt, en Tydt, en Keuwenzel verduuten,
Getregeld, Getesfikkooft van de grootte Mogendheden,
En als een Keyzerin der Sroomen aangebeten;
Geflyd, en ondufschrigd door zes-en-dertig Raden,
Beloonders van het goet, en straffers van het kwade;
Dezen dag 't geluk, en d' eer gehad

het boek van
VII. Del.

A

Van

Британского посла в Гааге Чарлза Витворта, узнавшего о подписании договора не сразу, мучили недобрые предчувствия. 24 августа он извещал свое правительство, что явился 20-го ко двору Петра «в надежде найти Его Царское Величество. Его ожидали 21-го и приготовили все для обеда, но он внезапно изменил свои намерения и, осмотрев несколько загородных домов по соседству, отправился прямо в провинцию Гелдерланд. Полагают, что он посетит дом милорда Албемарла в Ворсте, а 26-го поедет в Ло, дабы отпраздновать Вознесение Девы Марии по обычаю своей страны, так как он впервые взял своих министров с собой в такую поездку. Мы склонны думать, что у него на уме нечто большее, чем простое развлекательное путешествие»⁴⁰.

27 августа в Лондон ушла новая депеша:

«Я только что вернулся от посла Франции. <...> Однако он положительно и обстоятельно отрицает, что вел хоть малейшие переговоры с царскими министрами. По его словам, если какой-либо проект такого рода и готовится во Франции, ему об этом не сообщали и в его инструкциях об этом не упоминалось. Единственным поручением, которое ему дали, было высказать царю учтивое приветствие. Затем он рассказал мне, как ужинал с царем в тот вечер, когда тот прибыл, как обедал на следующий день с его министрами и, в свою очередь, принимал и угощал их 18-го, но он уверяет меня, что они ни разу не говорили ни о каких серьезных делах»⁴¹.

На успешные переговоры своего союзника Франции с русским царем Англия реагировала крайне отрицательно и попыталась добиться международной изоляции России. Поэтому в одном из писем к своему послу Куракину Петр назвал англичан «проклятыми обманщиками»⁴². Но как бы они ни старались извлечь выгоду из еще продолжавшейся вражды между Россией и Швецией, в августе 1721 г., с подписанием Ништадтского мира, покой на Севере наконец наступил.

ЛО И АПЕЛДОРН

С 20 по 27 августа царь побывал в Ло, в принадлежавшей стадхаудерам, а позднее королям и королевам Нидерландов, усадьбе с дворцом и парком. Там проживала в ту пору принцесса Мария-Луиза Гессен-Кассельская (1688–1765), вдова стадхаудера Йохана Виллема Фризо, принца Оранье-Нассау. Незадолго до этого в Амстердаме она присутствовала на устроенном в честь Петра морском сражении, а теперь он навестил ее в Ло. Как отмечает местный историк-краевед, Петр ездил туда инкогнито,

но на участке пути между Девентером и Вортхёйзенем ему пришлось нанять 600 лошадей и множество возниц. Ночевал гость не во дворце молодой вдовы, а в соседнем городе Апельдорн, в гостинице, которая с 1721 г. отнюдь не случайно называется «Кейзерскрон [Императорская Корона]» и поныне остается одной из лучших в Апельдорне⁴³.

Поездка в Ло была не просто визитом вежливости. Для подготовки прямых мирных переговоров между Россией и Швецией царь 21-22 августа тайно встретился в Ло с представителем шведского короля бароном Георгом Хайнрихом Гёртцем⁴⁴. Голландские власти к деятельности этого шведского агента относились куда менее благосклонно, считая барона интриганом, тем более что тот уже успел посидеть в Голландии в тюрьме⁴⁵. У графа Албемарла был в Ло согладатель, который доносил ему обо всем, что там делал русский монарх. 25 августа из своей усадьбы в Ворсте, недалеко оттуда, граф написал Хейнсиусу:

«Царь прибыл в субботу в Ло. Думаю, что принцесса Нассау приехала туда накануне вечером, поскольку царица тоже там. Их Величества настойчиво приглашали остановиться в доме, но они отказались. И царь, и царица оставались в дурном трактире вплоть до вчерашнего дня, когда принцесса Нассау отбыла в Леуварден. Тогда они перебрались в дом, где и находятся еще сейчас. Завтра⁴⁶ они совершат свои обряды в Ло, а уедут оттуда послезавтра, дабы в Хардервейке сесть на корабль с намерением вернуться в пятницу в Амстердам. Все, что я Вам говорю, доложил один человек, который есть у меня в Ло и ежедневно сообщает мне новости, ибо сам я преспокойно нахожусь здесь, делая вид, будто и не знаю, что у меня столь высокие соседи.

Господин барон Гёртц в воскресенье был в Ло и возвратился в понедельник в Зютфен. Нет сомнений, что у него была беседа с царем. Достойно удивления, что нам приходится видеть, как ведут такие интриги в нашей собственной стране. Во имя Господа Бога, что же будет с этим бароном Гёртцем: должен ли он все время оставаться здесь? Благодаря своим расходам в этой маленькой дыре Зютфене он уже подчинил своим интересам всех ее жителей, и я полагаю, что в конце концов он будет управлять всеми нами. Сам я этого человека не видел. Он об этом, по правде говоря, не просил, но если бы и попросил, я бы ему отказал наотрез»⁴⁷.

УТРЕХТ

В ходе своего второго путешествия Петр посетил Утрехт четырежды. Два раза он его просто проехал: 16 декабря 1716 г. по пути в Амстердам и 2 сентября 1717-го, покидая Республику. Осмотрел же он город 10 марта, в обществе Екатерины и нескольких приближенных. По словам Схелтемы, «сиятельные путешественники осмотрели там все со вниманием. Царь провел долгое время на башне собора»⁴⁸. Схелтема, как обычно, не ссылается на источники, однако не подлежит сомнению, что Петр во всех подробностях ознакомился с замечательным готическим собором св. Мартена в Утрехте, чья 112-метровая колокольня — самая высокая в стране.

Но только «*Эйрописе Меркюриус*» упоминает визит Его Величества в Утрехт еще и в августе. По сообщению газеты, он посетил близ Утрехта шелкопрядильную мануфактуру купца Давида ван Моллема. В принадлежащей этому купцу усадьбе Зейдебален на реке Вехт, под Утрехтом, высокий гость побывал во второй половине августа, как указал в XVIII в. в своем монументальном описании России Йохан Фредерик Рейтц⁴⁹ (Схелтема относит этот визит к марту). Усадьба с мануфактурой стала известным во всей Голландии промышленным центром, а к 1740 г., незадолго до смерти, Давид ван Моллем построит там прекрасный жилой дом с садом, в котором росли апельсины и лимоны, бананы и фиговые, миртовые и лавровые деревья, алоэ и даже кофе⁵⁰. Поэты воспевали Зейдебален на все лады⁵¹.

На предприятии, основанном в 1681 г. амстердамским купцом Якобом ван Моллемом и его сыном Давидом, трудилось 250 человек, в основном женщины и дети, оно было вторым производителем шелка в стране⁵². Не только труд обходился владельцу дешево, но и энергия. Вращаемое водой лопастное колесо приводило в движение множество других механизмов⁵³. Если верить Рейтцу (а он писал в 1744 г. и мог еще опираться на свидетельства очевидцев), извечное любопытство Петра чуть его не погубило. Желая испытать напор воды и для этого попробовать удержать одно из колес, он едва не оказался зажат и раздавлен вращающимися колесами. К счастью, стоявший поблизости слуга обхватил его руками и силой вытащил из опасного положения. Царская свита, не успев понять, что произошло, была поражена грубым поступком слуги и ожидала, что государь обрушит на него свой гнев. «Однако Его Величество, сознавая опасность и всю преданность этого человека, милостиво его обнял и с сердечной ласковостью поблагодарил»⁵⁴.

В самом городе долго жило предание о том, что, гуляя по Утрехту, русский монарх был растроган латинской надписью на одном из домов на улице Спрингвег (дом не сохранился). Надпись в переводе

Усадьба «Zijdebalen»
(De Zegepralende Vecht... Амстердам, 1719)

гласила: «Когда живешь праведно, не бойся злых языков», считается, что Петр утешался этой мыслью год спустя, когда во всей Европе его осыпали упреками после внезапной смерти Алексея⁵⁵.

Под конец своего пребывания в Голландии, во второй половине августа, Петр посетил еще несколько мест. Среди них — временный загородный дом Осипа Соловьева в лесу Харлеммерхаут. Царский агент проживал там уже много месяцев, уступив свой собственный дом в Амстердаме государю и государыне⁵⁶. Один из соседей Соловьева под Харлемом, богатый местный купец Питер Коларт, который любил жить на широкую ногу (это его со временем разорит), устроил в честь Петра большой праздник. Торжество это было бы давно забыто, если бы в ходе него хозяйка дома не продекламировала сочиненные ею стихи, восхвалявшие великого гостя из России. Элизабет Коларт, урожденная Хофман (1664—1736), по тем временам блестяще образованная женщина, писала стихи не только на нидерландском языке, но и на латинском, а в возрасте 16 лет перевела всего Горация. Ода, которую она прочла русскому царю, вышла из печати вместе с другими ее стихами лишь почти через сорок лет после ее смерти.

«ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ
ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ,
ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ

Героев воспевать привыкшая давно,
На флейте иль на цитре — все равно,
Их возносить туда, где солнце лишь одно, —
Забудь героев.

Оставь Ахилла, как ни славен он;
Не пой о Цезаре, не нужен Сципион,
И царь Ликург, что людям дал закон,
Их жизнь устроив.

Атланта славь, что держит на плечах
Весь Север! Россов царь — у мира на устах.
Вождь христиан, о в скольких же краях
Свой стяг он поднял!

Сия награда с бою им взята;
Из волн понтийских вышла слава та,
Когда у турок, ненавидящих Христа,
Азов он отнял.

О подвигах его везде Молва гласит.
То в поле саблей он врагов разит,
Оставив им кровавой жатвы вид,
Тел мертвых груды;

То, смерть презрев, он крепости берет;
То, в час иной, построенный им флот,
Сердца врагов круша, бросается вперед,
Под гром орудий;

То меры мудрые крамолу усмирят.
Пусть шведов, и татар, и турок длинный ряд,
О доблести *Петра* пусть, плача, возвестят
В своем отчаяньи.

Но не военным подвигам лишь честь.
Уж лавров на главе его не счесть.
Еще прекраснее венки на свете есть —
Им увенчай его!

Нет, больше, чем батальные дела,
Славь ум его, ведь издавна была,
Как ни обширна Русь, но для него мала.
О светлый разум,

Понявший, что наука, мудрость, труд
Какие только горы не свернут,
Любой народ от темноты спасут,
Всех граждан разом.

Советников ему не нужно с давних пор
Иль тех, кто вместо правды пишет вздор.
Вокруг Петра ты не услышишь хор
Лысцецов придворных.

Он выше, выше свой стремится полет.
Орлу подобно, взмыл под небосвод.
Уверен он, что славен будет плод
Трудов упорных.

Какой монарх сравнится с ним иной!
За морем посещал страну он за страной.
Полезных тайн искать, хотя б и под землей,
Ему по нраву.

Подхватывает все, в чем польза и урок,
Что строит города и отразит порок,
Что мореплаванью с торговлей идет впрок,
Крепит державу.

Он немцев пролетел лесистую страну.
Все в Польше высмотрел, к датчанам заглянул.
И вот уже соленую волну
Он рассекает.

Его приветствовали бритты с белых скал.
Когда ж корабль его в Париж вплывал,
Восторженно шумел там пылкий галл,
Царя встречая.

Достойный оказал ему прием
Народ голландский, в счастья своем,
Что встреча их с прославленным царем
Вторая это.

Царица с ним, любимая жена,
Сияньем красоты окружена.
И рядом с ним по праву и она
В стихах воспета.

О властелин! Благословенный свет
Ночь варварства рассеял прежних лет
И вечной благодарности завет
Стране оставил.

Ты славою героев превзошел.
Бессмертье имени в истории обрел.
Божественный поэзии глагол
Тебя восславил»⁵⁷

Представляется маловероятным, чтобы Петр с его простым, повседневым нидерландским мог понять эту изысканную оду. Но кто-либо из присутствующих вполне мог передать ему ее необычное содержание. Поэтесса воспеваает не героя древности, а своего современника. Он обладает тремя важными достоинствами: господствует над всем Севером (в XVIII в. Россия в восприятии западных людей находилась на севере), его заслуги у всех на устах и он борется с врагами христианства — турками. Еще выше военных подвигов Элизабет Коларт ставит его разум: он ищет за границей знаний, понимая, что только науки и искусства выведут его народ

из тьмы невежества. В течение жизни всего одного поколения сумел привести свою страну к просвещению этот идеальный правитель: любознательный, мудрый, трудолюбивый, открытый всему новому. Именно таким Петр хотел бы запомниться голландцам и всем остальным.

ЗАНДАМ

Петербургский историк архитектуры Сергей Горбатенко назвал второе путешествие «ностальгическим»⁵⁸. Больше всего это можно было бы отнести к его повторному визиту в Зандам, занимавший в сердце Петра особое место. Ведь это там он в августе 1697 г. впервые познакомился с Голландией. Еще в Воронеже голландские корабельные плотники рассказывали ему о верфях на реке Зан. Зандам и окрестности представляли собой в ту эпоху впечатляющий промышленный комплекс, «Мекку судостроения»⁵⁹. Так что повышенный интерес молодого государя к Зандаму был оправданным.

Едва русское «Великое посольство» добралось до Амстердама, как Петр поспешил один в Зандам. По преданию, еще вплывая в поселок, он увидел на берегу своего старого знакомого Геррита Киста, зандамца, который когда-то работал в Москве. Царь снял у него часть домика и, желая сохранить инкогнито, велел Кисту помалкивать. На верфи Линста Рогте он трудился всего неделю. Остаться неузнанным не удалось: Петр бывал в гостях у жен тех зандамцев, которые работали в России, раздавал подарки тем, кого знал, а также местной девице, за которой ухаживал. Весть о том, что экзотический «великий князь Московский» поступил простым рабочим на зандамские верфи, быстро дошла до Амстердама, где на крупные суммы заключали пари: царь ли этот долговязый чужак или не царь? Когда назойливое любопытство зевак Петру надоело, он по прошествии недели покинул Зандам и перебрался в Амстердам. Помог ему в этом Николас Витсен, бургомистр города и управляющий Ост-Индской компанией, который и нашел ему работу и жилье на закрытых для посторонних амстердамских верфях компании.

Несколько дней, проведенных в Зандаме, оказались для только что прибывшего в Голландию Петра очень полезными. Еще до того, как увидеть Амстердам, он познакомился как бы с уменьшенной копией этого города. Научился первым приемам кораблестроения и собственными глазами убедился, к какому благосостоянию приводит голландское трудолюбие. Не исключено, что как раз там в голове царя поселилась идея соединять реки каналами. Наконец, по мнению автора прекрасной книги «Слава Зандама», в своем крохотном домике, столь непохожем на дворец, молодой самодер-

жец получил «урок смирения и простоты, лучшее, что мог дать миру Зандам в эту эпоху абсолютных властителей»⁶⁰.

Постмодернистская демифологизация культа Петра Великого породила высказывания о том, что постоянное связывание царя-кораблестроителя с Зандамом не соответствует исторической реальности. Ведь по-настоящему тот научился строить корабли лишь позже, в Амстердаме⁶¹. На берегах реки Зан будущий реформатор пробыл совсем недолго, но его позднейший образ в западной культуре, особенно в XIX в., основан преимущественно на пребывании в Зандаме. Известная немецкая оперетта Альберта Лортцинга «Царь и плотник» (1837), классика жанра, в свою очередь, вызвала к жизни многочисленные рассказы и пьесы о «царе-плотнике». И сам Зандам всегда гордился своим высоким гостем. Так, в 1897 г. там торжественно отпраздновали 200-летнюю, а в 1947-м 250-летнюю годовщину его прибытия.

На 200-летие разыграли сцену приезда Петра: несколько видных жителей Зандама в костюмах XVII в. приплыли на парусной яхте из Амстердама. Молодого монарха сыграл директор шоколадной фабрики. Яхту встречал целый флот судов и суденышек, после чего вся группа переодетых нотаблей прошествовала по городу. На второй день юбилея, 19 августа, показали пьесу «Петр Михайлов. Пребывание царя Петра Великого в Зандаме в августе 1697 года» Геррита Яна Хонига⁶². Пьеса вышла вскоре даже на русском языке, в переводе царского вице-консула в Амстердаме А.Е. Ловягина⁶³. Были изданы также «Песни под парусом», ведь праздник в честь Петра совпал с 15-летием местного общества любителей парусного спорта⁶⁴. Однако в песнях этих воспеваются добродетели людей Занского края, а вовсе не гостя из России.

В городском архиве мне удалось найти текст «Песни о царе Петре», переданный туда некоей госпожой Винк-Мюлдер. Она указала, что эту песню учила и пела еще школьницей ее мать, жительница Зандама, 1878 года рождения. Нехитрый текст песни хорошо показывает, какой представляли себе там историческую фигуру царя-реформатора:

«Прошел однажды утром по Зандаму чужак.
Никто не знал, откуда приехал он и как.
Был корабельный плотник и, скромный снявши дом,
На верфи он усердно работал топором.
Кто мастером быть хочет (так думать он привык),
Трудов не побоится — начнет как ученик.
И день-деньской на верфи, уж с самого утра,
Стук раздавался мощный лихого топора.
В манерах грубоватый, но с сердцем золотым,
Для всех стал Питер вскоре уже почти родным.

Но кто же этот плотник? Откуда прибыл он?
Какое судно строил для будущих времен?
То царь великий Петр, и, не жалея сил,
Корабль свой, Россию, он на воду спустил»⁶⁵.

В истории чествований Петра в Зандаме не обошлось без инцидентов. Когда в 1911 г. Николай II подарил голландскому городку копию нового петербургского памятника своему великому предку, работы Л.А. Бернштама⁶⁶, муниципалитет, состоявший из либералов, с благодарностью принял подарок. Социал-демократы же, находившиеся в оппозиции, не скрывали возмущения. Накануне открытия памятника они распространили памфлет, в котором напомнили, каким «царством тьмы в политическом, экономическом и умственном отношении» остается самодержавная Россия. «Страной не управляют — ее тиранят. <...> Россия — воплощение всего, что есть реакционного и преступного, где немногие “избранные” ввергают своих сограждан в пучину социального бедствия. <...> И из такой страны мы, зандамцы, получаем подарки». Что ж, пусть городская управа ставит сколько угодно памятников («если только не на деньги от наших налогов, естественно»), пусть бургомистр «со слезами благодарности и дрожащим голосом» восхваляет Россию, пусть «портят названия наших улиц русскими именами (как будто в Голландии нет своих великих людей!)», «но вы, рабочие, вы не станете петь у памятника, который предстанет перед вашим мысленным взором окутанный облаком крови рабочих. Нет, вы будете петь и радоваться в тот день, когда измученный русский народ сбросит ярмо и в титанической борьбе опрокинет опоры царизма»⁶⁷.

Памфлет не помог — памятник, изображающий Петра в виде плотника, который строит лодку, был 2 мая 1911 г. установлен и стоит и поныне в центре Зандама. На его открытии хор из 250 певцов и певиц исполнил специально написанную кантату, в которой были строчки: «Царь фартук плотника носил, / Блинами объедался» и «Потом всю жизнь он горевал, / Что в жены зандамку не взял»⁶⁸. Многие местные улицы получили русские названия. Память о петровской эпохе хранят Czaar Peterstraat, Menschikoffstraat, Koerakinstraat, Czarinastraat, Golofkinstraat и Jasykoffstraat (последняя носит имя генерал-лейтенанта А.П. Языкова, который в 1872 г. опубликовал в Берлине для широкого круга читателей на русском, немецком и нидерландском языках книгу о Петре в Зандаме). Добавим сюда также Tolstoistraat, Poeskinstraat и Tsjechovstraat. Дух сопротивления деспотизму, воодушевлявший некогда зандамских социал-демократов, воплощен в названии площади Sacharovplein. Впрочем, и ненавистный тогда левым силам последний властитель Российской империи тоже увековечен: есть в городе и Nicolaasstraat.

Брошюра к 200-летию Великого посольства в Зандаме
(Городской архив Зандама)

Праздники Царя Петра в 1947
(Городской архив Зандама)

История с памятником получила неожиданное продолжение. В 1919 г., спустя два года после того, как мечта зандамских единомышленников русских революционеров осуществилась, в Петрограде статую Петра, поставленную в 1910 г. у Адмиралтейства, убрали и переплавили. А в 1996-м, к 300-летию российского флота, с ее копии, которая стоит в Зандаме, изготовили еще одну копию, и королева Нидерландов Беатрикс подарила ее Петербургу⁶⁹.

Через тридцать лет после того как в России сбросили «ярмо царизма» Зандам праздновал очередной юбилей приезда русского царя. На сей раз никаких споров уже не было. Газета голландских коммунистов «*Varheid [Правда]*» 12 марта 1947 г. отозвалась одобрительно и о «прогрессивном царе Петре», и о «нашем маленьком, но мужественном народе»⁷⁰. В августе, в присутствии посла и торгового атташе СССР в Нидерландах, в Зандаме прошли народные празднества, в августе под открытым небом около 250 человек в костюмах XVII в. представили «Игру о царе Петре» П.Х. Шрёдера и К. Спультры, а в театре шла старая оперетта «Царь и плотник». Была исполнена песня на слегка измененные и дополненные стихи Элизабет Коларт⁷¹, которые та в 1717 г. декламировала самому Петру. В отличие от двухдневных торжеств 1897 г. те, что состоялись полвека спустя, продлились целую неделю.

Наконец, в 1996 г., по случаю 300-летия «Великого посольства», 7-8 сентября на реке Зан был устроен, как в петровскую эпоху, потешный морской бой и вновь разыграна сцена прибытия Петра в Зандам. Встречали гостя сестра королевы Нидерландов вместе с послом Российской Федерации⁷². Домик Петра был и остается местом паломничества для руководителей России. Так, в 1993 г. его посетил бывший президент СССР М.С. Горбачев. В 1997 г. намерение приехать туда выразил президент России Б.Н. Ельцин, но состояние здоровья не позволило ему это сделать, и вместо него прибыл председатель правительства В.С. Черномырдин. В 2005 г. в этом святом для русских месте побывал В.В. Путин в сопровождении наследного принца Нидерландов Виллема-Александра.

Вернемся, однако, в год 1717-й. Еще 26 февраля (9 марта) секретари Петра отметили в «Походном журнале»: «Царское Величество и с Государынею Царицею ездил в Сардам»⁷³, т.е. в Зандам. Столь же лаконична запись в официальном путевом дневнике: «В 26 день его величество и 3 государынею царицею из Амстердама ездили гулять на яхте в Сардам и обедали там у купца Калффа»⁷⁴.

Куда более подробно рассказывает о визите в Зандам местный торговец Ян Корнелизон Номен. Более того, он упоминает не одну, а две поездки: 5 и 9 марта. В ходе первой Его Величество навестил старого приятеля, зандамского купца Корнелиса Калффа, с которым успел познакомиться в 1697-м. Повидать его августей-

Первое известное изображение Домика Петра
(*Samuel Ireland. A Picturesque Tour through Holland, Brabant
and part of France made in the autumn of 1789. London, 1789*)

ший путешественник собирался уже давно. Когда в декабре 1716 г. на верфях Ост-Индской компании в Амстердаме ему встретился Питер Эйп, который был плотником на верфи в Зандаме, царь, по свидетельству Номена, сказал ему: «Надеюсь еще раз побывать в Зандаме, чтобы посетить старика Калффа»⁷⁵. Теперь он с Калффом и его сыном Николасом совершил небольшое плавание под парусом по реке Зан до селения Ког. Там они посетили бумажную мельницу и мануфактуру по производству крахмала. «По Зану их проводило несколько буер-яхт и много яликов, наполненных любопытными, желавшими видеть царя. Причалив к усадьбе К.М. Калффа, царь с яхты побежал прямо в дом, а на берегу Зана стояли люди, желавшие посмотреть на него». Все его понимали, «так как он хорошо говорил по-голландски»⁷⁶.

Те, кто знал Петра еще по первому визиту, в далеком 1697 г., отмечали, что «его царское величество за 19 лет значительно изменился к лучшему и стал веселее и общительнее». Но по-прежнему был крайне любознательным. Так, он «осмотрел крахмальный завод, и отведal кислую воду, в которой мочат пшеницу для изготовления крахмала. Он взял большой комок готового крахмала, съел сам часть и дал затем кусочек одному из своих слуг, который его попробовал и выплюнул».

Четыре дня спустя, 9 марта, высокий гость опять побывал в Зандаме, на этот раз в сопровождении посла Куракина и «двух или трех князей своего государства». На яхте «он сам правил рулем; на голове у него был короткий, неважный, черный парик и простая черная, войлочная шляпа; у него были густые черные усы, видно было, что он последние дни не брился. Лицо его было бледно вследствие вышеупомянутой болезни. На вид он был статный, с ловкими движениями. Он был одет в старый суконный кафтан с кожаным поясом, шириною в три пальца, на котором висела сабля. Князья были одеты не так скромно. На них были большие парики и красные плащи». Екатерина со своими статс-дамами была на другой яхте. «На царице были драгоценное платье и много золотых, жемчужных, бриллиантовых и других украшений с драгоценными камнями, которые (говорят) стоили три бочки золота»⁷⁷.

Это приятное общество, посетив бумажную мельницу, зашло выпить кофе к Томасу Йосиусу, работавшему прежде в России плотником⁷⁸. С его матерью Мари Хитманс, которую Петр знал со времени своего первого приезда, в ее бедном домике он выпил на пару по рюмке можжевеловой водки. «Великий Государь, — рассказывает Голиков, — желал показать Государыне тот сарай или место, где он, яко плотник, работывал; но в какое приятное пришел удивление, увидев на оном месте хороший дом с надписанием: Дом Цар-

Зандам. Спуск корабля в 1717 году
(Домик Петра в Зандаме)

ской, воздвигнутой Сардамцами для вечной памяти работ Царских, на том месте производимых!»⁷⁹

Эпизод этот наш «петролюбивый» патриот Голиков полностью выдумал. После визита Петра домик Геррита Киста, в котором царь жил в 1697 г., пришел постепенно в совершенное запустение и лишь в 80-е годы XVIII в. был, так сказать, открыт заново, когда в 1780-м в нем побывал командующий русской эскадрой граф А.Г.Орлов вместе с голландским адмиралом Яном Хендриком ван Кинсбергенем. За ними через год последовал император Иосиф II Австрийский, а в 1782 г. цесаревич Павел Петрович, правнук знаменитого обитателя домика. Но только в 1800 г. предусмотрительный трактирщик Ян Антони Бюлсинг купил полуразвалившуюся постройку и, подновив, открыл для публики. В 1811 г. туда заглянул Наполеон, не проявивший, впрочем, большого интереса, а три года спустя явились в Зандам победители Наполеона: император Александр I с королем Нидерландов Виллемом (Вильгельмом) I. Последний в 1818-м домик Петра выкупил и подарил своей русской снохе, урожденной великой княжне Анне Павловне, по случаю рождения ею второго сына. Чтобы защитить домик от стихий, его накрыли каменным «футляром».

Когда 17 апреля 1839 г. под эту скромную кровлю вступил путешествовавший по Европе будущий царь Александр II в сопровождении своего наставника-поэта В.А. Жуковского, тот не смог сдерживать эмоций:

«Над бедной хижиною сей
Витают Ангелы святые:
Великий князь, благоговей!
Здесь колыбель империи твоей,
Здесь родилась великая Россия!»

Стихи эти можно увидеть в самом доме, а под ними их весьма вольный перевод, выполненный амстердамским поэтом XIX в. Якобом ван Леннепом. С русской словесностью домик Петра связывает также один литературный анекдот. Пушкину, которому русские самодержцы ни разу не разрешили побывать за границей, Николай I будто бы однажды сказал: «Мне бы хотелось, чтобы король нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме». — «В таком случае, — подхватил Пушкин, — попрошусь у Вашего Величества туда в дворники»⁸⁰. Если у властителей России действительно была мечта приобрести зандамскую святыню, то в 1886 г. она исполнилась: король Виллем (Вильгельм) III, сын Анны Павловны, подарил домик своему родственнику Александру III, а тот велел подвести под 200-летнюю постройку фундамент из красного кирпича.

Вернувшись в 1717 г. в Зандам, Петр Алексеевич узнал, что его старый знакомый Геррит Кист, у которого он когда-то снимал жилье, работает помощником кузнеца. За ним было послано, но из кузницы, если верить рассказу Номена, пришел такой ответ: «Нет, меня мало интересует царь, так как он слишком скупо заплатил за квартиру в моем доме». В конце концов встреча все же состоялась. «Потом Геррит Кист отправился с царем на его старую квартиру; здесь царь поднялся на чердак и осмотрел бывшую свою спальню и маленькую комнату, в которой он совершал молитвы». Продолжался этот ностальгический визит около получаса⁸¹. В книге Схелтемы мы находим предание о том, что Петр тогда же и погасил свой старый долг домовладельцу, преподнеся ему серебряный кубок⁸².

После этого пообедали у Калффов. Местный кальвинистский проповедник Герардус ван Алст обратился к Его Величеству с приветствием, но «ограничился краткой душевной речью, потому что его предупредили, что это так требуется. На это его царское величество, тоже стоя, ответил ему коротко и любезно, выражая свою благодарность»⁸³. Когда гостей позвали смотреть, как судно тащат волоком, там собралось столько народа, что пройти было невозможно, — и царская чета со свитой быстро уехали. Кстати, и в первый приезд Петра (1697) было так же: магистрат Зандама пригласил его посмотреть, как перетаскивают корабль, но, увидев толпу, столь многочисленную, что она грозила опрокинуть заслоны, молодой монарх отказался прийти «и вдруг захлопнул дверь своей царской квартиры. Члены магистрата остались ни с чем и могли

отправиться гулять, что и сделали без дальнейших разговоров»⁸⁴. По окончании зрелища толпа любопытных с разочарованием разошлась⁸⁵. Наблюдая за «волочением» судна в 1717 г., Петр, конечно, и не подозревал, что это происходило в последний раз: уже через год перешеек, который когда-то называли крупнейшим волоком в мире, скрыли⁸⁶.

Простился царь с Зандамом под самый конец своего второго пребывания в Голландии. Удивительно, что ни в «Походном журнале», ни в официальном путевом дневнике об этом ничего не говорится. 30 августа Петр навестил семью Калффов. Вместе с ней он посетил медеплавильную и жиротопную мануфактуры, осмотрел стоявший на стапеле корабль. Калффы, по свидетельству Номена, угостили гостя и сопровождавших его лиц «скромно, по-купчески».

«За обедом у К.М. Калффа его просили высказать свое мнение о Франции. На это он ответил, что, на его взгляд, в Амстердаме во всяком случае художественная промышленность и кораблестроительная техника стоят выше, чем во Франции; что же касается домов, то на Гереграхте, на Кейзерсграхте и на других подобных улицах они не уступают французским. Кроме этого, он прибавил, что в течение всей своей жизни он не видал деревни, подобной Зандаму, именно такой большой и многолюдной, с такой обширной торговлей, и что он очень желал бы иметь несколько таких же деревень в своем государстве». После таких слов благодарные хозяева «поднесли ему с изысканной любезностью стакан пива. На это он ответил: “французскими комплиментами вы меня не удовлетворите, дайте мне лучше кружку”. Получив ее, он с удовольствием отпил и прибавил: “вот теперь я мог пить сколько мне хотелось, а главное, вы не знаете, сколько я выпил”»⁸⁷.

Приезды Петра в Зандам в 1717 г. не остались незамеченными. В выпуске 51 своего еженедельника «*Амстердамсе Меркюриус*» уже известный нам рифмоплет Ян ван Гейзен с едва заметной иронией воспел в стихах «Сардам» (Зандам) деревню предприимчивую и зажиточную, которую «Их Величества своим присутствием почтили». Автор обещал, если небо подарит ему еще немного жизни, расписать достоинства Зандама и его обитателей подробнее.

Во всех этих визитах Петра присутствовал сын богатого купца Корнелиса Калффа Николас (1677–1734). Едва сыну исполнился 21 год, отец послал его набираться образования и жизненного опыта во Франции, Англии, Италии, т.е. совершить то, что немцы называют *Bildungsreise* и что начиная с XVIII в. будет считаться необходимым для юноши из «хорошей семьи». Николас Калфф принялся собирать древности, редкие монеты и медали, другие раритеты (после его смерти, в 1754 г., коллекцию продали с торгов⁸⁸). Пропу-

Портрет Николаса Калфа (Музей Зандама)

тешествовав два года, повидав свет⁸⁹, сын мог теперь вступить в крупное предприятие отца.

Унаследовав огромное состояние, Николас возвел себе импозантный загородный дом в своей усадьбе Поланен, на полпути между Амстердамом и Харлемом. Особняк славился роскошью декора и особенно скульптурой. В книге с видами прекрасных усадеб в этой части страны (1730) Гейсберт Тисенс в стихах воспел дом Калффа как далеко превосходящий все прочие по великолепию и красоте. А перед процветающей деревней Зандам, родиной Калффа, должна умолкнуть, восклицает поэт, «длинная череда городов»⁹⁰. Этот загородный особняк был в начале XIX в. снесен, но в самом Зандаме, на улице Вестзейде, сохранился его дом в стиле Людовика XIV. Существует предание, будто пышную мраморную галерею Калффу подарил царь Петр⁹¹.

В 1713–1714 гг. Николас опять жил в Париже, одевался, как француз, и называл себя графом де Во (comte de Veau), как он «перевел» свою купеческую фамилию Калфф⁹². Из «Путешествия в Голландию» Дени Дидро видно, какое сильное впечатление произвел на писателя-философа младший Калфф: «Это был человек с большим образованием, достаточно просвещенный, умный и учтивый. Он ездит по миру, тратит несколько сотен тысяч гульденов — и возвращается в свою деревню, чтобы вновь обрести свое положение и одежду крестьянина». Во французской столице Николас нередко оплачивал свои долги векселями; когда же его парижские приятели явились для расплаты по этим векселям в Зандам, он угостил их обедом, усадив на деревянные бочонки. После трапезы бочонки вскрыли — они оказались набиты золотыми монетами⁹³.

В Париже он общался, в частности, с Йоханнесом Тесингом, сыном видного амстердамского купца Яна Тесинга, торговавшего с Россией. Поддерживал Николас Калфф связи и с представителями самой России в Париже: князем Долгоруким и Александром Нарышкиным⁹⁴. В своей «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтер тоже поведал о Калффе, отметив, что «царица любила слушать его рассказы о дальних поездках»⁹⁵. Где это могло происходить, мы не знаем, но, вероятнее всего, в Зандаме в 1717 г. В начале XIX в. Якобус Схелтема отвергал слова Вольтера как клевету:

«Что достоверного в рассказах этого писателя о молодом человеке, <...> который, мол, поехал в Париж изучать французский язык и там, будучи северо-голландским крестьянином, называл себя графом де Во, усаживался за стол вместе с принцессами крови, бывал на карточной игре у герцогини дю Берри, пользовался большим уважением, чем любой другой иностранец в Париже, а возвратившись в Зандам, снова работал подмастерьем на судоверфи своего отца, и так далее, и тому подобное...»⁹⁶.

И в эпоху Схелтемы, в начале XIX в., фигура этого богатого голландца из деревни продолжала волновать воображение. Еще в 1817 г. вышел во Франции роман «Сардамский плотник. Анекдот времен царствования Петра Великого» Элизабет де Мере-Генар (1751–1829). В этом романе молодой Калфф пришлось русскому царю настолько по душе, что тот пожелал возвести его в дворянское достоинство и женить во Франции на богатой и знатной невесте. Правнукам Калффа все это вскружило голову, и тут-то им указали на их более чем скромное происхождение...⁹⁷

В первый приезд Петра в Зандам Калфф-старший принимал его у себя дома, водил по верфям и другим местным предприятиям. То, что Калфф, строгий баптист, относился к пьянству с отвращением, а молодой царь был этому греху весьма подвержен, явно не мешало их взаимопониманию и приятельству. После возвращения государя в Москву, 5 декабря 1698 г., Корнелис Калфф и его старший сын попросили у него разрешения купить в России 200 ластов (480 тонн) ржи, ведь в Занском крае год выдался неурожайный. Вот это письмо в переводе с нидерландского:

«Петру Алексеевичу, царю Московскому.

Петр Алексеевич, благосклонный друг и брат во Иисусе Христе, желаем вам всех благ здесь и в жизни вечной. В нашей деревне Сардам и иных окрестных местах настала великая дороговизна зерна, особенно ржи, а потому в сих кратких строках наша покорная просьба и моление к вашей милости позволить нам закупить партию ржи в двести ластов и доставить сюда в Сардам.

С искренним приветом нашим друзьям Александру [Меншикову] и Гавриилу [Головкину].

Ваши доброжелательные сардамские друзья

Корнелис Михилзон Калфф и Корнелис Корнелизон Калфф»⁹⁸.

Прошение старых приятелей-голландцев растрогало царя, и он им эту партию зерна подарил.

Есть предание, будто в 1697 г. Петр побывал на верфи Калвердейк, где тогда строилась лучильная мельница, и самолично вбил несколько гвоздей. Поэтому мельницу стали называть «De Grootvorst [Великий Князь]» или даже «De Grootvorst van Moskovien [Великий Князь Московский]» и в 1897 г. сделали центром торжеств по случаю 200-летия приезда царя в Зандам. Однако, как показали новейшие архивные изыскания, эта мельница (в 1928 г. сгоревшая) была построена лишь после отъезда молодого Петра из Голландии. А из того, что ее называли в честь высокого гостя, видно, какие прочные связи установились у семьи Калффов с властителем далекой державы. Говорили, что Петр предлагал Николасу Калффу самые выгод-

Усадьба Николааса Калффа «Polanen»
 (Abraham Rademaker. La Hollande en tout son éclat & beauté. Amsterdam, 1730)

ные условия, чтобы основать торговую фирму в России, но богатый зандамец туда не поехал⁹⁹, хотя и продолжал вести на Балтике торговлю русским лесом.

О тесной связи Николаса Калффа с царем Петром свидетельствует тот факт, что, когда в 1717 г., в год второго визита Его Величества в Голландию, увидел свет в Амстердаме нидерландский перевод известной книги англичанина Джона Перри о России (1716), с похвалами Петру (с этой книги в Англии начал формироваться самый положительный образ царя-реформатора), голландский издатель Йоханнес ван Остервейк предпослал переводу посвящение «господину Николасу Корнелисзону Калффу», «усердному испытателю всех полезных искусств и наук», которого «не только все его соотечественники любят и чтят, но и тот великий государь, коего деяния здесь вкратце описаны».

Восхваляя самого Петра, издатель в предисловии превзошел многих: «Если есть на свете страна, обязанная своему монарху благодарностью за улучшение нравов, за утверждение государственных и гражданских установлений, столь нужных для правосудия и для ведения войны, за процветание торговли, за введение всех полезных искусств и наук, чтобы подданные его жили в безопасности и спокойствии, а сам он был почитаем и любим, карая злых и награждая добрых, а также внушая страх своим открытым врагам и тайным недоброжелателям, — то это, вне всякого сомнения, великая и могучая Россия при нынешнем наисчастливейшем правлении ее светлейшего самодержавного государя, царя Петра Алексеевича, коего героические деяния для прошедших веков беспримерны и потомкам покажутся невероятными...»¹⁰⁰

Тот, кого вскоре увенчают титулом «отец отечества», и сам сознавал, каким предстает в глазах современников. В одном из «анекдотов», собранных Якобом фон Штелином, царь спрашивает, что говорят о нем за границей. Граф Остерман осторожно отвечает:

«Говорят, будто Ваше Величество весьма строгой Государь, поступает сурово со своими подданными, за все наказываете и никого не прощаете». При сих словах Государь перервал речь его и сказал улыбаясь: «Нет, нет, друг мой! ты не хочешь сказать мне прямо того, что ты верно слышал. Меня называют свирепым Государем и тираном. Вот что говорят обо мне в чужих землях! Но ктож это говорит? Такие люди, которые не знают обстоятельств, в каких я сначала несколько лет находился; не знают, что многие из моих подданных делали мне самые гнусные препятствия в произведении самых лучших моих, в пользу отечества намерений, и для того необходимо нужно мне было поступать с ними со всею строгостию; но никогда не поступал я свирепо, или тирански. Также имел я разумных и храбрых сынов отечества,

TEGENWOORDIGE STAAT
V A N
GROOT RUSLAND,

Vertoont in d'ontzachlyke Onderneemingen van zyne Czaarsche Majesteit

PETER ALEXEWITZ,

Bestaande in 't afschaffen der aloude Zeden en Gewoontens zyner Onderdaanen, en 't verbeeteren van zyne Staaten, zoo in 't Waereldlyke als Geestelyke gedrag.

Nevens een Beschryving van den Godtsdienst, Zeden en Gewoontens der Russen, Siberiers, onderhoorige Tartaren, Samojeden en andere Grensvolkeren.

Maubach

T^e AMSTERDAM,

By **JOHANNES OOSTERWYK,**
Boekverkooper op den Dam. 1717.

Голландский перевод книги Джона Пери «Современное состояние Великой России». Амстердам, 1717 («Королевская библиотека в Гааге»)

которые усматривали пользу моих намерений, споспешествовали оным с верностью и постоянством, и за то получали от меня благодарность и благодеяния»¹⁰¹.

Пышные похвалы Петру и его зандамскому протезе Николасу Калффу, предваряющие перевод книги Перри, позволяют предположить, что Калфф сам распорядился перевести ее на нидерландский и, возможно, даже оплатил ее публикацию в Голландии. В том же посвящении Калффу издатель Йоханнес ван Остервейк называет его не только другом, но и благодетелем, т.е., вероятно, меценатом, спонсором. Остервейк и молодой Калфф действительно были друзьями, ездили вместе по Западной Европе, а когда Николас женился, издатель написал велеречивое поздравление в стихах, воспев добродетели и жениха, и его родного «благословенного Зандама»¹⁰².

В 1717 г. царь и его свита после обеда у Калффов посетили молебельный дом зандамских баптистов. Краткая проповедь Калффа-старшего («Думай благое, говори благое и совершай благое во имя Господа!») Петру очень понравилась¹⁰³. Номен рассказывает об этом так: «Наконец, они завернули в так называемую новую церковь баптистов, где К.М. Калфф по просьбе царя прочел оригинальную короткую проповедь на какой-то текст. Выслушав его, царь сказал своему священнику: “так и вам следует говорить, у вас же слишком много витиеватости”»¹⁰⁴. За обедом, состоявшимся на исходе пребывания Петра в Голландии, «царь сказал между прочим Калффам, отцу и сыну, что он присутствовал при кончине бургомистра магистра Геррита Хофта и бывшего бургомистра Николая Витсена. При этом он прибавил: “в них я потерял двух из моих лучших друзей в Голландии”»¹⁰⁵. О кончине обоих бургомистров Петр, как мы помним, еще 13 августа с грустью сообщил своему вице-адмиралу Крюйсу.

Не все разделяли господствующее мнение о мудром реформаторе, учившемся в Голландии модернизировать свою страну. Княгиня Е.Р. Воронцова-Дашкова, одна из самых образованных и мыслящих женщин в екатерининской России, ценила западноевропейскую цивилизацию и охотно ее воспринимала, однако к тому, как ею пользовался царь Петр, относилась критически. Путешествуя в 70-е годы XVIII в. по Европе, она в Вене на замечание канцлера графа Кауница, что Россия многим обязана Петру, ответила: Россия и до Петра одерживала военные победы (взять хотя бы завоевание Казани и Астрахани) и обладала высокой культурой (летописи). «Петр I мог привлечь не только плотников и строителей, но и адмиралов. Он работал в Саардаме плотником, пренебрегая государственным делами и калеча русский язык голландскими терминами, которыми буквально начинены все его указы, относящиеся к

морскому делу. У него не было никакой необходимости посылать дворян за границу изучать ремесла садовников, кузнецов, шахтеров и так далее, поскольку каждый дворянин с удовольствием предоставил бы трех или более крестьян, дабы обучить их этим ремеслам»¹⁰⁶.

Впрочем, мнение княгини Екатерины Романовны в ее родной стране в ту пору мало кто разделял. Россия приняла тот образ Петра, который был создан Пушкиным в знаменитых «Стансах»:

«То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник»

Но и в Голландии последствия деятельности русского монарха и, в частности, его визитов в эту страну оценивались иногда весьма критически. Петр взял к себе на службу сотни опытных специалистов, приобрел бесчисленные образцы самых передовых мельниц, мануфактур и т.п. — и, как пишет Схелтема, многие были этим недовольны, предвидя немалый ущерб конкурентным позициям Республики Соединенных Провинций¹⁰⁷. В историографии иногда даже заходит речь о «шпионаже» со стороны русского гостя, но в недавнем фундаментальном исследовании «Великого посольства» 1697–1698 гг. справедливо отмечается, что случаев технического или военного шпионажа в современном нам понимании было очень мало — и объяснить это нетрудно: «Это не случайно: они [секретные сведения] Петру были не нужны. Европейские державы сами ему все подносили — бери, не хочу»¹⁰⁸.

Главными факторами упадка голландской торговли в XVIII в. были гегемония Великобритании на морях, обострившаяся конкуренция с другими европейскими державами и протекционистская политика торговых партнеров Голландии. Для Зандама и его окрестностей последствия общего экономического кризиса в стране оказались катастрофическими¹⁰⁹. Однако кое-кто в Республике обвинял русского царя. Обеспечив голландцам недолгое процветание благодаря их торговле с Россией, рассуждал в 1773 г. некий Юстюз Патриот, царь вместе с тем нанес им большой ущерб:

«Тот же ПЕТР ВЕЛИКИЙ, который на несколько лет погрузил нашу страну в роскошь и изобилие, был вместе с тем время причиной нашего упадка. Наш рабочий люд он взбудоражил, наши фабрики вывел из страны. К этому великому реформатору дикого народа отнеслись совершенно беззаботно, все тайны нашей торговли, промышленности и кораблестроения ему раскрыли, а теперь мы пожинаем последствия. Россия сама ведет к нам свои

новопостроенные корабли, и льняным полотном, пенькой и па-
русиной Россия сама может нас снабжать вместо того, чтобы мы
их туда посылали, так что наш торговый баланс с этой державой
стал сейчас совершенно пассивным»¹¹⁰.

Впрочем, еще в первые дни 1717-го, вскоре после приезда Пет-
ра, секретарь шведского посольства в Гааге Йоаким Фредерик
Прейс, не упускавший случая очернить противника, известил Сток-
гольм о мнении некоторых голландцев, что этот визит приведет к
беде¹¹¹. В русском переводе его донесение гласит: «Царь прилежно
собирает все возможные регламенты всех гильдий, кожевенных за-
водов, мануфактур, как и других общественных учреждений, кото-
рые все часто им посещаются, и с большим вниманием все изучает.
Был он в Смирительном Доме, дабы, как он выразился, получить
понятие о строгости наказаний. На сделанный ему вопрос: “К чему
он собирает упомянутые регламенты?” он будто бы отвечал: “Что-
бы убедиться, в чем я ошибался, и постараться исправить”; что его
государство способно на всякое улучшение, но бедно хорошими
учреждениями. Здесь оказывают его особе большое уважение (*estime*)
и довольно возятся с ним, но более разсудительные утверждают,
что Голландцы воспитывают у себя за пазухой змею»¹¹².

Месяц спустя, в начале февраля, эта же мысль получила разви-
тие еще в одной депеше Прейса:

«Носится слух, что Царь требовал своего сына в Голландию, но
тот, не смотря на то, что находился под надзором Меншикова,
нашел возможность уехать в Москву, дабы присоединиться к
духовенству и другим знатым особам, которые ни как не могут
привыкнуть к новым, необыкновенным для Русских, порядкам,
которые введены Царем. Не могу ручаться за достоверность
всей этой истории; ибо ее с намерением могли придумать здесь,
чтобы ускорить отъезд Царя, так как его пребывание с каждым
днем становится все более докучливым и неприятным, и начи-
нают наконец понимать, что все его мысли заняты тем, как бы
вести в своем государстве ремесла, искусства и фабрики, подоб-
ные здешним»¹¹³.

Автор «Деяний Петра Великого» Голиков приводит заинтере-
сующую историю о том, как голландцы, увидев, как хорошо работают в
России новые сукнодельные мануфактуры, предложили поставлять
царской армии в течение десяти лет сукно по цене более низкой,
чем продавались русские сукна. Однако Петр разгадал хитроумный
замысел и отказался, понимая, что иначе русские сукноделы разо-
ряются¹¹⁴. Классический пример протекционизма — и патриотизма.
В многочисленных сборниках анекдотов и легенд о царе-реформа-
торе можно найти не одну подобную историю о Петре, раскусив-

шем хитрых, а то и коварных иностранцев, причем нередко — голландцев¹¹⁵.

Но что бы ни значило пребывание Петра в Зандаме для него лично, для России и для Нидерландов, нельзя не согласиться с зандамским историком Якобом Хонигом, жившим в середине XIX в.:

«Становится теплее на сердце от того, что когда-то государь с далекого севера жил среди нас. Возвышает то чувство, что именно здесь было положено начало превращению могучей северной державы в колосса Европы»¹¹⁶.

ОТЪЕЗД ИЗ АМСТЕРДАМА

Как следует из газеты «*Антверпсе Пост-Тейдингс*» за 24 августа, в последние дни пребывания царя в Амстердаме к нему приходили послы и другие представители иностранных держав с делами, касавшимися будущего мирного урегулирования между Россией и Швецией. 31 августа комиссия, назначенная некогда Генеральными штатами для приема и сопровождения царя в Республике Соединенных Провинций (но уже без бургомистра Хофта, незадолго до этого скончавшегося), и городские власти организовали официальную прощальную аудиенцию.

Расставаясь с властелином России, голландская элита особой грусти не испытывала. Еще 28-го граф Албемарл уведомил великого пенсионария Хейнсиуса: «Еду завтра утром и, если Богу угодно, буду вечером в Амстердаме, так как ко мне только что прибыл вестник, сообщивший, что царь в понедельник или самое позднее во вторник отбудет в свою страну, куда Бог да приведет его, лишь бы мы от него избавились...»¹¹⁷. В том же духе доложил 3 сентября своему королю в Лондон британский посол Чарлз Витворт: «Кажется, город очень рад их отъезду»¹¹⁸.

Однако официальная сторона прощания и отъезда должна была быть безупречной. Члены комиссии Хюго Репелар и Ян Лодевейк ван Кинсхот 28 августа сообщили Хейнсиусу: «Вчера утром князь Куракин известил нас о решении Их Царских Величеств не позднее чем через четыре дня уехать, для чего здесь [в Амстердаме] у господ адмиралтейства попросили одну или две яхты и у нас два корабля, которые будут служить для перевозки слуг и багажа вышеупомянутых Величеств. Далее тот же князь изволил сказать, что направятся через города Харлем и Гауда, мимо города Дордрехт, а затем вверх по реке Вал. Вышеназванные Величества высадутся в первой деревне выше города Неймеген, находящейся под властью Его Величества короля Пруссии, где найдут кареты для своего дальнейшего путешествия». Члены комиссии попросили пенсионария распоря-

диться о том, чтобы в провинциях Голландия и Гелдерланд в городах и фортах, мимо которых будут следовать венценосные гости, их приветствовали, как принято, пушечными залпами¹¹⁹.

Назначенный на 1 сентября отъезд пришлось отложить из-за сильной бури. О ней в записках Номена читаем: «1-го сентября, в среду, здесь разыгралась сильная буря, а по словам некоторых — ураган, с запада и с запада к северу. С 8 до 11 часов ветер достиг такой силы, что многие деревья были вырваны из земли, а черепицы и фронтоны сорваны с домов. В южной Голландии и вплоть до Дордрехта разрушено и унесено много плотов, вследствие неожиданно хлынувшего наводнения. В Роттердаме вода поднялась на четыре дюйма выше самого высокого уровня, так что многие подвалы были залиты, и погибла масса товаров, что причинило значительные убытки. Кроме того, прорвало плотины, и корабли удивительно далеко были выброшены на сушу. В Амстердаме была разрушена часть крыши одной большой церкви; то же случилось и со многими другими церквями внутри страны. Водяные мельницы так сильно работали, что на некоторых из них вспыхнул пожар. Пастор Г. фан Альст находился в то время в южной Голландии и после рассказал нам здесь с кафедры, что он видел пожар в шести местах. В Гейло сгорели мукомольная мельница и соседний с ней дом. Слава милосердному Богу, что здесь в Зандаме большой беды не случилось. 5-го сентября пастор Геральдус фан Альст читал здесь проповедь на текст из Исаия, глава 26, стр. 9: “Ибо когда суды Твои совершаются на земле, тогда живущие в мире научаются правде”»¹²⁰.

Последнюю ночь в Амстердаме Петр, если верить Номену, провел на верфи Адмиралтейства у корабельного плотника Яна ван Ренена:

«На прошлой недели <так!> царь был в Амстердаме на верфи адмиралтейства у мастера Яна Иелиссона фан Ренена и, между прочим, сказал ему: “дай мне хороший кусок дерева, я вырежу тебе кое-что на память”. Ему дали желаемый кусок дерева, он же начал работать циркулем, топором и долотом и сделал очень хорошенькую маленькую яхту, которой восхищались все, кто имел случай ее видеть. На прощанье он обнял мастера, поцеловал его и подарил ему 11 серебряных монет с изображением его царского величества; кроме того, он сделал ему еще какой-то большой подарок, ценности которого мастер не желал сообщить»¹²¹.

БЕРГЕН-ОП-ЗОМ И ДОРДРЕХТ

На следующее утро, 2 сентября, русские отбыли водным путем через Харлем и Гауду в Дордрехт. Там Петр ненадолго оставил Екатерину и на маленьком суденышке отправился в городок Берген-оп-Зом. В расходных книгах царя упомянуты 26 гульденов 18 стюйверов, потраченные 25 августа (5 сентября) на ночевку в городке Розендал¹²², неподалеку от Берген-оп-Зома. Визит в Берген-оп-Зом описан в одной городской хронике 1761 г., составленной на французском языке, так:

«Не случилось в этом городе события более славного, чем неожиданный приезд царя Петра I. Этот герой, затеявший придать новый облик Московии, считал своей обязанностью воздавать должное всему, что достойно любопытства любителя природы и искусства. Вот почему его внимание привлек к себе Берген-оп-Зом, и 16 августа <так!> 1717 г. этот монарх инкогнито сюда въехал в почтовой повозке, взятой близ Мурдейка. В сопровождении одного лишь бургомистра Его Величество осмотрел укрепления и в тот же день отбыл, исполненный восхищения...»¹²³

О том, что увиденное в городе царю очень понравилось, написал также в XIX в. местный историк-краевед¹²⁴, не ссылаясь, однако, на источники.

Сам Петр об этой поездке сообщил Екатерине не много: «Инова писать не имею, толко что, слава Богу, все здорова и поспешаем к вам, и толко намерен посмотреть одной славной крепости Берньгсумь [Берген-оп-Зом], которая немного в бок. Аднакож о сем осведамлюсь в Дорте [Дордрехте], и ежели замешкатца тем могу, то не поеду; буде же день или другой лишку, то жаль не видать»¹²⁵. Эта «славная крепость», которую гостю из России не удалось посетить в свой первый приезд в Голландию, в 1697-м, построена известным военным инженером Менно Кухорном, голландским Вобаном. Он возвел укрепления в городах Куворден, Нарден, Зволле, Неймеген, Граве и Бреда. Крепость в Берген-оп-Зоме считается одним из его шедевров.

В Дордрехте русский монарх уже побывал проездом в начале апреля, как о том упомянуто в путевом дневнике: «И когда мимо Дорта шли, тогда палили ис пушек, и им с яхты ответствовано пятью выстрелами. Того же числа пополудни во 2-м часу от города Дорта магистрат приезжали к его величеству на яхту с поздравлением, и прислали несколько бочек разных вин и протчих всяких столовых припасов»¹²⁶. Отсюда видно, что на берег в Дордрехте Петр тогда, в апреле, не сходил. Члены городской управы, явившись

с приветствием к нему на яхту, поднесли ему пару живых лососей, за которые, как следует из расходных книг магистрата в Городском архиве, было щедро уплачено некоему Альберту ван Севенону. Уплатили и Яну ван дер Крабу — за то, что 4 апреля доставил отцов города на своей яхте «к яхте Его Царского Величества»¹²⁷.

В начале же сентября Петр Алексеевич осмотрел Дордрехт по-настоящему, побывав там, в частности, на Монетном дворе («и был на монетном дворе, где делают серебряную и золотую монету»¹²⁸). Учрежденный в конце XIII в., старейший в стране, этот монетный двор снабжал деньгами всю провинцию Голландия.

НЕЙМЕГЕН

Последний город в Республике Соединенных Провинций, который посетил августейший путешественник, — Неймеген. Это был второй его визит туда: 11 декабря 1716 г. он заехал в город с маленькой свитой, в простом портшезе. О втором приезде царя бургомистр Неймегена Петер Верстеген был извещен заранее, еще 1 сентября: из Гааги его настоятельно просили распорядиться, дабы Их Величеств приветствовали стрельбой из пушек¹²⁹. В Неймеген Петр и сопровождающие его лица прибыли, по-видимому, 10 сентября¹³⁰.

Наступил уже вечер, и остановились на простом постоялом дворе. На каком — местным историкам установить не удалось¹³¹. Об этой ночевке на постоялом дворе сохранился «анекдот» в собрании Якоба фон Штелина. Царь заказал хозяйину яиц, хлеба, масла и сыра. Придворные выпили несколько бутылок вина. Наутро гофмаршал Д.А. Шепелев (со слов которого и записана эта история) спросил у хозяина, сколько он просит за ужин, и тот потребовал 100 гульденов.

«Гофмаршал весьма удивился и говорил трактирщику, не стыдно ли ему требовать такой необычайной платы за дюжину яиц и за кусок хлеба с сыром и маслом? Нет, отвечал трактирщик, и вы непременно должны заплатить мне 100 червонных. Он повторил сие несколько раз и не соглашался ни мало уступить. Шепелев не осмелился заплатить и поставить в счет столь чрезвычайную сумму, пошел к Государю и спросил у него, как он прикажет поступить с безстыдным трактирщиком. Его Величество, думая, что его никто не знает, вышел сам как бы нечаянно на двор и спросил у хозяина по Голландски, за что он требует такую большую сумму? Велика ли сумма 100 червонных? отвечал трактирщик: я заплатил бы 1000 червонных, еслиб я был Российской Царь. Государь возвращался, не сказав ни слова, и приказал Гофмаршалу заплатить 100 червонных. Безстыдный трактирщик, получивши деньги, отпер ворота и пожелал путешественникам благополучного пути»¹³².

В другом варианте того же «анекдота» Петр спросил хозяина, неужели яйца в Неймегене такая редкость. На что тот находчиво ответил: «Яйца не редкость, а цари — редкость». Подобный «анекдот» существует и о британском короле Георге I, который по пути из Лондона в родной Ганновер остановился где-то в Голландии и, возмущившись завышенным счетом, поданным ему хозяином гостиницы, получил такой же ответ¹³³.

В расходных книгах царя лишь сухая запись: «В 31-день [августа] [11 сентября] в Нимвегене, где стоял его величество, заплачено за квартиру хозяину 20-ть червонных»¹³⁴. Тема прижимистых, жадных до денег голландцев встречается в «анекдотах», собранных Штелином, неоднократно. В одном из них Петр в адмиралтейств-коллегии так обосновал различия в жалованье для служащих из той или иной страны: «Французу всегда можно давать больше жалованья; он весельчак (*bon vivant*) и все, что получает, проживает здесь. Немцу также должно давать не менее; ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более; он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имения прибавлять к жалованию. Но Голландцам должно давать менее; ибо они едва досыта наедаются, для того, чтобы собрать больше денег»¹³⁵.

Возможно, именно визит Петра в Неймеген вдохновил тамошнего молодого юриста Иоана Якоба Маурициуса (1692—1768) на оду «Императору Петру I», написанную, правда, лишь в 1724 г., а опубликованную еще позднее — в 1753-м, в сборнике «Стихотворения любителя досуга». Обращаясь к Овидию, которого Август сослал некогда в причерноморские степи, юный стихотворец-любитель заверял его, что сейчас бы тот не оплакивал так свою участь, когда бы увидел, как «род дикий варваров и скифов» преобразился в «школу Анархасиса», сообщество просвещенных мудрецов. Да и Ифигении, героине древнегреческого мифа и трагедии Еврипида, не пришлось бы бояться Тавриды, где она оказалась, ведь ныне там издает законы государь, превзошедший своими деяниями античных богов¹³⁶. В этом панегирике русскому царю автор явно упустил из виду, что Таврида (Крым) в его время еще не входила в состав России, а была присоединена Екатериной II только в 1783 г.

Кстати, когда в 1766 г. уже пожилой Маурициус, в те годы голландский посланник в Гамбурге, вставил в свой новый сборник стихов поэтические размышления о российской императрице, он почти дословно повторил в них многие строки из своей давней оды Петру. Особенно пригодились для перелицовки строфа об Ифигении. Теперь дочери Агамемнона не пришлось бы в Тавриде страдать потому, пишет автор, что там царит мудрая Екатерина, которая превзошла античных богов своей славой и красотой¹³⁷.

Сборник стихотворений поэта Маурициуса
(Королевская библиотека в Гааге)

Надпись на стене Домика Петра I в Зандаме

Между тем 11 сентября Петр с женой пересекли голландскую границу и, покинув Республику, прибыли в прусский город Клеве. В документах Генеральных штатов за 21 сентября читаем, что «господин князь Куракин, чрезвычайный и полномочный посл Его Царского Величества, уведомил о своем возвращении сюда [в Гаагу], после того как проводил Его Царское Величество до города Клеве, и при этом от имени Его Царского Величества выразил удовольствие той честью и дружеским приемом, которые во время его пребывания в [нашем] государстве были ему оказаны»¹³⁸.

Уже известный нам Ян ван Гейзен, амстердамский стихотворец и издатель еженедельника «Амстердамсе Меркюриус», 3 октября в длинных хвалебных виршах попытался объяснить читателю, зачем великий монарх лично посещал многие отдаленные уголки Европы. Главным мотивом выступает желание царя внедрить у себя производство товаров, которые его страна раньше закупала за границей, а также расширить торговлю, для чего он велит строить корабли на Волге и на Дону. Петербург, которому «он свое дал имя», — уже сегодня важная крепость, составляющая гордость России, но вскоре к нему будут относиться с таким же почтением, как к крепости в Дюнkerке, а своим великопием он сравняется с Версалем. Связав воедино Черное, Каспийское, Белое и Балтийское моря, царь свершил то, чего не делал никакой монарх прошлых веков. Благодаря усердию своего народа и разуму государя Россия не будет нуждаться в привозе товаров из-за границы, и к тому же — «каких искусств, наук не насаждает он в своей державе?!»

Если считать все эти похвалы типичными для воззрений тогдашнего голландского общества на великого гостя из России, то образ Петра в Республике был, несомненно, положительным. Последнее же слово мы предоставляем замдамскому купцу Якобу Корнелисзону Номену, очевидцу и мемуаристу: «2-го сентября его царское величество и царица уехали из Амстердама в свое государство, предполагая дорогой видеться с королем прусским, а может быть, и с другими владетельными князьями. Таким образом, во второй раз оставил Голландию ее дорогой и редкий гость»¹³⁹. Словом «гость» русский переводчик записок Номена передал загадочное, не встречающееся в словарях нидерландского языка слово «warschip». В нем можно увидеть диалектное «waardschap», связанное с понятием «приходить в гости, наносить визит», но при желании можно сблизить «warschip» с «warhoofd»: это означало бы, что Номен называет Петра бестолковым и безалаберным¹⁴⁰. Однако это негативное суждение никак не согласуется с тем, что замдамский купец писал о госте из России всегда очень благожелательно, если не сказать — восторженно.

Примечания

1. По другим данным, Петр остановился у барона де Крассира, проживавшего на той же улице Бокстрат (*Borromeus B. Geschiedenis van Maastricht...* P. 89; *Flament A.J.A. Bezoek van Czaar Peter den Groote te Maastricht...* P. 43).
2. Гистория свейской войны. С. 620–621.
3. Registers van uitgaande brieven der Staten-Generaal (NA. Nr. 1.10.29/630).
4. *Franquinet G.D. Visite du Czar Pierre-le-Grand, à Maestricht...* P. 295–297.
5. *Bloemen C. Drie eeuwen Maastrichts theater.* P. 15–16.
6. Bernard A. Tableau du spectacle français... P. 84.
7. *Luijten J., Schutgens K. Tsaar Peter de Grote en Maastricht.* P. 114–120; *Schoonbrood M., Grossier J.S. Schetsen uit de geschiedenis van Maastricht en omstreken. Deel I.* P. 97–99. См. также: *Morreau L.J. Bolwerk der Nederlanden.* P. 242.
8. *Ubachs P.J.H. Daniël Wolf de Dopff.* P. 246. См. также: *Minis S. De terugkeer van de gouverneurs.* P. 41.
9. *Bernard A. Tableau du spectacle français...* P. 85.
10. Gebeiteld & Verguld. Nr. 296.
11. *Sprooten R., Hoenen J. Alles moet bevochten worden.* P. 111. Об этом мне любезно сообщил Камил Оствегел, нынешний владелец замка.
12. Les ouvrages d'Architecture de Pierre Post. Leyde, 1715.
13. <http://forum.mestreechonline.nl/showthread.php?p=139880>. Как сообщил мне 16 апреля 2012 г. Эмиль Рамакерс (Центр Серамик, Маастрихт), в двух экземплярах этой книги, хранящихся в Городской библиотеке, не вырвано ни страницы. Известно, что Питер Пост подарил маастрихтской ратуше 200 экземпляров гравюр со своих рисунков, и вполне возможно, что один из них вручили русскому царю.
14. *Bunper Б.Р. Архитектура русского барокко.* М., 1978. С. 22.
15. *Горбатенко С. Новый Амстердам.* С. 154. В библиотеке Петра I была книга архитектора Питера Поста «*Alle de Wercken van Architectura...*» (Библиотека Петра I. С. 144. № 1408).
16. Kroniek “Michiel Korsten”. Maaseik 1702–1732. Maaseik, 1993. P. 206–207.
17. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 297.
18. Гистория свейской войны. С. 622.
19. *Voorst van K.S. Vervolg op de Chronyk van Hoorn* (цит. по: *Abbing C.A. Beknpte geschiedenis der stad Hoorn en verhaal van de stichting, voltooiing en verfraaijing van de Groote Kerk.* Hoorn, 1839. P. 210–211).
20. *Abbing C.A. Beknpte geschiedenis der stad Hoorn.* P. 210.
21. *Smit J. Dirck Rembrantsz van Nierop. Deel 1.* P. 109.
22. См. его книги «Comptoir almanach, met de maens op en ondergange» (1710), «De nieuwe Hoornse schatkamer, ofte De konst der zeevaart» (1712) и «Gods bezoeking over Nederlandt» (1714).
23. *Abbing C.A. Beknpte geschiedenis der stad Hoorn.* P. 104; *Vlam Ch.C. Graftombe Pieter Florisz.* P. 143. Известно также, что Петр, посетив в Хорне церковь, предложил ее органисту поехать с ним в Россию. Одна-

- ко более вероятно, что этот эпизод относится к 1698 г., ко времени первого приезда царя в Голландию. Весьма лестное предложение Его Величества органист не принял, но воспользовался им, чтобы добиться от своего начальства повышения жалованья! См.: *Vlam Ch.C.* Een uitnodiging van tsaar Peter de Grote aan een Hollands organist. P. 113–115.
24. *Abbing C.A.* Beknopte geschiedenis der stad Hoorn. P. 210.
 25. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 57–58.
 26. *Aa van der A.J.* Biographisch woordenboek der Nederlanden. Deel 12/2. Haarlem, 1869. P. 1196–1197.
 27. Holy, Nicolaas Muys van // *Molhuysen P.C., Blok P.J.* Nieuw Nederlandsch biografisch woordenboek. Deel 3. Leiden, 1914. В этом биографическом очерке упомянуто также, что Петр I некогда приглашал амстердамского адвоката поехать с ним в Россию.
 28. Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (SAA 5038. 1717. P. 343–344).
 29. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 298.
 30. Ibid. P. 301, 303, 304, 308.
 31. Гистория свейской войны. С. 615.
 32. Resolutien van de Heeren Staaten van Hollandt ende Westvrieslandt (SAA 5038. 1717. P. 425).
 33. SAA 5029. Nr. 149. Archief van de burgemeesters (без пагинации).
 34. РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. 1717 г. Л. 118об.
 35. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 299.
 36. Цит. по: *Balbian Verster de J.F.L.* Peter de Groote te Amsterdam. P. 37–43.
 37. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 48.
 38. Цит. по: *Balbian Verster de J.F.L.* Peter de Groote te Amsterdam. P. 37–43.
 39. *Europische Mercurius*, 1717. P. 200–201.
 40. National Archives (Kew Gardens, London). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 125.
 41. Ibid. Fol. 131.
 42. Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 11.
 43. *Vivat Apeldoorn en Oranje*. P. 23.
 44. Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. С. 91.
 45. Как и посол Швеции в Лондоне, Гёртц в Гааге находился некоторое время под арестом по подозрению в причастности к заговору якобитов, т.е. приверженцев свергнутой династии Стюартов, против нового британского короля Георга I.
 46. 26 августа, т.е. 15 августа по юлианскому календарю, в православный праздник Успения Пресвятой Богородицы.
 47. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 313.
 48. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 26.
 49. *Reitz J.F.* Oude en nieuwe staat van 't Russische of Moskovische Keizerryk... P. 303–304.
 50. *Graafhuis A.* Utrecht in de achttiende eeuw. P. 4.

51. См.: *Bruin C.* Speelreis langs de Vecht-stroom. P. 7–8, 17; *Hoogvliet van A.* Zijdebalen, hofdicht. Delft, 1740.
52. *Struick J.E.A.L.* Utrecht door de eeuwen heen. P. 244.
53. 'Een paradijs vol weelde'. P. 302–303. Zie ook Romijn J. Hart van Nederland. P. 240–241; Graafhuis A. Utrecht in de achttiende eeuw. P. 2–4.
54. *Reitz J.F.* Oude en nieuwe staat van 't Russische of Moskovische Keizerryk... P. 303–304.
55. *E. [Evers G.A.]* Czaar Peter te Utrecht in 1697 en 1717. P. 65.
56. *Damme van A.* De buitenplaatsen te Heemstede, Berkenrode en Bennebroek. P. 117–122; *Haslinghuis E.J.* Buitenplaats van Soloffihoff in den Haarlemmerhout. P. 72.
57. *Koolaart (geb. Hoofman) E.* De Naagelaatene Gedichten. P. 33–38. См. также: *Вагеманс Э.* Голландская ода о Петре Великом. С. 98–106.
58. *Горбатенко С.* Новый Амстердам. С. 90.
59. *Helsloot P.N.* De glorie van Zaandam. P. 39; *Beukers E., Nijls de Th.* Het bijzondere van Holland. P. 60.
60. *Helsloot P.N.* De glorie van Zaandam. P. 61.
61. *Paul C.F.L.* Czaar Peter en de Zaanse scheepsbouw.
62. *Honig G.J.* Pieter Michaeloff. Het verblijf van Czaar Peter den Grooten te Zaandam in augustus 1697. Koog aan den Zaan, 1897.
63. *Гониг Г.Я.* Питр Михайлов. Историко-бытовые картины голландской жизни XVII века в 4 действиях с прологом. СПб., 1898.
64. Zeilersliederen. Opnieuw herdrukt en uitgegeven bij gelegenheid van het 15-jarig bestaan der Zaanlandsche Zeilvereeniging, tijdens de Czaar Peterfeesten te Zaandam, op Woensdag 18 en Donderdag 19 Augustus 1897. Wormerveer, 1897 (Gemeentearchief Zaanstad).
65. Czaar Peter Lied (Gemeentearchief Zaanstad. Nr. 05.984).
66. Об истории памятника см.: Хвостова Г.А. Памятники «царю-плотнику» в Санкт-Петербурге и Саардаме. С. 286–291.
67. Het Standbeeld. Pamflet Soc. Dem. Arbeiderspartij, afd. Zaandam, i.v.m. de onthulling van het Czaar Peterstandbeeld te Zaandam. S.a. [1911] (Gemeentearchief Zaanstad. Nr. 04.87).
68. Czaar Peter Cantate voor de onthulling van het Czaar Peter Standbeeld te Zaandam. Woorden van J.F.Wichard, muziek van Jan Zwart, [1911] (Gemeentearchief Zaanstad, Nr. 10.821). В том же архиве есть и французская версия этой кантаты: Cantate, exécutée à l'occasion de la statue du Czar Pierre le Grand, mardi le 2 Mai 1911 (Nr. 02.373).
69. Петровские памятники России. Т. 1. С. 100–101.
70. 250 jaar geleden: Czaar Peter leert het handwerk van scheepstimmerman // De Waarheid, 12 maart 1947.
71. Czaar Peter feesten Zaandam: georganiseerd door de Zaandamse Gemeenschap 16–24 Augustus 1947 (Gemeentearchief Zaanstad. Nr. 06.591).
72. Czaar Peter Huisje. P. 48–51.
73. Походный журнал 1717 года. С. 1.
74. Гистория свейской войны. С. 612.

75. *Номен Я.* Записки Я.К.Номена. С. 73.
76. Там же. С. 75. Говорил Петр, как справедливо замечает современный немецкий историк, не столько на чистом нидерландском языке, сколько на своеобразной смеси нидерландского и нижненемецкого (*Schippa M.* Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert. S. 61).
77. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 78.
78. Макаров Б.С. Голландцы в России. С. 111.
79. Голиков И.И. Деяния Петра Великого... Т. V. С. 290–291.
80. Русский литературный анекдот конца XVIII–начала XIX века. М. 1990, р. 219.
81. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 80–81.
82. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 24.
83. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 81.
84. Там же. С. 35, 37.
85. *Braam van A.* Zaandam en de czaar, 1697. Deel 2. P. 16.
86. *Helsloot P.N.* De glorie van Zaandam. P. 69.
87. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 89–90.
88. См. каталог этих торгов, хранящийся в Занском архиве: *Catalogus van Zeldzaamheden en Penningen Bestaande in Verscheide Zee, Berg, Aard en Steengewassen, Ges[n]jeede en Ongesneede Steenen. Met tevens Oude en Hedendaagsche Zilveren en Kooperen Penningen. Verzameld door Wylen, den Heer Nicolaas Kalff. In zyn Leven groot Kender en Liefhebber van Uitmuntende Frayigheden.* West-Zaandam, 1754. Как ни странно, в собрании Николааса Калффа не было ни одной медали, отчеканенной по велению Петра I.
89. Я. Схелтема утверждает, что Николас Калфф вел путевой дневник, но подтверждений этому нет. См.: *Honig G.J.* Nadere bijzonderheden betrekkelijk de familie KALFF. P. 4–7. См. также: *Couwenhoven R.* Nicolaas Calff. P. 9–33.
90. *Rademaker A.* Hollands Tempe verherelykt... La Hollande en tout son éclat et beauté. Amsterdam, [1730?], без пагинации.
91. *Honig G.J.* Het huis van Calff te Zaandam. P. 6.
92. Французское слово veau, как и нидерландское kalf, означает «теленка».
93. *Diderot D.* Voyage en Hollande. P. 148.
94. *Couwenhoven R.* De familie Calff, vrienden van de Czaar.
95. *Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. P. 238–239.
96. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 241. Реабилитации зандамского друга Петра Великого Схелтема посвящает целую главу (р. 240–248).
97. См.: *Minzloff R.* Pierre le Grand dans la littérature étrangère. P. 499. Роман этот был переведен даже на португальский язык (O Carpinteiro de Sardam. Anecdota de Reinado de Pedro o Grande. Lisboa, 1820).
98. Цит. по: *Couwenhoven R.* Einde van een mythe. P. 8. Это письмо было уже в XVIII в. издано в России с параллельным переводом на русский: Письмо к Государю Петру Великому, писанное от двух голландских мужиков // Санкт-Петербургский вестник, апрель 1779 г. Часть 3. С. 297–300.

99. *Honig G.J.* Het huis van Calff te Zaandam. P. 1; Couwenhoven R. Nicolaas Calff. P. 11.
100. Tegenwoordige staat van Groot Rusland, Vertoont in d'ontzachlyke Onderneemingen van zyne Czaarsche majesteit Peter Alexewitz... Amsterdam, 1717.
101. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1830. Т. II. С. 21.
102. *Oosterwyk van J.* Ter Bruiloft Van de Konstbeminnde Claas Corneliszoon Calf, En de Deugtzaame Aafje Pieters. Getrouwt op Westzardam den 25 van Zomermaand, des Jaars 1702. S.l., [1702].
103. *Scheltema J.* Peter de Groote. Vol. II, 1814. P. 66.
104. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 89. Этим священником был о. Иван Хрисанфов, который сопровождал государя также в Париж и, по словам герцога де Сен-Симона, поразил многих французов непомерным аппетитом и беспредельной жадой (Братья Олсуфьевы. С. 39).
105. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 92.
106. *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 138–139.
107. *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. II. P. 293.
108. *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. С. 307.
109. *Braam van A.* Bloei en verval van het economisch-sociale leven aan de Zaan in de 17de en 18de eeuw; *Visser W.F.* Peter de Grote en Zaandam. P. 28; *Beukers E., Nijls de Th.* Het bijzondere van Holland. P. 60.
110. *Patriot J.* Optelling van de takken van Welwaard die wy verlooren hebben...
111. Riksarkivet (Stockholm). *Hollandica*, 341.
112. *Прейс [Й.Ф.]* Извлечение из донесений... С. 5.
113. Riksarkivet (Stockholm). *Hollandica*, 342; *Прейс [Й.Ф.]* Извлечение из донесений... С. 9.
114. Петр Великий в преданиях... С. 40–41.
115. См.: *Ronin V.* Die Niederländer in der russischen Volksüberlieferung über Peter den Großen. P. 285–313.
116. *Honig J.J.* Geschiedenis der Zaanlanden. Deel II. P. 157.
117. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 317.
118. National Archives (Kew Gardens, London). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780. SP 84. Fol. 195.
119. De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XVIII. P. 317–318.
120. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 90–91.
121. Там же. С. 92.
122. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 8.
123. *Faure J.* Beknopte historie van de stad Bergen op Zoom. P. 243–244.
124. *Beerstecher W.K.C.* Geschiedenis van Bergen-op-Zoom. P. 85.
125. Письма русских государей... Т. I. С. 73.
126. Гистория свейской войны. С. 612.
127. Stadsarchief Dordrecht. 1572–1795. Nr 3074. Fol. 32.

128. Гистория свейской войны. С. 612.
129. Bestuurlijk Archief der stad Nijmegen, 1196—1814. Nr. 137. Raadsignaten over het jaar 1717. О пушечном салюте вкратце упомянуто также в книге местного краеведа XVIII в.: *Smetius J. Chronijk van de Stad der Batavieren <...> de Beschrijving van Nijmegen tot den jaare 1784* (www.noviomagus.nl/home1.html).
130. *Schevichaven van H.D.J. Czaar Peter te Nijmegen*. P. 57—58.
131. На одном из неймегенских сайтов, без ссылки на источники, утверждается, что Петр останавливался на постоялом дворе под названием «De Zwaan [Лебедь]» (www.noviomagus.nl/Blik/03-07/Blik0307.htm).
132. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого... Т. II, 1830. С. 51.
133. *Schevichaven van H.D.J. Czaar Peter te Nijmegen*. P. 57.
134. Сборник выписок из архивных бумаг. Т. II. С. 83. Один червонный соответствовал 5 гульденам.
135. *Штелин фон Я.* Подлинные анекдоты Петра Великого... Т. I, 1830. С. 75—76.
136. *Mauricius J.J.* Op Keizer Pieter den Isten // *Dichtlievende uitspanningen*. P. 100. См. также: *Meiden van der G.W.* Een lofdicht op Peter de Grote. P. 30—35.
137. *Mauricius J.J.* Onledige ouderdom. Deel 2, voorrede, § 11.
138. Resolutien van de Hoogh Mogende Heeren Staten Generael... Genomen in den jare 1717 (NA. Nr. 1.01.02/3772).
139. *Номен Я.* Записки Я.К. Номена. С. 92-93.
140. Канадский англоязычный исследователь Джейк Кнопперс перевел слово «warschap» из записок Номена как «confusion» (*Knoppers J.V.Th.* The Visits of Peter the Great... P. 50).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пребывание Петра I в Республике Соединенных Провинций оказалось в 1716–1717 годах столь же долгим, как и его первый визит в 1697–1698 годах. Повсюду царя принимали учтиво и со всеми почестями. Опорой Петру служила сеть русских и голландских представителей и агентов. Они закупали для него оружие, снабжали дипломатическими сведениями, обеспечивали его экономические и политические интересы в Амстердаме и Гааге, устанавливали связи с видными местными художниками, учеными, коллекционерами, у которых он покупал картины, новейшие изобретения и иные редкости или приглашал их в Россию. Все это проходило при одобрении почти всего общественного мнения Республики. В бесчисленных стихах и прозе, с восхищением, а порой с юмором или даже с иронией, выражалась симпатия к царю-реформатору, всего за два десятилетия создавшему могучую державу, с которой теперь приходилось считаться на международной арене. Из свидетельств современников видно, какое сильное впечатление произвел на голландцев этот неутомимый и любознательный просветитель своего народа.

Путешествуя по Голландии, Зеландии и другим провинциям страны, Петр интересовался буквально всем, чем она могла похвастаться в области техники и искусства, обращал внимание на любые изобретения и новшества в строительстве крепостей, гражданской архитектуре и обустройстве садов и везде привлекал к себе на службу специалистов, которые помогли бы придать больше блеска и престижа его новой столице. Политические же структуры и учреждения Нидерландов явно лежали вне сферы его любопытства. Глубинные основы процветания граждан Республики, ее торгового могущества на всех морях не вызвали у него интереса. В этом смысле он ориентировался скорее на Швецию.

Вместе с тем повторное путешествие Петра за границу проходило не под счастливой звездой. Совместная с англичанами и датчанами высадка в Швеции не состоялась, Республика Соединенных Провинций не проявила желания встать на сторону России в Северной войне, а Великобритания то и дело ставила русскому царю палки в колеса. Утешала лишь дружба с Пруссией. Видимо, в ходе встречи с прусским королем в Хафельберге Петр понял, что ему необходимы также лояльность Франции и союз с ней. Так возникла

идея поездки в Париж и Версаль.

Власти Республики не откликнулись на просьбу царя о крупном займе. Их возмущало грубое отношение к голландским купцам и шкиперам в подконтрольных России портах. Не способствовали взаимопониманию между Россией и Голландией и политические интриги против британского короля Георга I, к которым были причастны как шведский агент в Гааге барон Гёртц, так и приехав-

ший вместе с царем лейб-медик Эрскин. Если верить саркастическим донесениям секретаря шведского посольства в Голландии своему правительству, русский монарх не был для Генеральных штатов столь уж желанным гостем. Тратить деньги на подарок Петру по случаю рождения сына многим в Гааге не хотелось. Некоторые были отнюдь не в восторге от «промышленного шпионажа» русских и от того, сколько опытных мастеров из Голландии Его Царское Величество взял на службу в Россию. И когда Петр наконец покинул Республику, хозяева вздохнули с облегчением.

Царь не мог не понять, что рассчитывать на своих голландских приятелей больше не приходится. В оставшиеся Петру I годы (1717–1725) экономические и политические отношения с Республикой достигли низшей точки. Взаимное доверие, обоюдный интерес, уважение и симпатии друг к другу канули в прошлое. «Голландский период» в истории России, эпоха значительного влияния Нидерландов на развитие страны, закончился. Главное влияние оказывали отныне немцы и французы.

Однако образ «царя-плотника» и просвещенного реформатора, который модернизировал свою державу и вывел ее на европейский уровень, сохранился в Нидерландах и дальше, вызывая восторженные похвалы. Освобождение Голландии в 1814 г. от власти Наполеона войсками императора Александра I усилило позитивный интерес голландцев к той странице своего прошлого, которая была связана с посещениями страны русским монархом. Сложился своеобразный культ, в центре которого оказался так называемый Домик царя Петра в Зандаме — реликвия и место паломничества как для жителей Нидерландов, так и для тех, кто приезжает из России.

Домик Петра I в Зандаме.
Коробка для печенья
голландской фирмы «Веркаде»

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВЫ

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва.
Archives du Ministère des Affaires Étrangères et Européennes (Paris).
Correspondance politique. Hollande 1716–1717. Vol. 311–316 (Архив Министерства иностранных и европейских дел. Корреспонденция политическая. Голландия, 1716–1717, Париж).
Nationaal Archief Den Haag (NA) (Национальный архив, Гаага).
National Archives (Kew Gardens, London). State Papers. Foreign. Holland 1560–1780 (Национальный архив. Государственные бумаги. Голландия 1560–1780, Лондон).
Riksarkivet (Stockholm). Hollandica, 341–342 (Государственный архив Швеции. Голландика, Стокгольм).
Stadsarchief Amsterdam (SAA) (Городской архив Амстердама).

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Гистория свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004.
Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина, 1705–1710
// Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I–X. Саратов, 1890–1902.
Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. Т. II. СПб., 1772. С. 397–425.
Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи), под ред. П.А. Кротова. СПб., 2001.
Номен Я. Записки Я.К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и в 1716/17 гг. Киев, 1904. Цифровая версия: http://krotov.info/lib_sec/14_n/nom/en.htm.
Петр Великий в его изречениях. СПб., 1910 [репринт: М., 1991].
Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты, под ред. Е.В. Анисимова. СПб., 1993.
Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка Имп. Петра I с Государыней Екатериной Алексеевной. Т. I. М., 1862.
Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Ч. 3. 1715–1723. СПб., 2011.
Походный журнал 1716 года. СПб., 1855.

Походный журнал 1717 года. СПб., 1855.

Прейс [И.Ф.] Извлечение из донесений шведского коммисионс-секретаря Прейса (Preis) о пребывании Петра I в Голландии в 1716 и 1717 г. // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1877. Кн. II. Отд. 4. С. 1–12.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Первом. Т. II. М. 1872.

Собрание писем императора Петра I^{го} к разным лицам с ответами на оныя. Т. III–IV. СПб., 1830.

Указы и письма Петра Великого к князю Борису Ивановичу Куракину // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. I. СПб., 1890. С. 1–38.

Штелин фон Я. Подлинные анекдоты Петра Великого... М., 1786.

De briefwisseling van Anthonie Heinsius 1702–1720. Deel XVIII. Den Haag, 1999.

Journal de Pierre le Grand depuis l'année 1698, jusqu'à l'année 1714 inclusivement. Berlin, 1773.

Nomen J.C. Het journaal van Jan Cornelisz Nomen over het bezoek van czaar Peter aan Holland en Zaandam in 1697 en 1717 // De Zaende. Maandblad gewijd aan de historie, folklore en genealogie van de Zaanstreek, 1947. P. 225–267.

Tagebuch Peters des Großen vom Jahre 1698 bis zum Schlusse des Neustädter Friedens. Aus dem Russischen Originale. Berlin; Leipzig, 1773.

Umständliches Journal über die Reise des Tzaren von Kopenhagen nach Holland und Frankreich bis nach St. Petersburg zurück // *Baumeister H.L.Ch.* Beyträge zur Geschichte Peters des Großen. Bd. III. Riga, 1784. S. 114–151.

ЛИТЕРАТУРА

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. Т. I. М., 1894.

Беккер Б.Б. Русские посетители анатомического кабинета профессора Рейса в Амстердаме // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Roma, 1962. P. 93–103.

Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1–5. М., 1940–1948.

Братья Олсуфьевы, обер-гофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А.Д. Меншиковым // Русский Архив, 1883/3. С. 5–40.

Брикнер А. Путешествия Петра Великого за границу в 1711 до 1717 г. // Русский Вестник, 1880/11. С. 5–49; 1880/12. С. 567–597; 1881/1. С. 156–201; 1881/2. С. 619–658; 1881/3. С. 53–101.

Брикнер А. История Петра Великого. Т. I–II. М., 1996 [репринт].

Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007.

Вагеманс Э. Голландская ода о Петре Великом, или О плодах культурной стратегии русского царя на Западе // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 г. СПб., 2011. С. 98–106.

- Ван дер Веен Я.* Амстердамский художественный рынок и покупки картин для Петра I // *Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи...* С. 196–212.
- Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 г. М., 1897.
- Волинский Н.* Подделка в Эрмитаже! // *Правда*. 16 декабря 1989 г.
- Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Т. I–XII. М., 1788–1789.
- Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. I–XVIII. М. 1790–1797. Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках. Биобиблиографический справочник, под ред. Л.Д. Попова и Я.В. Велувенкампа. Архангельск, 2007.
- Горбатенко С.* Новый Амстердам. Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов / *New Amsterdam. St. Petersburg and Architectural Images of the Netherlands*. СПб.; Гронинген, 2003.
- Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006. СПб., 2008.
- Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.
- Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.
- Домик Петра Великого в Заандаме. [Амстердам, 1897].
- Дриссен Й.Й.* Голландцы и русские 1600–1917. Из истории отношений между Россией и Голландией. Амстердам; Гаага, 1989.
- Дриссен Й.Й.* Царь Пётр и его голландские друзья. СПб., 1996.
- Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.
- Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В.* Андрей Матвеев. М., 1984.
- Император Петр I Великий. Энциклопедия, под ред. М.Л. Вольпе. М., 2007.
- Каминская А.Г.* Основные этапы жизни и творческого пути Ю.И. Кологринова // *Россия-Голландия: на перекрестке мнений*. С. 129–155.
- Каминская А.Г.* Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году // *Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика*. СПб., 2010. С. 13–21.
- Каминская А.Г.* Приобретение картин в Голландии в 1716 году // *Русская культура первой четверти XVIII в. Дворец Меншикова*. СПб., 1992. С. 36–54.
- Ковалевский М.* Новые данные о пребывании Петра в Париже // *Русская мысль*, 1884/1.
- Коойманс Л.* Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша. СПб., 2008.
- Копанев Н.А.* Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра I // *Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи...* С. 243–260.

- Копанев Н.А.* Письмо голландского издателя о «болезни» Петра Великого // Россия-Голландия. Книжные связи XV–XX вв. С. 96–101.
- Лацинский А.С.* Петр Великий Император России в Голландии и в Заандаме в 1697 и 1717 гг. // Русская старина, 1916/1. С. 5–24; 1916/2. С. 193–223; 1916/3. С. 387–396; 1916/4. С. 5–14.
- Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985. С. 307–342.
- Майер И., Шамин С.М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история, 2011/5. С. 91–112.
- Макаров Б.С.* Голландцы в России в первой половине XVIII века. СПб.; Гронинген, 2009.
- Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. Цифровая версия: <http://annuaire-fr.narod.ru/Mezin-book.html>.
- Мезин С.А.* Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов, 2002. С. 18–54. Цифровая версия: www.sgu.ru/files/nodes/9832/03.pdf.
- Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991.
- Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого, 4-е изд. М., 1991.
- Нидерландские гостиные. Сборник лекций. Вып. 1. СПб., 2003.
- Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.
- Никифоров Л.Н.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.
- Павленко Н.И.* Вокруг трона. Птенцы гнезда Петрова. Страсти у трона. М., 1999.
- Павленко Н.И.* Екатерина I. М., 2004.
- Павленко Н.И.* Меншиков. Полудержавный властелин. М., 1999.
- Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994.
- Пекарский П.* Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862.
- Петр I и Голландия. Русско-голландские художественные и научные связи. К 300-летию Великого посольства. Каталог. СПб., 1997.
- Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого, под ред. Н.П. Копаневой, Р. Кистемакер и А. Офербек. СПб., 1997.
- Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях, под ред. Б.Н. Путилова. СПб., 2000.
- Петр Великий в русской литературе. Воспоминания. Оценки. Образ, под ред. И.Н. Сухих. СПб., 2009.
- Петр Великий: Pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2001.

- Петровские памятники России. Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. Т. 1. СПб., 2010.
- Портрет петровского времени. Л., 1973.
- Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. Т. 1-3. СПб., 2011.
- Россия—Голландия. Книжные связи XV-XX вв. СПб., 2000.
- Россия—Голландия. Сообщения российско-нидерландского научного общества. Вып. 1, под. ред. Г.В. Вилинбахова и Н.П. Копаневой. СПб., 2003.
- Россия-Голландия на перекрестке мнений. Материалы международной научной конференции, под ред. Н.П. Копаневой, И.М. Михайловой и Й. Дриссен-Ван хет Реве. СПб., 2008.
- Россия и Нидерланды в конце XVII века / Rusland en Nederland aan het einde van de zeventiende eeuw. СПб., 1995.
- Серов Д.О.* Строители Империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
- Смирнова Н.В.* «Подлинные анекдоты о Петре Великом» Я.Я. Штелина как источник для изучения деятельности Петра I и его времени [Диссертация... канд. ист. наук, МГУ]. М., 2006.
- Схелтема Я.* Петр Великий в Голландии и в Саардаме в 1697 и 1717 годах // *Дух журналов*, 1816. Часть 11. №18. С. 851—870; №19. С. 875—886; №20. С. 923—934; часть 12. №25. С. 1203—1212; №26. С. 1239—1248; часть 13. №27. С. 3—18; №28. С. 49—60; №29. С. 103—120; №30. С. 169—180.
- Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах. Т. I. Осьмнадцатое столетие. Кн. 1—2. СПб., 2001.
- Трифанкова Ю.В.* Б.И. Куракин: личность и дипломатическая деятельность [Диссертация... канд. ист. наук, Рязанский гос. ун-т]. Рязань, 2007.
- Уляницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII веке. Т. 1-2. М., 1899.
- Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1-5. СПб., 1858-1863.
- Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.
- Хвостова Г.А.* Памятники «царю-плотнику» в Санкт-Петербурге и Саардаме (к истории российско-голландских художественных связей) // *Россия-Голландия. Сообщения российско-нидерландского научного общества*. Вып. 1. С. 286—291.
- Черкасов П.П.* Двуглавый орел и Королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700—1775. М., 1995.
- Языков А.[П.]* Пребывание Петра Великого в Сардаме и Амстердаме в 1697 и 1717 годах. Берлин, 1872.

- Abbing C.A.* Beknopte geschiedenis der stad Hoorn, hoofdstad van West-Vriesland, gedurende het grootste gedeelte der XVII en XVIII eeuw. Hoorn, 1841.
- Albach B.* Drie eeuwen 'Gijsbreght van Aemstel'. Kroniek van de jaarlijkse opvoeringen. Amsterdam, 1937.
- Altbauer D.* The Diplomats of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1980/2. S. 1-16.
- Antal von G., De Pater J.C.H.* Weensche gezantschapsberichten van 1670 tot 1720. Den Haag, 1934.
- Arnold Th.J.I.* De «Bijbel van czaar Peter» // *Bijdragen tot de Geschiedenis van den Nederlandschen Boekhandel*. Deel I. Amsterdam, 1884. P. 402-415.
- Balbian Verster de J.F.L.* Christoffel Brants (1664-1732) en zijn Buitenverblijf «Petersburg» // *Jaarboekje van het Oudheidkundig Genootschap Niflarlake*, 1925. P. 41-57.
- Balbian Verster de J.F.L.* Christoffel Brants (1664-1732) en het Van Brants Rus-Hofje // *Jaarboek Amstelodamum*. Jaargang 26, 1929. P. 105-159.
- Balbian Verster de J.F.L.* Peter de Groote te Amsterdam, in 1717 // *Maandblad Amstelodamum*, 1917. Nr. 4. P. 49-52.
- Balbian Verster de J.F.L.* Peter de Groote te Amsterdam // *Jaarboek Amstelodamum*. Jaargang 17, 1919. P. 31-46.
- Balbian Verster de J.F.L.* Het waterfeest op het Y ter eere van Peter den Groote // *Jaarverslag Nederlandsch Historisch Scheepvaartmuseum*, 1923. P. 42-50.
- Balbian Verster de J.F.L.* Burgemeesters van Amsterdam in de 17e en 18e eeuw. Zutphen, 1932.
- Basmanov A., Driessen J.J.* ИЕТР. In het spoor van Peter de Grote. De tsaar-leerling die Europa verkende. De Bilt, 1991.
- Beentjes R.* '...En de man hiet Jan van Gyzen. Een verslag van twaalf jaar lief en leed in Jan van Gysens Weekelyksche Amsterdamsche Merkuuren (1710-1722)' // *Mededelingen van de Stichting Jacob Campo Weyerman*. Jaargang 17, 1994. P. 1-15.
- Beer de A.* Henriëtta van Pee // *Digitaal Vrouwenlexicon van Nederland* (www.historici.nl/Onderzoek/Projecten/DVN/lemmata/data/Wolters_Van_Pee,_Henrietta) [15/04/2012].
- Beerstecher W.K.C.* Geschiedenis van Bergen-op-Zoom. Leiden, 1895.
- Berkel van K.* Citaten uit het boek der natuur. Zeventiende-eeuwse Nederlandse naturaliënkabinetten en de ontwikkeling van de natuurwetenschap // *De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585-1735*, onder leiding van E.Bergvelt, R.Kistemaker. Zwolle, 1992. P. 169-191.
- Bernard A.* Tableau du spectacle français ou annales théâtrales de la ville de Mastrigt, précédé d'un discours préliminaire. Mastrigt [Maastricht], 1731 [1781].

- Beukers E., Nijls de Th.* Het bijzondere van Holland. Een geschiedenis van Holland in 25 verhalen. Hilversum, 2005.
- Bijtelaar B.* De Zingende Torens van Amsterdam. Amsterdam, 1947.
- Bittner L.* Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem westfälischen Frieden, 1648–1818. Bd. 1–3. Oldenburg, 1936–1965.
- Blauw H.M.* Bibliografie van het werk van Hermanus van den Burg gepubliceerd tussen 1700 en 1800 // Documentatieblad werkgroep 18e eeuw. Nr. 36, 1977. P. 5–35.
- Bloemen C.* Drie eeuwen Maastrichts theater. Geschiedenis van de Stadsschouwburg. Maastricht, 1964.
- Blome A.* Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. Wiesbaden, 2000.
- Bohlen A.* Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great // Cahiers du Monde Russe et Soviétique, 1966/3. P. 341–358.
- Bolland T.* De Bijbel van tsaar Peter de Grote // Ten dienste van de Statenvertaling: vriendenbundel voor L.M.P. Scholten. Leerdam, 2004. P. 136–144.
- Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh 1719–1725 [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 1997.
- Borromeus B.* Geschiedenis van Maastricht de oudste stad van Nederland. Maastricht, s.a.
- Braam van A.* Bloei en verval van het economisch-sociale leven aan de Zaan in de 17de en 18de eeuw. Wormerveer, [1944].
- Braam van A.* Zaandam en de czaar, 1697. Delen 1–2. Wormerveer, 1997.
- Braam van A.* De czaar woonde hier maar acht dagen // Met Stoom/ANNO 1961. Nr. 24. September 1996. Цифровая версия: www.zaand-industrieel-erfgoed.nl.
- Breen J.C.* Geschiedenis van het huis Heerengracht 527 // Jaarboek Amsteldamum. Jaargang 17, 1919.
- Brugmans H.* Geschiedenis van Amsterdam. Vol. III–IV. Utrecht; Antwerpen, 1973.
- Bruin C.* Speelreis langs de Vecht-stroom, op de uitgegeevene Gezichten van de Zeegepralende Vecht. Amsteldam [Amsterdam], [1719].
- Bruin C.* Zede-dichten met kunstplaten. Amsterdam, 1726.
- Bruin de C.* Reizen over Moskovie, door Persie en Indie... Amsteldam [Amsterdam], 1717.
- Bruin de C.* Reizen over Moskovie. Een Hollandse schilder ontmoet tsaar Peter de Grote. Amsterdam, 1996.
- Christyn J.B.* Les délices des Pais-bas. Bruxelles, 1700.
- Collist R.* The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great. Brill, 2012.
- Couwenhoven R.* Einde van een mythe // Windbrief. Nr. 93, 1995. P. 4–10.

- Couwenhoven R.* De familie Calff, vrienden van de Czaar // *Met Stoom/ANNO* 1961. Nr. 24. September 1996. Цифровая версия: www.zaand-industrieel-erfgoed.nl.
- Couwenhoven R.* Straatnamen in de Russische buurt // *Ibidem*.
- Couwenhoven R.* Nicolaas Calff: «Denk wel, spreek wel en doe wel» // *Zaanse Verhalen: berichten uit het rijke molenleven*. Zaandam, 2008. P. 9–33.
- Cross A.* Peter the Great through British Eyes. Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000.
- Czaar Peter Huisje / Царь Петр* // *Met Stoom/ANNO* 1961. Nr. 24. September 1996. Цифровая версия: www.zaand-industrieel-erfgoed.nl.
- Czaar Peter Huisje. Tsar Peter House. Домик царя Петра*. Zaandam, [2011].
- Damme van A.* De buitenplaatsen te Heemstede, Berkenrode en Bennebroek 1628–1811. Haarlem, 1903.
- Les Delices de la Hollande contenant Une description exacte du Païs, des Moeurs & des Coutumes des Habitans*. Amsterdam, 1728.
- Les Delices des Pais-Bas, Contenant une Description generale des XVII Provinces*. Brusselle, 1740.
- Diderot D.* Voyage en Hollande. Paris, 1982.
- Dijk G.* Den Czaer van Moscovien in Holland. Het tweede bezoek van Peter de Grote aan de Republiek der Verenigde Nederlanden in 1716–1717 [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 2007.
- Dommissie H.H.* Het Hollandse pronkpoppenhuis. Interieur en huishouden in de 17de en 18de eeuw. Amsterdam, 2000.
- Donga H.* Christoffel van Brants en zijn hofje. De geschiedenis van het Van Brants Rus Hofje vanaf 1733. Hilversum, 2008.
- Driessen-Van het Reve J.J.* De Kunstkamera van Peter de Grote. De Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752. Hilversum, 2006.
- Driessen-Van het Reve J.J.* Wat tsaar Peter de Grote (1672–1725) leerde van Holland en de Hollanders // *Leidschrift: historisch tijdschrift*, 2009/2. P. 15–33.
- Droste C.* Overblyfsels van Geheugchenis, der bisonderste voorvallen, In het leeven van den Heere Coenraat Droste. Terwyl hy gedient heeft in veld- en zee-slaagen, belegeringen en ondernemingen. Leiden, 1879.
- E. [Evers G.A.]* Czaar Peter te Utrecht in 1697 en 1717 // *Maandblad van “Oud-Utrecht”*, 1947. Nr. 8–9. P. 63–65.
- Eeghen van I.H.* Het poppenhuis van Petronella Oortman, huisvrouw van Johan Brandt // *Maandblad Amstelodamum*, 1953. Nr. 40.
- Encyclopedie van Zeeland. Delen I–III*. Middelburg, 1982–1984.
- Fabricius F.* Redenvoering over de hondert en vyftigste verjaardag, of het derde jubeljaar der Hollandsche Akademie te Leiden... [vertaald uit het Latijnse origineel door Dirk Smout]. Amsterdam, 1725.

- Faure J.* Beknopte historie van de stad Bergen op Zoom. Een geschiedenisboek uit 1761. Tilburg, 2010.
- Flament A.J.A.* Bezoek van Czaar Peter den Groote te Maastricht en het bestormen van den borch op de Maas te zijner eere // Publications de la Société Historique et Archéologique dans le Limbourg (Maastricht). Vol. 52, 1916. P. 42–46.
- Franquinet G.D.* Visite du Czar Pierre-le-Grand à Maestricht en 1717 // Annales de la Société Historique et Archéologique à Maestricht. Maestricht, 1854–1855. Vol. I. P. 295–297.
- Fret P.* Peter de Groote te Vlissingen // De Navorscher. Jaargang 14, 1864. P. 138.
- Gachard [L.P.]* Le voyage de Pierre le Grand dans les Pays-Bas Autrichiens, en 1717 // *Gachard [L.P.]* Études et notices historiques concernant l'Histoire des Pays-Bas. Bruxelles, 1890. P. 488–524.
- Gasiorowska X.* The Image of Peter the Great in Russian Fiction. Madison (Winsconsin), 1979.
- Gebeiteld & Verguld.* Gevelstenen in Maastricht. Maastricht, 1991.
- Gebhard J.F.* Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). T. I–II. Utrecht, 1881–1882.
- Geconfineert voor altoos. Stukken behorend bij het proces Jacob Campo Weyerman (1739), vermeerderd met een autobiografie, onder leiding van K.Bostoen, A.Hanou. Leiden, 1997.
- Gelder van R.* Kunst- en rariteitenverzamelingen in Noord-Holland // Waardige Zaken: 14 wonderkamers in Noord-Holland van beeldend kunstenaars. Noord-Holland, 1999. P. 13–19.
- Geyl P.* Geschiedenis van de Nederlandse stam. Deel IV. 1701–1751. Amsterdam; Antwerpen, 1962.
- Gimpel C.J.* Jan van Gijsen, de Amsterdamsche volkspoët // Jaarboek Amstelodamum. Jaargang 17, 1919. P. 81–113.
- Göbel H.* Wandteppiche. I. Teil. Die Niederlande. Leipzig, 1923.
- Gool van J.* De Nieuwe Schouburg der Nederlantsche kunstschilders en schilderessen... T. I–II. Den Haag, 1750–1751.
- Graafhuis A.* Utrecht in de achttiende eeuw. Utrecht, 1965.
- Grobbe F.H.* Van Brants Rus Hofje Amsterdam. Amsterdam, 1987.
- Grobbe F.H.* Christoffel van Brants en het buiten Petersburg // Petersburg, een verdwenen buitenplaats. Thema-nummer van het tijdschrift Werinon van de Historische Kring Nederhorst den Berg, 1996/4. P. 31–35.
- Groot Rusland in den rouw, over het ontydig afsterven van van Petrus Alexewitz... [Pamflet]. Amsterdam, [1725]. 1 p.
- Guichen de E.* Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682 à 1717). Paris, 1908.

- Halma F.* Het kasteel van Aigermont, en d'omleggende landstreek in de heerlijkheid van Nederkan, nevens de stad Maastricht; in heldendicht afgeschetst door François Halma. Leeuwarden, 1715.
- Hart S.* Een weddenschap om Czaar Peter // *De Zaende*, 1948. P. 247–248.
- Hartley J.M.* Charles Whitworth. Diplomat in the Age of Peter the Great. Ashgate, 2002.
- Haslinghuis E.J.* Buitenplaats van Soloffihoff in den Haarlemmerhout // *Maandblad Amstelodamum*, 1917. Nr. 4. P. 72.
- Hatton R.* Diplomatic Relations between Great Britain and the Dutch Republic, 1714–1721. London, 1950.
- Haussonville d' [P.G.]*, comte. La visite du Tsar Pierre le Grand en 1717 d'après des documents nouveaux // *Revue des Deux Mondes*, 1896. P. 795–815.
- Helsloot P.N.* De glorie van Zaandam. Zeven eeuwen geschiedenis, gezien van de Hogendam. Zaltbommel, 2002.
- Hoftijzer P.G.* Het Nederlandse boekenbedrijf omstreeks 1700 // *Peter de Grote en Holland*. P. 103–107.
- Honig G.J.* Nadere bijzonderheden betreffende de familie KALFF // *Algemeen Nederlandsch Familieblad*, 12 februari 1884, P. 4–7.
- Honig G.J.* Pieter Michaeloff. Het verblijf van Czaar Peter den Grooten de Zaandam in augustus 1697. Koog aan den Zaan, 1897.
- Honig G.J.* Het huis van Calff te Zaandam W.Z. // *Honig G.J. Stamboek Familie Smit*, derde deel. Koog aan de Zaan, 1935.
- Honig J.J.* Geschiedenis der Zaanlanden. Deel II. Haarlem, 1849.
- Honig J.J.* Een verdienstelijk man // *De Oude Tijd*. Haarlem, 1869. P. 256–259.
- Hoogma Riet.* Peter de Grote en de Russen in het werk van Jacob Campo Weyerman // *Mededelingen van de stichting Jacob Campo Weyerman*, 2000/1. P. 36–45.
- Houbraken A.* De groote schouburgh der Nederlantsche konstschilders en schilderessen. T. I–III. 's-Gravenhage, 1753.
- Hughes L.* 'Nothing is Too Small for a Great Man': Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths // *Slavonic and East European Review*, 2003/4. P. 634–658.
- Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London, 1998.
- Huwel R.* Magnetiet // *Geonieuws. Mineralogische Kring Antwerpen*, 1980/2. P. 33–44.
- Israel J.* Heinsius, Dutch Raison d'État and the Reshaping of the Baltic and Eastern Europe // *Anthonie Heinsius and the Dutch Republic 1688–1720. Politics, War, and Finance*, ed. by J.A.F. de Jongste, A.J. Veenendaal. The Hague, 2002. P. 25–44.
- Janszen L.* De gedenkprent, uitgereikt ter gelegenheid van de Peter de Grote-herdenking te Amsterdam, september 1947 // *Jaarboek Amstelodamum*. Jaargang 44, 1947. P. 79–80.

- Jeeninga W.* Het Oostindisch Huis en het Sint Jorishof te Amsterdam. Zwolle, 1995.
- Jong de E.A.* 'Paradisus batavus'. Peter de Grote en de Nederlandse tuinarchitectuur // Peter de Grote en Holland. P. 115–123.
- Jong de E.A.* Zijdebalen: A late seventeenth / early eighteenth-century Dutch Estate and its garden poem // Journal of Garden History, 5/1, 1985. P. 32–71.
- Kloetstra A.A.* Christoffel Brants en de handel in contrabande op Rusland. De Nederlands-Russische betrekkingen 1693–1709 [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 1993.
- Kluit S.W.P.* De Hollandsche Leidsche Courant // Jaarboek van de Maatschappij der Nederlandse Letterkunde, 1871. P. 3–86.
- Kluit S.W.P.* Jacob Campo Weyerman als journalist // Bijdragen voor Vaderlandsche geschiedenis en oudheidkunde. Nieuwe reeks. Deel 7, 1877.
- Kluit S.W.P.* De Rotterdamsche Courant. Leiden. Brill, 1878 (Overdruk uit de Mededeelingen van de Maatschappij der Nederlandsche Letterkunde te Leiden, 1877–1878).
- Knoppers J.V.Th.* Some misunderstood aspects of the visits of Tsar Peter I of Russia to Holland in 1697–98 and 1716–17 // Canadian Association for the Advancement of Netherlandic Studies Newsletter, March 1974. P. 8–17.
- Knoppers J.V.Th.* Tsar Peter I and Utrecht // Canadian Journal of Netherlandic Studies, Fall 1979. P. 16–22.
- Knoppers J.V.Th.* The Visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697–98 and 1716–17 as Seen in Light of the Dutch Sources [Thesis Dep. of History, McGill University]. Montreal, 1969.
- Koene B.* De Caeskopers. Een Zaanse koopmansfamilie in de Gouden Eeuw. Hilversum, 2011.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* The Dutch Republic, Sweden and Russia, 1697–1708, and the secret activities of Cornelis Cruys and Johannus van den Burgh // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century. P. 51–61.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* Het verhaal van twee verloren vriendschappen De Nederlandse Republiek, Rusland en Zweden, 1714–1725. Het verhaal van twee verloren vriendschappen. Groningen, 2013.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* Tussen Rijswijk en Utrecht. De diplomatieke betrekkingen tussen Zweden en de Verenigde Nederlanden 1697–1713. Groningen, 1996.
- Koolaart (geboren Hoofman) E.* De Naagelaatene Gedichten. Haarlem, 1774.
- Lebedeva I.* De nalatenschap van Maria Sibylla Merian in Sint-Petersburg // Peter de Grote en Holland. P. 60–66.
- Leer van der K.* Huizen tussen Hofwijck en Middenburg // Historisch Voorburg, 2004/2. P. 4–29.

- Lefébure G.* Éloge historique de Pierre le Grand. Utrecht, 1772 [= 1782].
- Lentin A.* Shcherbatov, Staehlin and the publication of the Anecdotes of Peter the Great // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter, 29, 2001. P. 68–73.
- Levensgeschiedenis van Peter den Groote. 's Gravenhage, 1841.
- Locher Th.J.G.* Peter de Grote. Amsterdam, 1957.
- Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie (Le mirage russe en France au XVIIIe siècle). Paris, [1948].
- Lossky B.* Le séjour de Pierre le Grand en France // Le Monde Slave, 1932/3. P. 278–303.
- Luijten J., Schutgens K.* Tsaar Peter de Grote en Maastricht (1717) // De Maasgouw. Tijdschrift voor Limburgse geschiedenis en oudheidkunde, 1999. P. 114–120.
- Luttervelt van R.* De Buitenplaatsen aan de Vecht. Lochem, 1948.
- Maier I.* Zeventiende-eeuwse Nederlandse couranten vertaald voor de tsaar // Tijdschrift voor Mediageschiedenis, 2009/1. P. 27–49.
- Matthes E.* Das veränderte Rußland und die unveränderten Züge des Russenbilds // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 18. Jahrhundert: Aufklärung, unter der Red. von M.Keller. München, 1987. S. 109–135.
- Mauricius J.J.* Op Keizer Pieter den I^{sten} // Dichtlievende uitspanningen. Amsterdam, 1753.
- Mauricius J.J.* Onledige ouderdom. Amsterdam, 1766.
- Meerman de J.* Discours sur le premier voyage de Pierre le Grand, principalement en Hollande. Paris, 1812.
- Meiden van der G.W.* Een lofdicht op Peter de Grote // Mededelingen van de stichting Jacob Campo Weyerman, 2000/1. P. 30–35.
- Meiden van der G.W.* Rivalen in roem. Peter de Grote en Karel XII. Amsterdam, 1996.
- Meulen van der R.* Peter de Groote en het Hollandsch // Onze Eeuw, 1913/3. P. 117–138.
- Minis S.* Daniel Wolf van Dopff heer van Neercanne een genereus generaal. Maastricht, 1988.
- Minis S.* De terugkeer van de gouverneurs. De Gouverneursportretten uit het Jachtslot Fasanerie te Fulda. Maastricht, 1998.
- Minzloff R.* Pierre le Grand dans la littérature étrangère. St.-Pétersbourg, 1872.
- Mohrenschildt von D.S.* Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-Century France. New York, 1936.
- Morreau L.J.* Bolwerk der Nederlanden. De vestingwerken van Maastricht sedert het begin van de 13e eeuw. Assen, 1979.
- Munnig Schmidt E., Lisman A.J.A.M.* Plaatsen aan de Vecht en de Angstel. Historische beschrijvingen en afbeeldingen van kastelen, buitenplaatsen,

- stads- en dorpsgezichten aan de Vecht van Zuilen tot Muiden. Alphen aan den Rijn, 1997.
- Naarden B.* Zaandam, Romanov en Oranje // Prospekt 2001. Цифровая версия: www.prospekt-online.nl/prosabl/prospekt/archiefArchief.html#zaandam.
- Nestesuranoi B.I.* Gedenkschriften der Regeeringe van Petrus den Grooten, Keizer van Rusland, Vader des Vaderlands, enz. enz. Vol. 1-5. 's Haage; Amsterdam, 1725-1726.
- Das neue Bernsteinzimmer, unter der Red. von R. Appel. Köln, 2003.
- Het Nieuwe Testament ofte alle boecken ... gedrukt door last van zijn Czaarse Majesteyt... 's Gravenhage, 1717.
- Onrust G.J.* Tsaar Peter en het vertrek van geschoolde handwerkslieden uit de Zaanstreek (1668-1721) // Anno 1961, 1993. Nr. 128. P. 873-877.
- Oostrum van W.R.D. Wilde, Maria de* // Digitaal Vrouwenlexicon van Nederland (www.historici.nl/Onderzoek/Projecten/DVN/lemmata/data/Wilde) [15/04/2012].
- Oostrum van W.R.D.* De Zaandammer Tsaar Peter-mythe gewogen // Anno 1961, 1992. Nr. 123. P. 790-793.
- Het Oude Testament gedrukt door last van zyne Czaarse Majesteyt Petrus den Eersten... Amsterdam, 1721.
- 'Een paradijs vol weelde'. Geschiedenis van de stad Utrecht. Utrecht, 2003.
- Parival de J.* Les délices de Hollande. Den Haag, 1700.
- Patriot J.* Optelling van de takken van Welwaard die wy verloren hebben; Fabryken en Neringen, met de daartoebehoorende Werktuigen en Beärbeiders, ons door Peter den Groote ontvoerd, en de Nadeelen welke ons Land daar by lyd // De Koopman, of weekelyksche by-dragen ten opbouw van Neêrlands koophandel en zeevaart, 1773 (IV). P. 41-56.
- Paul C.F.L.* Czaar Peter en de Zaanse scheepsbouw // Met Stoom/ANNO 1961. Nr. 24. September 1996. Цифровая версия: www.zaand-industrieel-erfgoed.nl.
- Peter de Grote en Holland. Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland ten tijde van tsaar Peter de Grote, onder leiding van R. Kistemaker, N. Kopaneva, A. Overbeek. Bussum; Amsterdam, 1996.
- Peters M.* De wijze koopman. Het wereldwijde onderzoek van Nicolaes Witsen (1641-1717), burgemeester en VOC-bewindhebber van Amsterdam. Amsterdam, 2010.
- Petersburg, een verdwenen buitenplaats. Themanummer van het tijdschrift Werinon van de Historische Kring Nederhorst den Berg, 1996/4.
- Porta A.* Joan en Gerrit Corver. De politieke macht van Amsterdam (1702-1748). Amsterdam, 1975.
- Rammelman-Elsevier W.I.C.* Verblijf van czaar Peter en zijne gemalin te Amsterdam in 1717 // Kronijk van het historisch gezelschap te Utrecht. Vol. 3, 1847. P. 193; Vol. 4, 1848. P. 147-149.

- Raptschinsky B.* Frederik Ruysch en Peter de Grote // Maandblad Amstelodamum, 1925. Nr. 22.
- Raptschinsky B.* Peter de Groote in Holland 1697–1698. Een historische schets. Zutphen [1925]
- Raptschinsky B.* Russische reizigers te Amsterdam in de XVIIIde eeuw // Jaarboek Amstelodamum. Jaargang 33, 1936. P. 155–170.
- Reis-Boek door de Vereenigde Nederlandsche Provinciën. Amsterdam, 1689.
- Reitz J.F.* Oude en nieuwe staat van 't Russische of Moskovische Keizerryk... Utrecht, 1744.
- Remie M.* Werkgroep De Russisch-Nederlandse betrekkingen, van 1500 tot 1917. Amsterdam, 1987 (Gemeentearchief Zaanstad).
- Riasanovsky N.V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York; Oxford, 1985.
- Rijn van G.* 'Gevallen die met ons geselschap zijn gebeurd' // Amsterdamsch Jaarboekje voor 1899. P. 82–99.
- Roggeveen P.* 100 Jaar Zaanstreek. Opmerkelijke feiten en gebeurtenissen uit de 20e eeuw. Vereniging Vrienden van het Zaanse Huis / Vereniging Zaan Industrieel Erfgoed, 2001.
- Romijn J.* Hart van Nederland. Een boek over de stad en de provincie Utrecht. Utrecht, 1950.
- Ronin V.* Die Niederländer in der russischen Volksüberlieferung über Peter den Großen // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century. P. 285–313.
- Russen en Nederlanders 1600–1917. Themanummer van Spiegel Historiae, 1989/6.
- Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century / Россия и Нидерланды в XVIII веке, (red.) E. Waegemans. Groningen, 1998.
- Scheltema J.* Anecdotes historiques sur Pierre-le-Grand et sur ses voyages en Hollande et à Saandam dans les années 1697 et 1717. Lausanne, 1842.
- Scheltema J.* Czaar Peter's verblijf te Rotterdam 31 maart–3 april 1717 // Rotterdamsch Jaarboekje, 1933. P. 137–140 (перепечатка из кн.: *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Vol. III. P. 363 e.v.).
- Scheltema J.* Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717. Vol. I–II. Amsterdam, 1814; второе издание: Utrecht, 1842.
- Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Vol. I–IV. Amsterdam, 1818.
- Scheltema P.* Czaar Peters verblijf te Amsterdam in de jaren 1697–1698 en 1716–1717 // Aemstel's Oudheid of Gedenkwaardigheden van Amsterdam. Deel 6, 1872. P. 223–239.
- Schevichaven van H.D.J.* Czaar Peter te Nijmegen // *Schevichaven van H.D.J.* Sprokkelingen. Nijmegen, 1925. P. 55–58.

- Schippan M.* Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2012.
- Schippan M.* Die Schenkung des Bernsteinzimmers an Zar Peter den Großen 1716 // Das neue Bernsteinzimmer, unter der Red. von R. Appel. Köln, 2003. S. 21–41.
- Schippan M.* Zar Peter I. in Kurbrandenburg // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. Bd. 44, 1996. S. 19–43.
- Schneider M.* De Nederlandse krant. Van «Nieuwstydinghe» tot dagblad. Amsterdam, 1943.
- Schoonbrood M., Grossier J.S.* Schetsen uit de geschiedenis van Maastricht en omstreken. Deel I. Maastricht, 1924.
- Schutgens K., Luijten J.* Tsaar Peter de Grote en Maastricht // Groot Verhalenboek van Maastricht. Sprokkels uit het archief, onder de leiding van R. Hackeng. Zutphen, 2010. P. 95–99.
- Schutte O.* Repertorium der Nederlandse vertegenwoordigers, residentie in het buitenland, 1584–1810. 's-Gravenhage, 1976.
- Slor J.* Een leerzaam reisje. Petersburg en de historiografische traditie van een literair genre // Petersburg, een verdwenen buitenplaats. Thema-nummer van het tijdschrift Werinon van de Historische Kring Nederhorst den Berg, 1996/4. P. 13–18.
- Smallegange M.* Nieuwe Cronyk van Zeeland. Middelburg, 1696.
- Smit J.* Dirck Rembrantsz van Nierop, 1610–1682. Delen 1–2. S.l., 1992.
- Sörensson P.* Sverige och Frankrike 1715–1718. Ett bidrag till kännedomen om Sveriges utrikespolitik efter Carl XII:s återkomst från Turkiet. Vol. II. Lund, 1916.
- Splitberger L.* Een rekening van een kasteleines // Ter Gouw J. De Oude Tijd. Haarlem, 1872. P. 308–310.
- Sprooten R., Hoenen J.* Alles moet bevochten worden. Een portret van Camille Oostwegel, 3^e ed. Naarden, 2011.
- Steengracht J.* Dichtlievende Tydkortingingen bestaande in Gedichten van verscheide stoffe en rymtrant. 2e ed. Leyden, 1728.
- Stoependaal D.* De zegepraalende Vecht, vertoonende verscheide gesichten van lustplaatsen, heeren huysen en dorpen; beginnende van Utrecht en met Muyden besluytende. Amsteldam [Amsterdam], 1719.
- Struick J.E.A.L.* Utrecht door de eeuwen heen. Utrecht; Antwerpen, 1968.
- Tavernier R.* Russia and the Low Countries. An international bibliography 1500–2000. Groningen, 2006.
- Teil du J.* Le czar à Dunkerque (1717) // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin, 1902. P. 113–189.
- Terlouw P.* De Vecht. Een stroom van verhalen. Haren, 1972.
- Terwen J.J., Ottenheym K.A.* Pieter Post (1608–1669), architect. Zutphen, 1993.

- Thomson F.* The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible. Sheffield; Ljubljana, 1998.
- Tsaren tronen op het Loo... Apeldoorn, 1996.
- Ubachs P.J.H.* Daniël Wolf de Dopff (1650–1718), ingenieur en seigneur // De Maasgouw, 1999. P. 232–250.
- Veluwenkamp J.W.* Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. Amsterdam, 2000.
- Verenet G.* Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717. Utrecht, 1865.
- Verheul-van Veen M.* Het poppenhuis van de tsaar // Petersburg, een verdwenen buitenplaats. Thema-nummer van het tijdschrift Werinon van de Historische Kring Nederhorst den Berg, 1996/4. P. 43–44.
- Verhoeven G.* «Het byzonderlijk dienstig Reys-boek, of wat er in vreemde landen aan-merkenwaardig, noodig en vermakelijk om te weeten is». In de Nederlanden gepubliceerde reisgidsen in de periode 1690–1740 [Licenciaatsverhandeling Geschiedenis, Katholieke Universiteit Leuven]. Leuven, 2002.
- Verzamelen van rariteitenkabinet tot kunstmuseum. Heerlen, 1993.
- Vet de J.J.V.M.* Weyerman en zijn kartuizer // Documentatieblad Werkgroep achttiende eeuw. Nr. 14, 1982. P. 179–208.
- Visser W.F.* Peter de Grote en Zaandam // Mededelingen van de stichting Jacob Campo Weyerman, 2000/1. P. 26–30.
- Vivat Apeldoorn en Oranje. Koninginnedag 2009. Apeldoorn, 2009.
- Vlaardingerbroek P.F.* Het paleis van de republiek: geschiedenis van het stadhuis van Amsterdam. Zwolle, 2011.
- Vlam Ch.C.* Graftombe Pieter Florisz. Bij een afbeelding van de graftombe van Pieter Florisz. en het bezoek van Peter de Grote daaraan // De Speelwagen. Jaargang 9, 1954. P. 141–143.
- Vlam Ch.C.* Een uitnodiging van tsaar Peter de Grote aan een Hollands organist // Mens en melodie. Algemeen maandblad voor muziek, 1954/4. P. 113–115.
- Vliet van R.* Tsaar Peter de Grote: identiteit en imago // Literatuur. Jaargang 13. Amsterdam, 1996. P. 344–349.
- Voltaire.* Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Paris, 1775.
- Wagenaar J.* Amsterdam in zyne opkomst, aanwas, geschiedenissen, voorregten, koophandel, gebouwen, kerkenstaat, scholen, schutterye, gilden en regeeringe. Vol. I–XIII. Amsterdam, 1760–1768.
- De wereld binnen handbereik. Nederlandse kunst- en rariteitenverzamelingen, 1585–1735, onder leiding van E. Bergvelt, R. Kistemaker. Zwolle, 1992.
- Westreenen van Tiellandt W.H.J.* Précis des deux voyages de l'Empereur Pierre le Grand, en Hollande en 1679 et 1698 et en 1716 et 1717 [Manuscript, Koninklijke Bibliotheek Den Haag]

- Weyerman J.C.* De Achtste 't Zamenspraak tusschen Pieter Paulus Rubens, Anthony van Dyk, en Godefroï Kneller // Pieter Paul Rubens, de kosmische schilder. Antwerpen, 1977. P. 80–86.
- Weyerman J.C.* Den Amsterdamschen Hermes I (1722), no. 1–8. Leiden, 1996.
- Weyerman J.C.* De Levens-beschryvingen der Nederlandsche Konst-schilders... Vol. I–IV. Den Haag, 1729–1769.
- Wills R.* The Jacobites and Russia 1715–1750. East Linton, 2002.
- Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. 1–2. Göttingen, 1964.
- Wladimiroff I.* De kaart van een verzwegen vriendschap. Nicolaes Witsen en Andrej Winius en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen, 2008.
- Zacharov V.* Jan Lups — Der Handelsagent Peters des Ersten // Around Peter the Great. Three Centuries of Russian-Dutch Relations. Groningen, 1997.
- Zar Peter der Große: die zweite große Reise nach Westeuropa 1716–1717; auf europäischer Bühne, unter der Red. von D.Alfter. Hameln, 1999.
- Zeeland in prent. 18e-eeuwse prenten van steden, dorpen, kastelen en buitenplaatsen. Zaltbommel, [1966].
- Zeven brieven met Plaat van den hand der doorlugtighe Tsaar Keizer Peeter den Groote van Rusland en Moskovië zijnde een beknopt verhael Zijner reis door de Nederlanden met bezoeken aan Zaendam, Amsterdam, Leyden, Delft en Schiedam in het jaar 1697. Alsoock zijne ontmoetingen met Voornaeme en Geleerde Nederlanders en al hetgeen Hem daarbij geschiedde en overkwaemt [Vertaald en bewerckt en voorzien van Opmerckingen door Kapitein ter Zee Henrick Johann Raabe]. St.-Peetersburg, 1813 [Lelystad, 1996].
- Zijdebalen, lusthof aan de Vecht. Catalogus. Utrecht, 1981.
- Zitser E.A.* The Vita of Prince Boris Ivanovich “Korybut”-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 2011/2. S. 163–194.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абарбанел И. (Abarbanel I.) 43
 Албемарл (Albemarle) см. Кеппел
 Алексей Петрович, царевич 27, 29, 47, 74, 114, 127, 129, 155
 Александр I, император 157, 199, 227
 Александр II, император 199
 Александр III, император 200
 Александр Великий, Македонский царь 81
 Альст Г. ван 212
 Альба (Alva) 144
 Аммерс Дирк ван 43
 Анна Иоанновна, императрица 85
 Анна Павловна, королева Нидерландов 157, 200
 Апраксин Ф.М. 43
 Аргунов И.П. 73
 Арескин Дж. (Эрскин) 30
 Арескин Р. (Эрскин) 30, 66, 72, 111–112, 123, 153, 157, 180, 227
 Ахилл 188
Бакмейстер Х.Л.Х. (Bacmeister H.L.C.) 12, 16
 Баххёйзен Л. (Bakhuizen L.)
 Баранов Л. 128
 Барбарези (Barbaresi) 74
 Барт А. (Baert A.) 108
 Беатрикс (Beatrix) 196
 Бёйс В. (Buys W.) 112
 Бентинк В. (Bentinck W.) 118
 Бентинк Х.В. (Bentinck H.W.) 118
 Бентинк Ш.С. (Bentinck C.S.) 118
 Бернштам Л. 193
 Берхем Н.П. (Berchem N.P.) 76
 Би Я. де (Bie J. de) 110, 114
 Биккер Х. (Bicker H.) 180, 182
 Блум С.А. (Bloem C.A.)
 Блюментрост Л. 125
 Богословский М. 18
 Боккалини Т. (Boccalini T.) 84
 Бонен А. (Boonen A.) 77, 79, 180
 Бонстра Й. (Boonstra J.) 19
 Бореил Я. (Boreil J.) 68
 Брандт Й. (Brandt J.) 65
 Брантс К. (Brants Chr.) 28, 40, 48, 51–65, 100–101
 Бревер 106
 Брейгель П. (Breugel P.) 76
 Брёйн К. (Bruin C.) 52, 68
 Брикнер А. 150
 Бримен Я. ван (Briemen J. van) 117
 Бруин К. де (Bruin C. de) 52, 153
 Бургаве Х. (Boerhave H.) 123–125
 Буржуа Н. (Bourgeois N.) 149
 Бутурлин А.В. 101
 Бюрг Й. Ван ден (Burgh J. van den) 12, 32, 40, 42–50, 79, 101
 Бюрг Х. ван ден (Burg H. van den) 47–49, 218
 Бюлсинг Я.А. 199
 Вагенар Я. (Wagenaar J.) 103
 Василевский В. 76
 Вассенар ван Дюверворде Й.Г. (Wassenaer van Duvenvoorde J.G.) 120
 Вауверман Ф. (Wouwerman Ph.) 76, 180
 Вебер Ф.Х. (Weber F.C.) 148
 Вейерман Я.К. (Weyerman J.C.) 79, 147–148
 Велдерен ван 117
 Верстеген П. (Verstegen P.)
 Верф А. ван дер (Werf A. van der) 75
 Веселовский Ф. 30–31
 Вестерло (Westerlo) 147
 Вилде Я. де (Wilde J. de) 66, 106
 Виллем (Вильгельм) III (Willem III), король Нидерландов 118, 120, 200
 Виллем I (Willem I) 199
 Виллем II (Willem II), король Нидерландов 157
 Виллем-Александр (Willem-Alexander) 196
 Винк-Мюлдер (Vinck-Mulder) 192
 Винсент Л. (Vincent L.) 66
 Виппер Б.Р. 171
 Випперо Б.Р. 171
 Вит Я. де (Wit J. de) 77
 Витворт Ч. (Whitworth Ch.) 50, 98, 109, 184, 211
 Витсен (Витзен) Н. (Witsen N.) 18, 28, 67–70, 99, 108, 179, 191, 208
 Виттрам Р. (Wittram R.) 155
 Вобан С. де (Vauban S. de) 213
 Волтерс-Ван Пе Х. (Wolters-Van Pee H.) 80–81
 Вольтер (Arouet Francois Marie; псевд. Voltaire) 151–152, 203
 Вондел Й. ван ден (Vondel J. van den) 103–104, 108
 Врангель, генерал 147

- Ганнибал А.П. 45, 85
 Гейзен Й. ван (Gyzen / Gysen J.van) 65, 178, 183, 201, 218
 Гелдер А. де (Gelder A. de) 77
 Георг I, король Великобритании 30–31, 40, 98, 215, 227
 Гёртц Г.Х. фон (Görtz G.H. von) 30, 109, 185, 227
 Гессен-Кассельская М.-Л. (Maria-Louise van Hessel-Kassel) 184–185
 Гзел(л)ь Г. (Gsell G.) 80, 84, 149
 Гол Й. ван (Gool J. van) 80
 Голиков И.И. 144, 198–199, 210
 Голицын М. 113
 Головкин Г.И. 15, 32, 42, 45, 48, 50, 57, 101, 204
 Горбатенко С. 22, 171, 191
 Горбачев М.С. 196
 Грималдо де (Grimaldo de) 31
 Гудзон Г. (Hudson H.) 103
 Гузевич Д. и И. 18, 128
 Гуйзум фан Й. ван (Huysum J. van) 76
 Гус Р. (Goes R.) 97, 98
 Гюйгенс Х. (Huygens C.) 123
 Гюлпен Ф. ван (Gulpen Ph. van) 166
 Давид, царь, правитель объединенного Израильского царства 147
 Давис (Davis) 126
 Дам Й. ван (Dam J.A. van) 176
 Дашкова Е.Р. 208–209
 Дейк А. ван (Dyk A. van) 75, 151
 Дейк Г. (Dijk G.) 18
 Демидов А. 145, 157
 Державин Г.Р. 16
 Дидро Д. (Diderot D.) 203
 Дикс А. (Dix A.) 56
 Долгорукий В.В. 101
 Долгорукий В.Л. 44
 Долгорукий (контакт Калффа в Париже) 203
 Допфф Д.В. де (Dopff D.W. de) 160–166
 Дриссен Й. (Driessen J.) 70
 Дросте К. (Droste C.) 118
 Дюрен Й. ван (Duren J. van) 81
 Евгений Савойский 144
 Екатерина I, императрица 12, 23, 51, 54, 77, 79–80, 96, 110–115, 121, 129, 149, 153, 176–178, 180–181, 186, 193, 196, 198, 213
 Екатерина II, императрица 118, 215
 Елизавета Петровна, императрица 31, 40, 112
 Ельцин Б.Н. 196
 Еропкин П. 76
 Жуковский В. 199
 Захаров А. 76
 Зеба А. (Seba A.) 18, 66, 70
 Земцов М. 76
 Йозиус Т. (Josius T.) 198
 Калфф К.К. (Calff C.C.) 196, 198, 200–201, 204
 Калфф К.М. (Calff C.M.) 106, 198, 201, 204
 Калфф Н.К. (Calff N.C.) 200–208
 Кальвин Й. (Calvin J.) 147
 Карл VI, император Священной Римской империи 27, 33, 155, 157
 Карл XII, король Швеции 9, 21, 56, 96
 Кэтс Я. (Cats J.) 118
 Кауниц В.А. фон (Kaunitz W.A. von) 208
 Кеппел А.Й. (Keppel A.J.) 99, 102, 120–121, 175, 177, 178, 184–185, 211
 Керенс Ф. (Kerens Ph.) 160
 Керстеман Ф.Л. (Kersteman F.L.) 147
 Кинсберген Й.Х. ван (Kinsbergen J.H. van) 199
 Кинсхот Я.Л. ван (Kinschot J.L. van) 99–100, 102, 211
 Кист Г. (Kist G.) 191, 198, 200
 Клоотстра А. (Kloetstra A.) 19
 Кнопперс Й. (Knoppers J.) 18
 Козимо III Медичи (Cosimo de Medici) 102
 Кнопс Х. (Knops H.) 166
 Коларт П. (Koolaart P.) 188
 Кологринов Ю.И. 12, 17, 72–73
 Конингсбрюгге Х. ван (Koningsbrugge H. van) 18
 Кордт В. 14
 Корнель П. (Corneille P.) 104, 165
 Коробов И. 76
 Коровин С. 24
 Корстен М. (Korsten M.) 175
 Крамер А. (Cramer A.) 115
 Крассир де (Crassier de) 166
 Кросс А. (Cross A.) 54
 Кротов П.А. 17, 159
 Крюс (Крюйс) К. (Cruys C.) 178, 208
 Куденис В. 154, 156, 168, 169, 173
 Кур ван дер Воорт П. Де Ла (Court van der Voort P. de La) 70–71
 Куракин А.Б. 40
 Куракин Б.И. 12, 26, 28, 32, 36–42, 46–48, 50–52, 71, 79, 81, 83, 94, 96–97, 99, 101–102, 110, 114–115, 117, 120–121, 125, 132–133, 150, 177, 184, 193, 198, 218
 Кухорн М. (Coehoorn M.) 213

- Леблон Ж.-Б.А. (Leblond J.-B. A.) 27
 Леуэн Д. ван (Leeuwen D. van) 81
 Леуэн Я. ван (Leeuwen J. van) 126–127
 Лейбниц Г.В. 152
 Леопольд I, император Священной Римской империи 160
 Лепелар (Lepelaer) 102
 Леннеп ван Я. 200
 Лесков Н.С. 72
 Лестевенон М. (Lestevenon M.) 97
 Лесток И.Г. (Lestocq J.H.) 111, 115
 Ликург 188
 Лингелбах Й. (Lingelbach J.) 76
 Ловягин А. 192
 Лопухина К. 40
 Лортцинг А. (Lortzing A.) 192
 Людовик XIV, король Франции 9, 31, 150–151, 203
 Людовик XV, король Франции 31, 40, 150, 152
 Лудер Я. (Luder / Loeder? J.) 71
 Люпс Ж. (Lup(s) J.) 52, 56
 Лютер М. 147
Маврин С. 112, 115
 Майков Л. 17
 Макаров А.В. 12, 48, 50, 57
 Матвеев А.А., дипломат 28, 36, 38, 50
 Матвеев А., живописец 76–80
 Маурициус Й.Й. (Mauricius J.J.) 215–216
 Мейрман Й. де (Meerman J. de) 124
 Мейден Г.В. ван дер (Meiden G.W. van der) 127
 Мёйс ван Холей Н. (Muys van Holy N.) 176
 Мезин С. 146
 Меншиков А.Д. 12, 28, 43, 50, 85, 153, 193, 204
 Мере-Генар (Méré Guénard) 204
 Мериан М.С. (Merian M.S.) 27, 72, 84
 Меркуриев И. 76
 Мидавэн Я. (Midavaine J.) 135, 141
 Микифиров П. 45
 Мирис Ф. ван (Mieris F. van) 76
 Мичурин И. 77
 Моллем Д. ван (Mollem D. van) 186
 Моллем Я. ван (Mollem J. van) 186
 Моор К. де (Moog K. de) 77, 79–80, 180
Наполеон Бонапарт, император французов 199, 227
 Нартов А.К. 16–17, 121, 152–153
 Нарышкин А. 51, 203
 Негре П. Де (Negre P. de) 178
 Неплюев И.И. 15, 77
 Никитин А. 45
 Никитин И.Н. 27
 Николай I, император 17, 157, 200
 Николай II, император 193
 Нируп Д.Р. ван (Nierop D.R. van) 176
 Номен Я.К. (Nomen J.C.) 14, 18, 101–102, 106–107, 109, 196, 212, 219
Овидий 215
 Олсуфьев М. и В. 31
 Орлов Г. 199
 Ортман П. (Oortman P.) 65
 Остаде А. ван (Ostade A. van) 76, 180
 Остервейк Й. ван (Oosterwyk J. van) 206–208
 Остерман А.И. 206
Павел Петрович, царевич 111–115
 Павел I, император 157, 199
 Паддон (Paddon) 43
 Патриот Ю. (Patriot J.) 209
 Пе Х. ван (Pee H. van) см. Волтерс-Ван Пе
 Перри Дж. (Perry J.) 132, 206–208
 Пестерс Е. (Pesters E.) 149
 Петр II, император 75
 Петр III, император 112
 Питер Флорисзон (Pieter Floriszoon) 174, 176
 Питерсон А. (Pieterse A.) 120
 Платман П. (Plaatman P.) 139
 Платонов А. 132
 Пляйер О.А. (Pleyer O.A.) 127
 Поль П. (Pool P.) 106
 Пост П. (Post P.) 167, 171
 Преис Й.Ф. (Preis J.F.) 15, 29, 108–109, 114, 210, 228
 Прие де (Prié de) 144
 Путин В.В. 196
 Пушкин А.С. 193, 200
Растрелли Б. 27
 Рейтц Й.Ф. (Reitz J.F.) 186
 Рембрандт 70, 75, 77, 180
 Ренард Л. (Renard L.) 110
 Репелар Х. (Repelaer H.) 99, 175, 211
 Ренен Я. ван (Rheenen J. van) 107, 212
 Ришелье (Richelieu) 151
 Рогге Л. (Rogge L.) 191
 Рожиссар А. де (Rogissart De) 83
 Руа Ж. Ле (Roy J. Le) 83
 Рубенс П.П. 75, 151
 Рю П. де ла (Rue P. de la) 135
 Рюйш Ф. (Ruysch F.) 18, 70, 123, 180
Сахаров А.Д. 193
 Свейртс И. 83
 Севоном А. ван (Sevenom A. van) 214
 Сило А. (Silo A.) 76, 80

- Слуп ван Э. 170
 Соломон, царь, правитель объединенного Израильского царства 147
 Соловьев О.А. 12, 40, 45–46, 50–52, 101, 178, 188
 Софья Алексеевна, царица, правительница 40
 Спулстра К. 196
 Стейн Я. см. Штейн Я.
 Стейнграхт Й. (Steengracht J.)
 Степанов В. 12
 Стеффано Дж. (Steffano G.) 80, 155
 Шап М. (Schaep M.) 178, 180
 Схейнвут С. (Schijnvoet S.) 52, 59–60, 71, 83
 Схейленбург Й. ван (Schuylenburg J. van) 120
 Схелтема Й. (Scheltema J.) 9, 14, 17, 19, 36, 103, 108–109, 114, 123–124, 126, 134, 176, 177, 180, 186, 200, 203–204, 209
 Схелтинга (Scheltinga) 44
 Сэн-Симон (Saint-Simon) 41, 152
 Сципион 188
 Татарынов А. 168
 Тейшейра Б. и С. (Teixeira B. & S.) 54
 Тесинг Й. (Thesing Johannes) 203
 Тесинг Я. (Thesing Jan) 203
 Тилен Й.А. (Thielen J.A.) 117
 Тисенс Г. (Tysens G.) 203
 Тишбейн Й.В. 161
 Толстой Л.Н. 193
 Толстой П.А. 41, 101, 129
 Троост К. (Troost C.) 77
 Уляницкий В. 50
 Устрялов Н. 17
 Фабрициус Ф. (Fabricius F.) 124
 Фабел Ф. (Fagel F.) 117
 Фальконе Э.-М. (Falconet E.-M.) 16
 Фаренгейт Д.Г. (Fahrenheit D.G.) 71–72
 Фейгина С.А. 18, 31
 Флиссинген 130–133
 Флорис V (Floris V) 104
 Фонтенель Б. (Fontenelle B.) 152
 Форест Д. ван (Foreest D. van) 176
 Франгулян Г. 146
 Франсен А. (Fransen A.) 57
 Фредерик Хендрик (Frederik Hendrik) 120
 Фридрих Вильгельм I, король Пруссии 30, 32, 81, 96, 118, 182, 218, 227
 Фризо Й.В. (Friso J.W.) 184
 Хартсукер Н. (Hartsoeker N.) 123
 Хаубракен А. (Houbraken A.) 75, 79
 Хейден Я. ван дер (Heyden J. van der) 107–108
 Хейнсиус А. (Heinsius A.) 14, 30, 40, 46, 97, 99–101, 105, 114–115, 117, 149, 175, 177, 185, 211
 Хейкелом ван (Heuckelom van) 99
 Хитманс М. (Hitmans M.) 198
 Хогвлит А. ван (Hoogvliet A. van)
 Хогендорп Г. ван (Hogendorp G. van) 118
 Хониг Г.Я. (Honig G.J.) 192
 Хофман-Коларт Е. (Hoofman-Koolart E.) 188–190, 196
 Хофт А. (Hooft A.) 99, 208
 Хофт Г.Х. (Hooft G.H.) 99, 178, 208, 211
 Хук Х. ван (Hoek C. van) 54
 Цезарь Ю. 188
 Черномырдин В.С. 196
 Чернин (Czernin) 147
 Чехов А.П. 193
 Шафиров П.П. 12, 26, 43, 48, 50, 98, 101, 129
 Шатонёф П.-А. (Châteauneuf P.-A.) 15, 30, 32, 98, 109, 184
 Шварц И. 141
 Шепелев Д.А. 214
 Шереметев П.Б. 75
 Шрлдер М.Х. 196
 Штейн (Стейн) Я. (Steen J.) 75, 180
 Штелин Я. Фон (Stählin J.) 16, 75, 83, 206, 214–215
 Щербатов М. 16
 Щербатов Ю. 43
 Эвелин Дж. 54
 Эйп П. (Ijp P.) 106, 198
 Эк Ван (Eck Van) 102
 Элст Ф. ван дер (Elst Ph. van der)
 Эмони Ф. и П. (Hemony F. & P.) 108
 Эрсан Л.М.Ж. 150
 Эрскин см. Арескин
 Юкселль (Huxelles) 149
 Юрьев И. 12
 Ягузинский П.И. 149
 Языков А. 193
 Яков III, претендент на английский престол 30

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

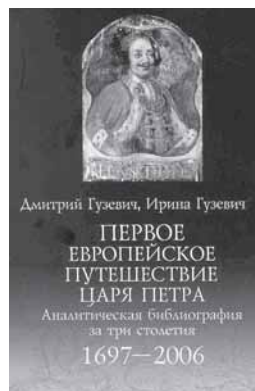
- Азов 31, 110
Алкмар 109
Алтона 51, 97
Альтенау 94
Амерсфорт 15, 21, 52, 95, 96, 100
Амстердам 9, 15, 18, 21, 23, 26, 28, 29,
36–38, 40–43, 45–48, 50–52, 54, 57,
59, 62–68, 72, 74–75, 80–81, 94, 96,
98–117, 120, 129, 155, 160, 175–178,
180, 182, 185–188, 191–192, 201, 203,
205, 207, 212, 218, 226
Антверпен 15, 21, 33, 37, 44, 74, 80, 96–
98, 113, 121, 125, 131–132, 134, 144,
146, 155, 157, 211
Апелдорн 15, 21, 33, 95, 184, 185
Арнем 36
Архангельск 28, 52
Астрахань 48
Ауденарде (Oudenaarde) 108
Ахен 23, 33, 98–99, 160, 162
Барселона 97
Берген-оп-Зом (Bergen-op-Zoom) 23, 213
Берлин 13, 23, 30, 81, 97
Бове (Beauvais) 108, 148
Бойценбург (Boizenburg) 111
Брауншвейг 36
Бреда 213
Бремен 21, 94, 100
Брилле (Briel) 125
Брюгге 21, 33, 148
Брюссель 14, 21, 33, 37, 43–44, 74, 96,
125, 130, 144–149, 151, 157
Везель (Wesel) 21, 110–111, 113–115
Вена 23, 32, 36, 127, 157, 208
Венеция 36, 74
Венло (Venlo) 175
Вере (Veere) 15, 129, 133, 135
Вёрне (Veurne) 21, 149
Виллебрук (Willebroek) 144
Ворбюрг (Voorburg) 117
Воронеж 191
Ворст (Voorst) 185
Вортхли́зен (Voorthuizen) 95
Гаара 12, 14–15, 18, 23, 28, 30, 32–33, 36–
38, 40, 42, 44–47, 58, 60, 62, 71, 74, 79,
81, 94, 98, 101, 110, 114–115, 123, 125–
127, 153, 183, 207, 210, 216, 226
Гавр-де-Грасс (Havre-de-Grasse) 44
Гамбург 21, 36, 43, 44, 45, 96–97, 110–
111, 215
Гамбург 21, 36, 43–45, 96–97, 110–111, 215
Ганновер 111
Гауда (Gouda) 108, 115, 175, 211, 213
Гельсингфорс 28
Гент 21, 33, 148–149
Генуа 74
Граве 175, 213
Данциг (Гданьск) 21, 23
Девентер 15, 21, 94–96, 100–101, 184
Делфт 15, 21, 36, 118
Дептфорд 54
Динан 23
Дордрехт 15, 21, 23, 99, 125, 211–214
Дюнкерк 21, 26, 32–33, 98, 149, 218
Зандам (Zaandam) 14–15, 17–18, 23, 96,
101, 106, 115, 126, 191–211, 217, 227
Зволле (Zwolle) 94, 213
Зютфен 185
Казань 111
Кале (Calais) 23, 98
Карлсбад 72
Клеве (Kleef) 218
Копенгаген 21, 44, 94, 98
Краков 36
Куворден (Coevorden) 213
Лейден 15, 21, 36, 41, 47, 70, 79, 117,
123–125, 167
Лейдсхендам (Leidschendam) 117
Лейпциг 37, 97
Леуварден (Leeuwarden) 164, 185
Ливорно 74
Лилло (Lillo) 133
Линебург (Lüneburg): 111
Липпштадт (Lippstadt) 111
Лифкенсхук (Liefkenshoek) 133
Лондон 15, 30, 32–33, 50, 54, 74, 75, 98,
109, 132, 197, 211
Льеж 23, 155
Любек 21
Люнебург (Lüneburg) 36
Маасейк 175
Маастрихт 15, 23, 104, 160, 162, 165–172,
175
Мемель 23
Мидделбург 15, 21, 129, 131, 133, 135, 144
Милан 74
Мильфельд (Bielefeld) 111

Минден 111
Митава 23
Монникендам 15, 176
Москва 12, 23, 52, 68, 77, 135, 171, 210
Намюр 23, 155
Нант (Nantes) 111
Нарва 23, 28
Нарден 15, 21, 38, 95, 101, 213
Неаполь 74
Неймеген (Nijmegen) 15, 23, 162, 211, 213–215
Нейштадт (Neustadt) 111
Ниупорт (Nieuwpoort) 21, 149
Ништадт 15, 18, 33, 184
Олонец 157
Остенде 21, 148–149, 177
Париж 14–15, 18, 23, 26, 31–33, 40–41, 44, 74, 79, 85, 97, 109, 149, 150–153, 190, 203
Пирмонт (Pymont) 7, 21, 157
Полтава 36, 56, 85, 96
Ревель 28, 109
Реймс 23
Рейсвейк (Rijswijk) 118
Рига 23, 28
Рим 36, 72, 74
Розендал (Roosendaal) 213
Росток 21, 45
Роттердам 15, 18, 21, 36, 46, 47, 99, 123, 125–128, 212
Рурмонд (Roermond) 15, 175

Санкт-Петербург 16–17, 22–23, 28–29, 33, 44–46, 51–53, 55, 62, 66, 74, 75, 81, 110, 114, 127, 129, 147, 171, 193, 196, 218
Спа 23, 72, 145, 149, 153–157
Стамбул 85
Стокгольм 15, 29, 108, 114
Схарн (Scharn)
Схевенинген (Scheveningen) 21, 117
Тексел 23, 175–176
Травемюнде (Travemünde) 21
Тулон 97
Утрехт 14–15, 21, 26, 37, 95–96, 100, 122, 149, 186
Флиссинген 15, 21, 125, 131–133
Флоренция 36
Хардервейк (Harderwijk) 23
Харлем (Haarlem) 15, 23, 47–49, 74, 178, 203, 211, 213, 225
Хафельберг 21, 30, 96, 227
Хеллевутслюйс (Hellevoetsluis) 125
Хорн (Hoorn) 15, 23, 174–176
Шверин (Schwerin) 21, 96, 111
Шпандау 23
Эдинбург 252
Эрфурт 23, 111

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

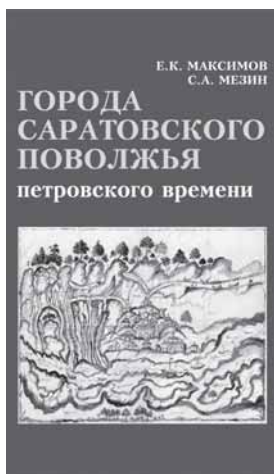

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

Петровские памятники России: Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. Часть 1. Ред.-сост. А.В. Кобак, Н.Л. Корсакова. СПб.: Европейский Дом, 2010. 440 с., илл.

Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2011. 178 с., илл.

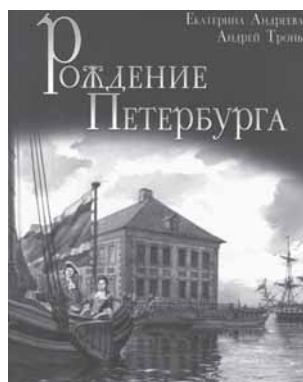

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706—1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715—1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 416, 453, 464 с.

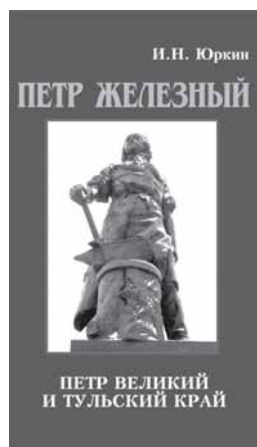
Культурные инициативы Петра Велико-го: Материалы II Международного кон-гресса петровских городов. Санкт-Пе-тербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е.В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. **Рождение Петербурга.** СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

Юркин И.Н. **Пётр железный. Пётр Ве-ликий и тульский край: факты, гипоте-зы, документы.** СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

ПЕТРОВСКИЕ РЕЛИКВИИ
В СОБРАНИЯХ
РОССИИ И ЕВРОПЫ

Материалы III Международного конгресса
петровских городов

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Сви́дерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

**СТОЛИЦЫ
И
ПРОВИНЦИЯ**

Материалы IV Международного конгресса
петровских городов

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Сви́дерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Эпиграм КРОСС

**АНГЛИЙСКИЙ
ПЁТР**

**Пётр Великий
глазами британцев
XVII–XX веков**

Кросс Э. **Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков.** Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

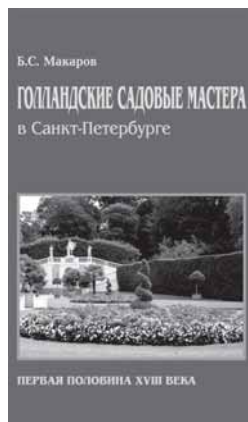
Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д.Ю. Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии. СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

Макаров Б. Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века. СПб.: Изд. ВМА, 2013. илл.

Эммануэль ВАГЕМАНС

ЦАРЬ В РЕСПУБЛИКЕ

Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717)

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Указатели имен и географический:
Э. Вагеманс, Г.Б. Богуславская

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

978⁵8015⁰311⁰

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60х88/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ.л. 16. Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15, оф. 53
Тел./факс: (812) 579-02-85, e-mail: evrodom2006@list.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28